

1

96
2065

V. S. C. 307 f 4

ИЗБРАННЫЯ

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

СОСТАВИЛЪ

П. Ѳ. Вышеславцевъ.

АПРѢЛЬ.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ И ДѢЛО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.

1886.

Для сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ и для народныхъ училищъ изданы редакціею слѣ- дующія книги:

I. Книги для первоначальнаго обученія.

	Цѣна. Съ пер.
1. Букварь Константинова	10 к. 12 к.
2. Прописи для первоначальнаго письма	10 „ 12 „
3. Книжка для чтенія Ч. I. Съ рисунками	30 „ 35 „
Книжка для чтенія Ч. II. Съ рисунками.	20 „ 25 „
4. Ариѳметика.	20 „ 25 „
5. Ариѳметическій задачникъ.	10 „ 15 „
6. Обереженіе здоровья.	20 „ 25 „
7. Свѣдѣнія обязат. для каждаго рядоваго	20 „ 25 „

II. Книги духовнаго содержанія:

1. Житіе святыхъ угодниковъ	20 к. 25 к.
2. Соловецкій монастырь и его святыни. Съ рисунками	20 „ 25 „
3. Изъясненіе Божественной литургіи	20 „ 25 „
4. Жизнь и ученіе Іисуса Христа. Съ 27 рисунками.	75 „ 90 „
5. Послѣдніе дни Спасителя. Съ рисунками	20 „ 25 „
6. Дванадцать праздники	30 „ 35 „

III. Жизнеописанія замѣчательныхъ людей.

1. Кулибинъ. Русскій механикъ-самоучка	10 к. 12 к.
2. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ	20 „ 25 „
3. Семенъ Прокофьевичъ Власовъ. Турбинъ	10 „ 15 „
4. Хабаровъ и Дежневъ, знаменитые казаки.	10 „ 15 „
5. Ученый башмачникъ Томасъ Эдвардъ	10 „ 15 „
6. Котляревскій и Слѣпцовъ. Кавказскіе герои	15 „ 20 „
7. М. Д. Скобелевъ	20 „ 25 „
8. Фултонъ и Стефенсонъ—изобрѣтатели парохода	10 „ 15 „
9 Русскіе писатели: Фонвизинъ	10 „ 15 „
Кольцовъ и его стихотворенія. Съ портрет.	15 „ 20 „

IV. Русская исторія и историческіе рассказы.

1. Какъ началось Русское Царство. Время отъ Рюрика до Ярослава. Съ 12 рис.	25 к. 30 к.
2. Русская земля отъ Ярослава до татарскаго погрома. Съ 8 рис.	25 „ 30 „
3. Татарскій погромъ и Димитрій Донской. Съ 4 рис.	25 „ 30 „
4. Московское Княжество отъ смерти Димитрія Донскаго до во- царенія Ивана Грознаго. Съ 7 рис.	25 „ 30 „
5. Отъ Ивана Грознаго до прекращенія Рюрик. дома. Съ 13 рис.	25 „ 30 „
6. Отъ прекращенія Рюрикова дома до воцаренія Михаила.	25 „ 30 „
7. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Съ рис.	25 „ 30 „
8. Царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ рис.	25 „ 30 „
9. Царствованіе Николая Павловича. Съ рис.	25 „ 30 „
10. Царствованіе Императора Александра II.	25 „ 30 „
11. Борьба съ природою на Балканахъ. Съ рис. и картою	45 „ 50 „
12. День и ночь въ Севастополѣ	20 „ 25 „
13. Геройская смерть Данилова. Съ рис.	20 „ 25 „
14. Подвиги русскихъ войскъ въ войну 1877—78 гг.	20 „ 25 „
15. Бой подъ Плевной за Зеленныя горы	20 „ 25 „
16. Взятіе Никополя	20 „ 25 „
17. Подвиги Кавказской арміи	20 „ 25 „
18. Паденіе Плевны	20 „ 25 „
19. Мѣсяцъ плѣна у Османа-паши	10 „ 15 „

V. SS. C. 307 f (4)

ИЗБРАННЫЯ ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

СОСТАВИЛЪ

П. Ѳ. Вышеславцевъ.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1886.

Ц. н. 5170

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1886 г.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Kontroll-Kommission
Gef.-Bibliothek
Lechfeld.

1-го Апрѣля.

Преподобная Марія Египетская.

Жизнь этой знаменитой подвижницы, по проявленію неизреченнаго милосердія Божія къ Своему созданію, представляетъ нѣкоторое сходство съ священномученицею Евдокіею (пам. 1 марта). Обѣ были женщины падшія, и обѣ содѣлались избранными сосудами благодати Господней. Но есть между Евдокіею и Маріею и нѣкоторая разница. Евдокія, до обращенія своего къ Богу, пребывала въ безправственности ради пріобрѣтенія богатствъ и роскошествовала въ избыткахъ всѣхъ мірскихъ благъ; Марія же была бѣдна и страсти къ пріобрѣтеніямъ богатствъ не имѣла. Она была первоначально безправственна изъ непостижимой потребности къ пороку. И въ этомъ отношеніи, можно сказать, она стояла ниже Евдокіи, ея безправственность казалась тѣмъ ужаснѣе—что она была христіанка. Марія отъ колыбели знала Бога истиннаго, вѣдала заповѣди, повелѣвающія хранить чистоту душевную и тѣлесную, и отвращаться отъ всего дурнаго. Евдокія же крестилась уже въ зрѣломъ возрастѣ. Но какъ-бы тамъ ни было, изъ жизни преподобной Маріи Египетской можно вывести одно заключеніе: о неисчетномъ милосердіи Творца. Онъ не допускаетъ Своему созданію погибнуть, если созданіе это воззоветъ къ нему отъ чистаго сердца, съ непреклоннымъ намѣреніемъ исправиться и не грѣшить. Помощь Отца Небеснаго не оскудѣваетъ, не замедляется для всѣхъ, съ вѣрою прибѣгающихъ къ Господу

нашему Іисусу Христу и къ предстательству и заступничеству Его Преплагословенной Матери, Пресвятой Дѣвы Богородицы.

Описаніе жизни Маріи Египетской составлено блаженнѣйшимъ Софроніемъ, патріархомъ Іерусалимскимъ (634—644; пам. 11 марта). Написанное о Маріи не есть вымысль, а непреложная истина,—въ томъ могутъ служить ручательствомъ и святость Софронія и его свидѣтельство, что онъ писалъ со словъ тѣхъ монаховъ, среди которыхъ жилъ преподобный Зосима († 523 г., ста лѣтъ; пам. 4 апр.), видѣвшій, бесѣдовавшій и похоронившій Марію.

Упоминаемый Зосима-старецъ, былъ монахъ одной изъ Палестинскихъ (иначе Св. Земля, на юго-западѣ Азіатской Турціи) монастырей, человѣкъ строгой и святой жизни. До пятидесятилѣтняго возраста онъ прожилъ въ монастырѣ, куда водворенъ былъ чуть не младенцемъ. Наконецъ онъ сталъ смущаться грѣховными мыслями о своихъ достоинствахъ. Въ припадкѣ высокаго о себѣ мнѣнія, Зосима разъ дерзнулъ сказать: «Любопытно-бы знать, есть-ли еще на землѣ человѣкъ, который могъ меня научить чему нибудь такому, чего-бы я не зналъ. Найдется-ли иной, кто выше меня въ подвигахъ постничества». Едва преподобный вымолвилъ подобное о себѣ самовосхваленіе, какъ явился ангелъ, и сказалъ: «Прекрасно, что ты постничалъ, преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ и подвигахъ; но никто не можетъ о себѣ сказать, что онъ совершененъ. Много есть еще путей ко спасенію, тебѣ неизвѣстныхъ, гораздо высшихъ твоихъ. И чтобы въ томъ убѣдиться—ступай въ монастырь, находящійся при рѣкѣ Іорданѣ, и посмотри».

Ангелъ сталъ невидимъ. Зосима, повинувшись повелѣнію ангельскому, тотчасъ-же отправился въ путь. Достигнувъ указаннаго ангеломъ монастыря, онъ здѣсь братолюбиво былъ принятъ и здѣсь же остался тутъ жить.

Дѣйствительно, жизнь въ Пріорданскомъ монастырѣ была необычайно строга. Кромѣ церковныхъ службъ, продолжительныхъ, непрестанныхъ трудовъ, постоянныхъ псалмопѣній, соблюденія безмолвія, всенощныхъ бдѣній,—пищею братіи служилъ лишь хлѣбъ и вода. Съ наступленіемъ Великаго поста ворота обители запирались наглухо, никто не входилъ изъ-внѣ, и никто не выходилъ изъ монастыря, кромѣ случаевъ, когда необходимо было справить какую-нибудь потребность

обители. Въ первое воскресеніе совершалась литургія — и братія причащалась. Послѣ сего, съ благословенія игуменскаго, всѣ выходили изъ монастыря, шли за Іордань, и тамъ расходились въ разныя стороны вплоть до Вербнаго воскресенія. Въ продолженіи всего этого времени монахи не имѣли права сходиться между собою, ни разговаривать, ни даже молиться вмѣстѣ. Каждый долженъ былъ пребывать въ совершенномъ уединеніи и безмолвіи. И если, ходя по пустынѣ, одинъ монахъ завидѣлъ-бы другаго, то обязанъ былъ свернуть въ сторону и удалиться. Въ Вербное воскресеніе опять всѣ собирались въ монастырь; но никто не спрашивалъ другъ у друга, какъ провелъ время и чѣмъ занимался. Таковъ былъ уставъ.

Преподобный Зосима, подобно другимъ, ушелъ за Іордань. Однажды вспала ему мысль пойдти въ даль, во внутренность пустыни. «Авось, не встрѣчу-ли здѣсь, думалось ему, какого-нибудь тамъ отшельника, отъ котораго могу попользоваться наставленіями». И вотъ онъ отправляется въ глубь пустыни, по направленію къ востоку, поя псалмы и останавливаясь иногда для совершенія поклоновъ. Чрезъ нѣсколько дней, во время одного изъ такихъ стояній, онъ увидѣлъ какъ-бы мелькнувшую мимо него въ отдаленіи человѣческую тѣнь. Смутился Зосима. «Не привидѣніе-ли это?» мысленно спросилъ онъ самъ себя. Тѣмъ не менѣе, перекрестившись, продолжалъ молитвенное стояніе. Кончивъ молитву, преподобный взглянулъ на полуденную сторону и увидѣлъ кого-то идущаго. Но этотъ идущій показался Зосимѣ страннымъ и необычнымъ. Онъ былъ голъ, тѣло черно, а волосы бѣлы какъ снѣгъ и до плечъ. Зосима направился вслѣдъ за идущимъ страннымъ человѣкомъ. Но тотъ, запримѣтивъ Зосиму, пустился бѣжать отъ него. Преподобному, во что бы ни стало, непременно желалось допытаться кто этотъ необычный человѣкъ, и потому онъ напрягъ всѣ силы и кинулся догонять бѣжавшаго. Приблизясь къ неизвѣстному на такое разстояніе, что можно было уже слышать другъ друга, Зосима крикнулъ: «Пожди, Господа ради, куда бѣжишь; остановись, и преподай мнѣ благословеніе». Но бѣгущій ничего не отвѣчалъ и не останавливался, спустился чрезъ сухой ручей и перебрался на другую сторону. Зосима, обезсилѣвъ отъ бѣга, не могъ уже продолжать погони. Онъ горько заплакалъ. Незвѣстный же, очутившись за ручьемъ, вдругъ крик-

нуль: «Отче Зосима, не могу возвратиться и придти къ тебѣ, потому что я женщина, и стыжусь наготы своей. Если-же хочешь чтобы я пришла къ тебѣ и приняла отъ тебя благословеніе, то брось что-нибудь изъ одежды, дабы я могла прикрыться». Удивился Зосима. «Если бы эта женщина не была праведница и прозорливая, то какъ могла знать мое имя, видя меня въ первый разъ?» сказалъ онъ себѣ. И съ этими словами преподобный бросилъ свою верхнюю одежду женщинѣ, и отвернулся въ противоположную сторону отъ нея. Прикрывшись, женщина подошла къ Зосимѣ и преклонилась предъ нимъ. Но и Зосима сдѣлалъ то же самое. «Тебѣ, какъ имѣющему санъ священника, сказала женщина, не подобаетъ преклоняться предо мною, грѣшною. Тебѣ, имѣющему право предстоять предъ святымъ престоломъ, подобаетъ меня благословить». Удивленіе Зосимы еще болѣе увеличилось. Ясно стало ему, что предъ нимъ раба Божія, подвижница, на которой почиетъ и устами которой говорить Духъ Святой. Иначе какъ могло случиться, чтобы она, въ первый разъ увидѣвъ Зосиму, знала и его имя и его священническій санъ. Прозрѣвать можно или благодатію Духа Святаго, или внушеніемъ духа зла—дьявола. Но человекъ, служащій духу зла,—не станетъ просить молитвъ и благословеній, сердце его полно гордыни, а не смиренія. Слѣдовательно, по всѣмъ видимымъ признакамъ, предъ Зосимою предстояла праведница. Убѣжденный въ этомъ, преподобный не переставалъ просить подвижницу помолилась о немъ. «Духъ Святой привелъ тебя сюда пользы моей ради, отвѣчала блаженная. Хоть я и великая грѣшница, и не считаю себя достойною возносить за другихъ молитвы, въ особенности за тебя, служителя Божія, однакоже смиреніе мое обязываетъ меня исполнить твою волю. Но прежде всего прошу, скажи, что творится въ мірѣ?»—«Молитвами святыхъ, благодареніе Господу, отвѣчалъ Зосима, въ мірѣ православномъ тишина и христіанство утверждается. Помолись-же, раба Божія, за старца, дабы не напрасно бы мое странствіе по пустынѣ».—«Подчиняюсь волѣ твоей, отче», произнесла праведница. Съ этими словами, она отошла въ сторону, обратилась лицомъ на востокъ, и, воздѣвъ (поднявъ) руки къ небу, начала про себя молиться. Зосима случайно взглянулъ въ сторону молящейся,—и ужаснулся: она стояла на воздухѣ, на локоть отъ земли (около 14 вершковъ). «Господи, помилуй!» произнесъ

онъ въ великомъ страхѣ, и палъ на землю. И тутъ-же въ душу его запало сомнѣніе: не мерещится-ли ему все, что онъ видитъ, и не злой-ли духъ морочить, притворяясь, будто молится. Но вотъ молившаяся подошла къ Зосимѣ, и, коснувшись его, молвила: «Встань, отче, напрасно смущаешься помыслами. Я не привидѣніе и не злой духъ, а простая обыкновенная женщина, и притомъ великая грѣшница, хоть и крещеная». Съ этими словами она осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ. «Заклинаю-же тебя Богомъ, скажи кто ты, откуда, какъ твое имя и давно-ли здѣсь въ пустынь?» сталъ умолять преподобную Зосима.—«Если Господь внушилъ тебѣ придти сюда, и судилъ встрѣтиться со мною, то конечно Ему угодно, чтобы ты узналъ и о моей жизни. Исполняю волю Его святую, и не утаю ничего. Но предупреждаю тебя, отче, въ рассказѣ о моей жизни, къ стыду моему, нѣтъ ничего похвальнаго. И такъ слушай.

«Я уроженка египетская (Египетъ на сѣверо-востока Африки, у Средиземнаго моря) и воспиталась въ христіанской семьѣ. Но въ молодыхъ еще лѣтахъ, по легкомыслію, оставила родителей и убѣжала въ Александрію (торговый городъ въ Египтѣ, при Средиземномъ морѣ). Здѣсь я совратилась съ пути истины и предалась разврату. Семнадцать лѣтъ провела въ непрестанномъ служеніи грѣху. Не думай, однако, отче, чтобы грѣшила ради пріобрѣтенія богатствъ, изъ-за денегъ. Нѣтъ, я жила въ нищетѣ, пряла охлопья и часто голодала; но предавалась пороку по неодолимой, ненасытной къ нему склонности.

«Однажды я замѣтила множество людей, куда-то отправлявшихся и спѣшившихъ къ корабельной пристани. Одного изъ нихъ, молодого человѣка, я спросила куда и по какому случаю онъ и другіе съ нимъ спѣшатъ. «Развѣ не знаешь, сказалъ спрошенный, что чрезъ нѣсколько дней наступитъ великій праздникъ Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня (14 сентября). Вотъ всѣ и торопятся вовремя поспѣть во святой градъ Іерусалимъ».—А можно-ли мнѣ туда отправиться? продолжала я допытываться.—«Отчего-же; если есть у тебя деньги заплатить за мѣсто и продовольствіе,—никто тебѣ не возбранитъ отправиться въ Іерусалимъ», отвѣчалъ молодой человѣкъ.—«Хоть нѣтъ у меня денегъ, но я поѣду и буду сыта: найдутся охотники до моей красоты», безъ всякаго стыда сказала я

молодому человѣку. «Заплатятъ они за мое мѣсто на кораблѣ и за продовольствіе». И тотчасъ-же отправилась на морскую пристань. Здѣсь встрѣтила нѣсколько отъѣзжавшихъ въ Іерусалимъ молодыхъ людей, и заговорила съ ними. Красивою наружностью, необыкновенно вольнымъ обращеніемъ и безстыдными предложеніями, я поправилась развратникамъ. Они согласились взять меня съ собою, и я сѣла на корабль. Отъ Александріи вплоть до Іерусалима—во все время пути я предавалась позорнѣйшему пороку. Сознаніе о грѣхѣ ни разу не тревожило меня. Но вотъ я и въ Іерусалимѣ наконецъ. Люди прибывали сюда издалека ради молитвы и высшихъ духовныхъ наслажденій, готовились съ благоговѣніемъ и священнымъ трепетомъ вступить во святой храмъ, преклониться со смиреніемъ предъ Честнымъ Животворящимъ Крестомъ Господнимъ. А я же, презрѣнная, занималась постыднымъ ремесломъ, собирая вокругъ себя множество развратниковъ. И такъ проводила все время до наступленія великаго праздника Воздвиженія. На утро, въ день праздника, благочестные христіане спѣшили во святой храмъ, къ богослуженію и на поклоненіе Кресту Господню. Задумала и я идти туда-же. Благополучно достигнувъ паперти, я, въ числѣ прочихъ, хотѣла войти внутрь храма. Но едва приблизилась къ порогу церковному,—какая-то невидимая сила меня оттѣснила назадъ. Нѣсколько разъ возобновляла попытки пробраться въ храмъ, но каждый разъ принуждена была пятиться назадъ. Сначала я думала, что за тѣсною и по слабости силъ своихъ не могу проникнуть внутрь церкви. Подождавъ, когда богомольцевъ стало уже меньше, я порывалась опять вступить въ храмъ; но та же невидимая сила отстраняла меня отъ дверей церковныхъ, и я по-прежнему принуждена была оставаться на паперти. Тутъ только мнѣ пришло въ голову, что не тѣснота и слабосиліе пренятствуютъ вхожденію во святой храмъ, но моя грѣховность, духовная нечистота. Горько всплакнулась я о своихъ непотребствахъ: вся скверна моей жизни глубоко возмутила душу. Плача и сокрушаясь, я взглянула на образъ Пресвятой Богородицы, находившійся на стѣнѣ притвора (паперти), и пала предъ нимъ. «Владычица, Дѣва Пресвятая, воскликнула я, громко рыдая, сознаю вполне, что мнѣ, погрязшей во грѣхахъ, недостойно и взглянуть на Пречистое лико Твое. Но вѣдь для спасенія же

грѣшниковъ воплотился чрезъ Тебя Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Помилосердуй, молю, сжался надо мною, несчастною грѣшницею, Матерь Божія; помоги мнѣ: вѣдь я одна и безпомощна. Сподоби и меня поклониться Животворящему Древу Честнаго Креста. Услыши и пріими мое чистосердечное покаяніе, будь поручницею (поручительницею) предъ Сыномъ Твоимъ, Христомъ Богомъ нашимъ, что, узрѣвъ Святыню Честнаго Креста, я не возвращусь уже на путь нечестія. Отказавшись отъ всего мірскаго, пойду туда, куда Ты укажешь, Всеблагая Царица Небесная». Облегчивъ душу такою молитвою, я опять направила къ дверямъ храма, въ полной надеждѣ на милость Божію и заступничество Богородицы. И не обманулась. Грозная невидимая рука уже не оттѣсняла меня назадъ. Я свободно вошла во храмъ и сподобилась поклониться Животворящему Древу Честнаго Креста Господня. Выйдя изъ храма въ притворъ, я опять поверглась на колѣни предъ иконою Богоматери, съ слезами неизъяснимой радости благодарила Царицу Небесную за оказанную милость, и умоляла Пресвятую Дѣву быть моею отнынѣ руководительницею ко спасенію. И услышала я голосъ какъ-бы издалека, повелѣвавшій мнѣ идти за Іорданъ. «Когда перейдешь Іорданъ, возвѣщаль невидимый голосъ,—тамъ найдешь спасительное успокоеніе». Не медля ни мгновенія, я покинула притворъ церковный и пошла. Дорогою встрѣтился какой-то человѣкъ, который далъ мнѣ три «цаты» (цата—деньги; равнялась динарію, а динарій былъ двухъ родовъ—и равнялся нашимъ гривеннику и 5 копѣйкамъ сер.). На эти деньги я купила три хлѣбца у торговца, и разспросила у него какъ мнѣ дойти до Іордана. Въ Іорданѣ умылась, потомъ вошла въ церковь во имя Іоанна Предтечи, помолилась, и причастилась Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ вечеромъ, подкрѣпивъ силы кускомъ хлѣба, легла на землю и проспала до утра на открытомъ воздухѣ. На утро, переѣхала на лодкѣ на другую сторону Іордана, и пошла далѣе; обрѣла эту пустыню, и съ тѣхъ поръ въ ней обитаю въ совершенномъ одиночествѣ». *Зосима*. Сколько же лѣтъ, раба Божія, ты живешь здѣсь? *Подвижница*. Полагаю, что сорокъ семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ Іерусалима. *Зосима*. А чѣмъ питаешься? *Подвижница*. Вѣдь я захватила съ собою изъ Іерусалима три хлѣбца. Полхлѣбца съѣла при Іорданѣ,

а остальное служило мнѣ пищею въ теченіи долгаго времени». — Удивился Зосима такому воздержанію угодницы Божіей, и продолжалъ разспрашивать. — «И что-же, продолжалъ онъ, много пришлось тебѣ бороться съ мірскими привычками и желаніями?» — «О, отецъ мой, воскликнула подвижница, цѣлая семнадцать лѣтъ я боролась съ страстями своими, какъ съ лютыми звѣрьми, и только при помощи Царицы Небесной успѣла одержать побѣду надъ собою. По прошествіи семнадцати лѣтъ, ничто мірское уже болѣе не смущаетъ меня. Съ тѣхъ поръ, Пресвятая Богородица моя заступница, наставница и руководительница». — *Зосима*. Ты сказала, что хлѣбцами питалась нѣсколько лѣтъ. Что же служило и служить тебѣ пищею съ тѣхъ поръ, какъ они вышли? — *Подвижница*. Питаюсь корнями и растеніями. Одежда же моя истлѣла отъ времени. Въ зной и холодъ, милость Божія сохраняла и сохраняетъ доселѣ грѣшное мое тѣло. Питаюсь и покрываюсь словомъ Божиимъ. Въ писаніи сказано же: «не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ» (Матѣ. IV, ст. 4), и «нагіе ночуютъ безъ покрова и безъ одѣянія на стужѣ» (Іов. XXIV, ст. 7). Слыша эти изреченія, Зосима спросилъ подвижницу училась-ли она Св. Писанію. Вопрошаемая отвѣтила, что не только не училась, но и никогда не читала священныхъ книгъ. На удивленіе же старца, какимъ чудомъ, не учась и не читая, она приводитъ изреченія изъ Библіи и Евангелія, святая отвѣчала, что для человѣка все возможно, по благодати Божіей.

Окончивъ рассказъ о себѣ, преподобная просила Зосиму обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ никому не рассказывать ранѣе ея смерти. «Иди теперь съ миромъ, говорила она Зосимѣ. На слѣдующій же годъ Великимъ постомъ не переходи Іордана и не удаляйся въ пустыню, какъ надлежитъ по уставу вашего монастыря; но оставайся въ обители. Впрочемъ, если-бы и захотѣлъ уйдти изъ монастыря, не сможешь сего сдѣлать. Жди Великаго четверга. Съ наступленіемъ вечера этого дня, возьми Святые Дары, и иди къ Іордану; не переходи сюда, а оставайся по ту сторону. Я приду, и ты причастишь меня Животворящихъ Христовыхъ Таинъ». Съ этими словами преподобная удалилась во внутрь пустыни.

Старецъ Зосима, возвратясь въ обычное время въ монастырь, никому ничего не говорилъ о встрѣчѣ съ великою подвижницею въ

пустынѣ. Съ наступленіемъ Великаго поста, Зосимѣ, при всемъ его желаніи, нельзя было, во исполненіе монастырскаго устава, удалиться въ безмолвіе. Онъ заболѣлъ сильно, и выздоровѣлъ только къ Вербному воскресенію, когда всѣ иноки собрались уже въ монастырь. Такимъ образомъ, слова преподобной, что онъ не сможетъ уйти въ пустыню, сбылись. Дождавшись вечера Четверга Великаго, преподобный взялъ Святые Дары и пошелъ къ Іорданскому берегу. Наступила ночь. Луна свѣтила ярко. Достигнувъ берега, преподобный сталъ ждать подвижницу. Между прочимъ, ему пришла мысль: какъ же она переправится къ нему чрезъ Іорданъ,—когда некому ея перевести. Въ этихъ мысляхъ, Зосима взглянулъ черезъ рѣку и увидѣлъ шествующую угодницу Божию. Дойдя до берега, преподобная осѣнила вѣстнымъ знаменіемъ Іорданъ—и пошла по водѣ чрезъ рѣку, какъ посуху. Когда святая перебралась на сю сторону, къ Зосимѣ, онъ хотѣлъ-было ей поклониться до земли; но преподобная удержала его, сказавъ, что носящему Святые Дары не подобаетъ предъ людьми преклоняться! Прочитавъ положенныя молитвы, она причастилась и поцѣловала Зосиму. Затѣмъ, воздѣвъ (поднявъ) руки къ небу, съ глубокимъ вздохомъ и сквозь слезы, подвижница воскликнула: «Нынѣ отпускаеши, Владыко, рабу Твою по глаголу Твоему, яко видѣста очи мои спасеніе Твое». Потомъ, обратясь къ Зосимѣ, сказала: «Умоляю тебя, отче, исполни еще одно мое желаніе;—на будущій годъ приди въ то мѣсто, близъ сухаго ручья, гдѣ мы въ первый разъ встрѣтились. А теперь благослови, и не откажись молиться за меня». Получивъ благословеніе, преподобная простилась съ Зосимою, и опять по водамъ перешла чрезъ Іорданъ, и скрылась въ пустынѣ.

На слѣдующій годъ, въ указанное время, Зосима отправился въ пустыню, къ сухому ручью, гдѣ въ первый разъ бесѣдовалъ съ преподобною. Здѣсь онъ увидѣлъ ее распростертою на землѣ, безъ признаковъ жизни. Руки сложены на груди; лицо обращено на востокъ. Поцѣловавъ ноги преподобной, Зосима сталъ размышлять: похоронить скончавшуюся, или ей того не угодно будетъ. Но вотъ на землѣ, близъ головы, онъ увидѣлъ написанными слѣдующія слова: «Похорони, отче Зосима, на этомъ мѣстѣ тѣло смиренныя рабы Маріи; отдай землю землѣ. Молись за меня, скончавшуюся въ 1-й день апрѣля, въ Великій Четвергъ, по принятіи Животворящихъ Христовыхъ

Таинъ». Усопшая говорила старцу, что ничему никогда не училась. Какъ-же и кто сдѣлалъ эту надпись?—Это первое чудо. Второе чудо заключалось въ томъ, что отъ Іордана до сухаго ручья разстояніе—двадцать дней пути для обыкновеннаго человѣка. А Марія прошла въ одинъ часъ, ибо надпись на землѣ ясно гласила, что преподобная скончалась 1-го апрѣля, тотчасъ послѣ причастія. Старецъ радовался болѣе всего открытію имени святой подвижницы, и возблагодарилъ Господа за сподобленіе его, Зосимы, быть свидѣтелемъ столь великихъ чудесъ. Преподобная Марія просила похоронить ее. Но какъ то сдѣлать, когда съ нимъ не было ни заступа, ни какого другаго орудія для копанія земли. Старецъ задумался. Но вотъ онъ увидѣлъ громаднаго льва, бѣгущаго изъ глубины пустыни. Испугался Зосима. Левъ, достигнувъ тѣла Маріи, началъ лизать ноги усопшей, а потомъ смиренно подошелъ къ Зосимѣ и сталъ ласкаться. Преподобный ободрился и обратился ко льву, какъ къ человѣку, съ словами: что, вотъ, нужно, похоронить Марію, а у него нѣтъ съ собою заступа; руками же рыть могилу силъ не хватитъ. «Выкопай ты могилу», сказалъ наконецъ Зосима животному. И левъ послушно принялся передними лапами копать землю, и ископалъ. Скоро могила была готова, куда и положилъ Зосима тѣло Маріи. Совершивъ погребальныя молитвы, Зосима засыпалъ могилу, поклонился усопшей и ушелъ во-свояси, въ монастырь, а левъ удалился своимъ путемъ, въ глубь пустыни.

По возвращеніи въ обитель, Зосима разсказалъ о дивной подвижницѣ преподобной Маріи. По общему соглашенію братіи и игумена, установлено было праздновать память угодницы Божіей ежегодно 1-го апрѣля.

Блаженная кончина преподобной Маріи Египетской послѣдовала въ царствованіе Греческаго императора Іустина Старшаго (518—526 г.), въ 521 году по Р. Х.; погребеніе же совершилось 7 апрѣля 522 года. Время обрѣтенія мощей преподобной Маріи Египетской неизвѣстно; но онѣ показываются въ различныхъ городахъ Европы.

Преподобный Евѣимій Суздальскій.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи, верстахъ въ пяти отъ Нижняго Новгорода, на берегу Волги, спасался преподобный Діонисій. въ соб-

ственноручно ископанной пещерѣ. Этотъ угодникъ Божій въ послѣдствіи былъ архіепископомъ Суздальскимъ, и скончался въ 1384 г. 15 октября. Кромѣ сего числа, память святителя совершается еще 26 іюня. Къ этому-то Діонисію, во время пребыванія его въ пещерѣ, однажды пришелъ весьма юный уроженецъ нижегородскій Евѣимій. Въ основанномъ Діонисіемъ монастырѣ Вознесенскомъ, въ послѣдствіи получившемъ названіе Нижегородско-Печерскаго, молодой отшельникъ былъ постриженъ, и отличался необычайною ревностью къ подвижничеству. Такъ, напримѣръ, у своего архимандрита Діонисія, Евѣимій просилъ даже разрѣшенія вкушать пищу черезъ два и три дня. Но благоразумный наставникъ Діонисій убѣдилъ юношу, что такой постъ ему не подъ силу, и посовѣтовалъ лучше ѣсть за общею трапезою ежедневно, но понемногу. Усердный къ молитвѣ, послушный и смиренный, Евѣимій нелѣпно исполнялъ всѣ возлагаемыя работы: рубилъ дрова, носилъ воду, мѣсилъ и пекъ хлѣбы на пекарнѣ. При этомъ молитва не сходила съ его устъ.

Въ 1352 году (при велик. кн. Московскомъ Симеонѣ Гордомъ; 1340—1253 г.) великій князь Нижегородскій и Суздальскій Борисъ Константиновичъ задумалъ въ Суздаль устроить монастырь. Онъ обратился къ архимандриту Діонисію съ просьбою—прислать ему котораго нибудь изъ особенно благонравныхъ и благочестивыхъ монаховъ, для наблюденія за постройками. Архимандритъ избралъ Евѣимія, который долго сопротивлялся подобному назначенію смиренія ради. Но Діонисій убѣдилъ его покориться назначенію, и не оказывать непослушанія, изъ опасенія гнѣва Божія. По совершеніи построекъ новой обители и освященіи соборнаго храма въ честь Преображенія Господня, Евѣимій былъ поставленъ архимандритомъ этого монастыря. Архимандритъ Евѣимій былъ строгимъ начальникомъ и мудрымъ наставникомъ монашествующей братіи. Онъ не допускалъ, чтобы кто-либо изъ монаховъ имѣлъ какую-нибудь собственность. Преслѣдовалъ разговоры въ церкви и въ трапезѣ, и требовалъ отъ монаховъ полного послушанія. Но, въ то же время, и самъ подавалъ живой примѣръ строгой монашеской жизни. Евѣимій носилъ тяжелыя вериги и самую худую одежду. Строгій къ себѣ и къ братіи, Евѣимій былъ кормильцемъ, отцомъ и заступникомъ бѣдныхъ, угнетенныхъ и немощныхъ. Бѣдные въ монастырѣ Евѣиміевомъ находили при-

станище и питаніе; убогіе и больные—уходъ. За должниковъ преподобный платилъ долги; за притѣсняемыхъ являлся защитникомъ и ходатаемъ. Дружный съ преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ († 1391 г.; пам. 25 сентября и 5 іюля), Евѳимій иногда видался съ этимъ великимъ подвижникомъ Земли Русской и проводилъ время въ душеспасительныхъ бесѣдахъ. Памятуя непрестанно смерть, судъ, адъ и царство небесное, Евѳимій задолго до своей кончины приготовилъ себѣ мѣсто, для вѣчнаго упокоенія, и собственноручно обтесалъ камни для гроба. Въ великихъ трудахъ, молитвахъ, непрестанномъ богомысліи и въ подвигахъ всякихъ добродѣтелей Евѳимій, по милости Божіей, достигъ старости. Предугадавъ близкое свое отшествіе къ Господу, онъ простился съ братією, преподаль всѣмъ благословеніе и наставленія, и причастившись, отошелъ къ Богу 1 апрѣля 1405 г. Блаженная кончина преподобнаго случилась на 88 году отъ рожденія и на 52 году пребыванія въ основанной имъ обители, въ княженіе великаго князя Московскаго Василія Дмитріевича (1389—1425).

Въ 1507 году, при государѣ всея Россіи Василіи III Ивановичѣ (1505—1533), приступлено было на постройкѣ новаго каменного Спасопреображенскаго храма. При копаніи земли подъ основу храма обрѣтены были 7 іюня нетлѣнныя мощи святого основателя обители, архимандрита Евѳимія. При открытіи гроба лицо преподобнаго оказалось свѣтлымъ, облаченія цѣлыми, непотускнѣвшими. Со времени открытія мощей преподобнаго, онъ сталъ извѣстенъ какъ чудотворецъ. Такъ, старецъ Никодимъ впалъ въ болѣзнь: у него скорчились ноги, и больной ожидалъ смерти. Недужный, не чая спасенія, обратился съ мольбою къ угоднику Божію, и святой не замедлилъ съ помощію къ старцу. Явясь, преподобный помазалъ мазью скорченныя ноги, и Никодимъ выздоровѣлъ. — Одинъ рыболовъ лежалъ въ сильной лихорадкѣ, и былъ исцѣленъ Евѳиміемъ. И много сотворилъ святой другихъ чудесъ силою благодати Божіей. Свидѣтельствомъ тому служатъ многія, хранящіяся въ обители драгоценныя вещи и украшенія съ подобающими надписями тѣхъ лицъ, которыя получили какую либо помощь отъ угодника. Да и нынѣ вѣрующіе, прибѣгающіе съ теплыми мольбами къ Суздальскому чудотворцу Евѳимію, не остаются неслышанными.

2-го Апрѣля.

Святые мученики Амфіанъ и Едесій.

Амфіанъ и Едесій были родные братья-язычники изъ нынѣ не существующаго уже приморского города Патары, въ Ликійской области. (Ликія въ М. или Азіатской Турціи, югозападная ея часть, у Средиземнаго моря, на востокъ отъ острова Родоса. Близъ развалинъ Патаръ нынѣ мѣстечко турецкое Фурнасъ.) Въ раннемъ возрастѣ получивъ прекрасное образованіе, оба брата чѣмъ болѣе учились, тѣмъ болѣе познавали лживость язычества и истинность христіанскаго ученія. Видя вокругъ нечестіе, братья скрылись изъ родительскаго дома и ушли въ Кесарію Палестинскую (на берегу Средиземнаго моря; нынѣ развалины, у турецкаго м. Кайсаріэ). Здѣсь они нашли священника Памфила (См. Избр. Ж. Св., 16 февр.), который и просвѣтилъ Амфіана и Едесіа святымъ крещеніемъ. У Памфила же они и остались жить до поры, до времени.

Восточноримскій царь Максиминъ (305—313), ярый язычникъ и ненавистникъ христіанъ, поднялъ жестокое гоненіе на Церковь Христову. Кровь христіанская во всѣхъ странахъ царства полилась обильными потоками. Множество вѣрующихъ, въ избѣжаніе мукъ, поспѣшили укрыться въ потаенныя мѣста, по пустынямъ, въ горахъ и пещерахъ. Въ числѣ скрывшихся были и Амфіанъ съ Едесіемъ, когда гоненія достигли Кесаріи Палестинской. Черезъ нѣкоторое время Амфіанъ, ревнуя о Господѣ, вышелъ изъ своего убѣжища. Явясь въ Кесарію, онъ пробрался въ языческій храмъ, и здѣсь всенародно началъ обличать языческія заблужденія. Градоправитель Кесарійскій приказалъ схватить двадцатилѣтняго смѣлого юношу, предать различнымъ истязаніямъ, а потомъ бросить въ темницу. На утро, за сопротивленіе принести жертвы идоламъ, Амфіана по всему тѣлу строгами желѣзными скребками до костей, били оловянными прутьями, куда попало. Послѣ того льномъ, смоченнымъ въ маслѣ, обвернули мученику ноги и зажгли. Терпя невыносимыя муки, страдалецъ однако, вмѣсто стоновъ и криковъ боли, громогласно славилъ величіе Божіе,

хулилъ идолопоклонство и корилъ язычниковъ въ бесполезной жестокости. Потомъ полуживаго, съ переломанными ребрами и обгорѣлаго мученика опять заключили въ темницу. Когда и на третій день еледышащій Амфіанъ, на предложеніе отречься отъ Христа, отвѣчалъ отказомъ, — святаго съ привязаннымъ тяжелымъ камнемъ бросили въ морскую пучину. Но всколебалось земля, море вскипѣло, поднялись необычайныя волны и изнесли тѣло страдальца на сушу, къ городскимъ воротамъ. Святый Амфіанъ принялъ вѣнецъ мученическій 2 апрѣля 306 года. Столь чудесное проявленіе силы Бога истиннаго не укротило жестокосердыхъ язычниковъ. Истязанія и муки христіанъ не прекращались. Чрезъ нѣкоторое время по страдальческой кончинѣ Амфіана, младшій братъ его, Едесій, за изобличеніе идолопоклонниковъ, былъ со многими христіанами отправленъ въ рудники на работы, а потомъ также утопленъ. Память его справляется въ одинъ день съ святымъ Амфіаномъ.

3-го Апрѣля.

Преподобный Никита Исповѣдникъ, игуменъ.

Въ нынѣшней Малой или Азіатской Турціи, въ Виѣнниі, — области прилежащей Черному и Мраморному морямъ — нѣкогда существовалъ городъ Кесарія Виѣнская. Въ настоящее время этой Кесаріи уже нѣтъ, и его мѣсто ученые полагаютъ между турецкимъ городомъ Маданіею, на берегу Мраморнаго моря, и рѣкою Адирнасъ-чай. Въ этомъ городѣ Кесаріи, въ 8-мъ столѣтіи, родился преподобный Никита Исповѣдникъ. По смерти матери онъ остался осьмидневнымъ младенцемъ. Отецъ ушелъ въ монахи, а ребенка взяла старушка-бабка съ матерней стороны. Старушка озаботилась обучить грамотѣ внука. Достигнувъ юношескаго возраста, Никита удалился въ Мидикійскій монастырь, существовавшій близъ нынѣшняго турецкаго города Брусы (въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Мраморнаго моря), и здѣсь постригся. Св. Никифоръ, игуменъ обители († въ 9 в.; пам. 4 мая), весьма

полюбилъ молодого, высоконравственнаго и благочестиваго инока Никиту. Посвященный чрезъ нѣсколько времени въ священника, Никита, вмѣстѣ съ другомъ монахомъ, преподобнымъ Аѳанасіемъ († 814 г.; пам. 26 октября) стали полновластными управителями монастыря, и помощниками престарѣлаго игумена Никифора. Трудami и заботами Никиты и Аѳанасія Мидикійскій монастырь пришелъ въ цвѣтущее состояніе. Братіи умножилось свыше ста человѣкъ. Но въ 814 году умеръ блаженный Аѳанасій, и Никитѣ пришлось одному нести всю тяжесть управленія монастыремъ. Монахи были довольны, любили обходительнаго, добраго, хотя и строгаго управителя монастыремъ на столько, что, по смерти преподобнаго Никифора, упросили Никиту быть ихъ игуменомъ. Трудясь для блага обители, нововзбранный игумень былъ въ то же время и неустанный подвижникъ на всѣхъ путяхъ иноческаго житія. И Господь прославилъ своего угодника еще при жизни его. Даръ чудотвореній былъ Никитѣ наградою отъ Бога. Преподобный цѣлилъ недуги, изгонялъ бѣсовъ благодатію Христовою. Въ трудахъ и подвигахъ во славу Божію, преподобный Никита, пользуясь всеобщею любовью и уваженіемъ, достигъ старости, и казалось близился къ мирному исходу изъ временной жизни. Но Господу угодно было, чтобы игумень Никита понесъ труды и страданія ради утвержденія и защиты православія.

Левъ-Армянинъ (813—820), достигнувъ злымъ путемъ престола царства Византійскаго, вскорѣ по принятіи власти, обнаружилъ себя ярымъ гонителемъ почитанія святыхъ иконъ. Пославъ въ заточеніе святѣйшаго патріарха Цареградскаго Никифора (806—815; † 828; пам. 13 марта), злочестивый правитель возвелъ на патріаршій престолъ еретика и развратника Θεодота (815—821). А этотъ, поддерживаемый Львомъ-Армяниномъ, повсюду смѣстилъ правовѣрныхъ архіереевъ, замѣнивъ ихъ своими единомышленниками. При этомъ святители за приверженность къ иконопочитанію, сверхъ ссылки, потерпѣли мученія и истязанія. Порѣшивъ съ архіереями, Левъ-Армянинъ съ Θεодотомъ собрали въ Царьградъ игуменовъ наиболѣе знаменитыхъ монастырей, съ намѣреніемъ хотъ ихъ склонить на свою сторону. Въ числѣ прибывшихъ въ Константинополь былъ преподобный игумень Мидикійской обители Никита. Ласканіями и угрозами злочестивые царь и патріархъ старались честныхъ игум-

новъ завлечь въ иконоборческую ересь. Когда же игумны оказались стойкими защитниками иконопочитанія, ихъ разсадили по тюрьмамъ. Преподобнаго же Никиту, какъ одного изъ безбоязненныхъ обличителей зловѣрія, заключили въ тюрьму самую отвратительную, морили голодомъ, жаждою, наносили всевозможныя оскорбленія. Продержавъ такимъ образомъ нѣсколько времени въ заключеніи, его отправили-было въ заточеніе въ Восточныя области, но съ дороги опять вернули въ Византію (Царьградъ или Константинополь). Здѣсь преподобнаго отдали въ распоряженіе нѣкоего краснорѣчиваго иконоборца, въ надеждѣ, что такой краснословъ, какимъ былъ этотъ злочестивецъ, убѣдитъ Никиту—признать правильнымъ еретическое ученіе о непоклоненіи святымъ иконамъ. Но подобная надежда оказалась напрасною. Никакая сила краснорѣчія не могла совратить преподобнаго съ пути истины. Краснословъ-иконоборецъ, раздраженный неудачею, засадилъ Никиту въ ужаснѣйшую тюрьму и едва не уморилъ съ голоду святаго старца. Наконецъ, когда всѣ старанія еретиковъ не увѣнчались успѣхомъ, они пустились на такую хитрость. Содержавшимся подъ стражей игумнамъ объявили что они могутъ быть свободны и отправиться въ свои монастыри, если согласятся только въ одно изъ служеній лжепатріарха Θεодота явиться въ церковь и причаститься. Это дѣлалось съ умысломъ—показать народу, что вотъ, молъ, если бы Θεодотъ былъ не правовѣренъ и еретикъ, то такіе люди, какъ игумны, не рѣшились бы причащаться во время его служенія. Измученные страданіями въ заключеніи, игумны согласились на предложенное. Но не соглашался преподобный Никита. Тогда приступили къ нему отпущенные изъ подъ стражи прочіе игумны и начали умолять его — пойти въ церковь, во время служенія лжепатріарха, и причаститься только ради ихъ. «Иначе, говорили игумны, безъ тебя насъ не освободятъ изъ неволи, и опять затворятъ въ стѣнахъ темничныхъ». Соболезнуя о страданіяхъ своихъ товарищей по заключенію, преподобный, съ печальнымъ сердцемъ, склонился на ихъ мольбы, и вмѣстѣ съ ними причастился во время служенія Θεодота, который на этотъ разъ прикинулся вполне православнымъ. Игумны были выпущены на свободу послѣ сего и отправились каждый въ свой монастырь. Осво-

божденъ былъ изъ заключенія и преподобный Никита. Сознавая, что прегрѣшилъ изъ жалости къ прочимъ игумнамъ, онъ рѣшилъ искупить свой грѣхъ и досадить иконоборцамъ. Для этого онъ не удалился въ Мидикійскую обитель, а поселился въ Константинополь. Здѣсь Никита принялся державшихся иконопочитанія убѣждать не подчиняться иконоборцамъ, колеблющихся утверждать въ православіи, а совращенныхъ въ ересь—обращать на путь истинный. О такой дѣятельности игумена Никиты узнали и Левъ-Армянинъ и Θεодотъ-лже-патріархъ, и приказали схватить его и отправить въ заточеніе на островъ Лемнось (Архипелагъ) въ монастырь. Тутъ настоятелемъ былъ въ то время весьма развращенный еретикъ, злобный, святотать, жестокий и способный на всякое дурное дѣло—нѣкто Анѣимъ. Испробовавъ поколебить твердость православія Никиты, Анѣимъ посадилъ преподобнаго въ монастырскую тюрьму, въ которой исповѣдникъ Божій и пробылъ цѣлыя шесть лѣтъ вплоть до смерти злочестиваго Льва-Армянина. Вступившій на престолъ Греческаго царства императоръ Михайлъ Косноязычный (820—829) велѣлъ освободить изъ заключенія всѣхъ содержавшихся въ тюрьмахъ по волѣ Льва-Армянина. Свободою воспользовался и преподобный Никита. Онъ не отправился въ Виѣнцію, въ свою обитель, а ушелъ въ Царьградъ, и поселился въ совершенномъ безмолвіи въ одномъ уединенномъ мѣстѣ, не вдалекѣ отъ города. Здѣсь, проживъ нѣкоторое время, онъ заболѣлъ и скончался 3-го апрѣля 824 года. Когда вѣсть о его смерти разнеслась по Константинополю, со всѣхъ сторонъ собралось множество народу и духовенства, и честныя его мощи съ великими почестями повезли въ Виѣнцію, въ Мидикійскую обитель. Шествованіе мощей исповѣдника Никиты ознаменовалось по всему пути множествомъ чудесъ. Изъ числа многихъ достаточно упомянуть о чудодѣйственной силѣ, истекшей отъ мощей въ слѣдующемъ случаѣ. Одна женщина долго страдала сильными кровотечениями, и врачебная помощь оказывалась безсильною. Много потратилась недужная на врачей,—но безъ пользы. Прознавъ, что мимо мѣста ея жительства будутъ нести мощи угодника Божія, больная вышла на встрѣчу, прикоснулась къ гробу преподобнаго—и тотчасъ же выздоровѣла. И послѣ погребенія въ Мидикійской обители

надъ могилою Никиты Исповѣдника совершалось много чудесныхъ цѣленій.

4-го Апрѣля.

Преподобный Іосифъ Пѣснопѣвецъ и творецъ каноновъ.

Сочинитель многихъ духовныхъ пѣснопѣній и каноновъ, которые и до настоящаго времени еще поются въ православной Церкви, преподобный Іосифъ — родомъ италіанецъ, съ острова Сицилій, на югозападѣ Италіи, на Средиземномъ морѣ. Родители Іосифа были люди весьма благочестивые. Хорошо воспитанный и обученный книжной мудрости, Іосифъ утѣшалъ родителей благонравіемъ, кротостью и скромностью. Описатели жизни Іосифа при этомъ добавляютъ, что онъ съ дѣтства еще возымѣлъ склонность къ пощенію и воздержанію, уклонялся отъ роскошныхъ кушаньевъ, и питался только хлѣбомъ и водою, да и то подъ вечеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще считалъ великимъ наслажденіемъ чтеніе Священнаго Писанія.

Едва Іосифъ достигъ юношескаго возраста, какъ долженъ былъ съ родителями покинуть отечество и перебраться въ Пелопонесъ — въ Грецію. Причиною тому послужило нашествіе на Италію варварскихъ народовъ. Вскорѣ послѣ того, по любви къ подвижничеству, Іосифъ оставилъ родителей и ушелъ въ городъ Ѳессалоники (нынѣ Салоники, или Солунь, въ Македоніи, въ Европейской Турціи). Здѣсь постригся въ монахи и началъ вести самую строгую жизнь. Игуменъ скоро отличилъ его между прочею братією, и уговорилъ Іосифа принять санъ священническій. Іосифъ долго уклонялся отъ подобной чести. Сдѣлавшись же священникомъ, онъ еще болѣе сталъ прилагать труды къ трудамъ, подвиги къ подвигамъ.

Въ одно время прибылъ въ Ѳессалоникійскій монастырь преподобный Григорій Декаполитъ († 820; пам. ноября 20). Видя въ

числѣ монашествующихъ преподобнаго Іосифа, рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ прочихъ монаховъ и ангелоподобною жизнью, и умственнымъ развитіемъ, и знаніемъ Священнаго Писанія, Григорій Декаполитъ сблизился съ Іосифомъ. Чѣмъ ближе становился въ Декаполиту Іосифъ, тѣмъ Декаполитъ болѣе и болѣе открывалъ въ немъ неоцѣненныхъ дарованій и достоинствъ.

Видя возрастающее гоненіе на Церковь Божию отъ иконоборцевъ, ревнитель православія Декаполитъ задумалъ обратиться къ Римскому папѣ Льву III (795—816). Въ тѣ времена Римская Церковь слѣдовала еще православному ученію и ничѣмъ не отличалась отъ Церкви Восточной.—Григорій Декаполитъ надѣялся, что Левъ III убѣдитъ зловѣрнаго Льва-Армянина отстать отъ нечестія иконоборческаго и возвратитъ восточнымъ христіанамъ миръ. Для посылки къ Римскому папѣ требовался человѣкъ краснорѣчивый, знающій и достойный довѣрія. Такимъ человѣкомъ, по мнѣнію Григорія Декаполита, могъ быть только пресвитеръ Іосифъ. Іосифъ согласился отправиться въ Римъ. Но зломысленные еретики какъ-то прознали о намѣреніи Григорія Декаполита и рѣшились воспрепятствовать Іосифу добратся до Рима. Иконоборцы подкупили морскихъ разбойниковъ напасть на борабль, на которомъ плылъ въ Римъ Іосифъ. Захвативъ борабль, разбойники всѣхъ путешественниковъ, въ томъ числѣ и Іосифа, отправили на островъ Критъ (Кандія—тоже, на Средиземномъ морѣ), въ распоряженіе иконоборцевъ. Обрадовалось злочестивцы исполненію своихъ замысловъ, и, заковавъ преподобнаго Іосифа въ цѣпи, заключили въ темницу. Въ темницѣ этой содержалось много другихъ узниковъ, вся вина которыхъ заключалась въ томъ, что они православные и почитатели святыхъ иконъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ приходили въ отчаяніе, и готовы уже были, ради свободы, хотя бы наружно, перейти на сторону иконоборцевъ. Видя такое настроеніе соотарищей по заключенію, Іосифъ силою своего краснорѣчія успѣлъ утвердить ихъ въ правовѣріи и отклонить отъ недобраго намѣренія. Вліяніе Іосифа на колеблющихся въ правовѣріи узниковъ было таково, что нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнецъ мученическій за твердость въ православіи.

Цѣлыя шесть лѣтъ протомился въ темницѣ преподобный Іосифъ, и ни на мгновеніе не палъ духомъ, но благословлялъ Господа, и

терпѣливо выносилъ всѣ стѣсненія и невзгоды темничныя. Наконецъ, 820 года, въ ночь Рождества Христова, 25 декабря, святой узникъ получилъ чудеснымъ образомъ свободу. Въ сказанную ночь злочестивый царь Левъ-Армянинъ былъ убитъ во время заутрени, въ Константинополѣ. Ничего не вѣдая, Іосифъ всю Рождественскую ночь проводилъ въ молитвѣ и пѣніи приличныхъ великому празднику молитвословій. И вотъ, во мгновеніе смерти Льва-Армянина, темницу критскую осіялъ свѣтъ, и предъ Іосифомъ предсталъ святитель Николай чудотворецъ († въ половинѣ IV вѣка, пам. 6 декабря и 9 мая). «Гонитель Церкви Христовой погибъ, возвѣстилъ великій чудотворецъ Николай; ты долженъ возвратиться въ Константинополь. Твое присутствіе тамъ необходимо, да съ помощію благодати Духа Святаго послужишь на пользу православія». Послѣ сего оковы сами собою спали съ ногъ и рукъ преподобнаго. «Слѣдуй за мною», произнесъ чудотворецъ,—и оба вышли свободно изъ тюрьмы, ни кѣмъ не замѣченные. За тѣмъ Іосифъ невидимою силою былъ перенесенъ съ острова Крита въ Константинополь. Здѣсь онъ уже не засталъ въ живыхъ своего друга, Григорія Декаполита, но свидѣлся съ ученикомъ его, блаженнымъ Іоанномъ, который вскорѣ послѣ 820 года также скончался. По смерти Іоанна Іосифъ удалился въ уединенное мѣсто не вдалекѣ отъ Константинополя, и устроилъ здѣсь монастырь, куда и перенесъ мощи Григорія Декаполита. Боговдохновенность ученія и блистательное краснорѣчіе Іосифа собрали въ монастырь многочисленную братію. Кромѣ сего, насладиться душеспасительными бесѣдами собралось множество и мірянъ всѣхъ сословій и состояній.

Въ бытность Іосифа въ Θεσσαλίи (Θεσσαλία—нынѣ турецкая область на Балканскомъ полуостровѣ, на юговостокѣ между горнымъ хребтомъ Пиндомъ и Салоникскимъ заливомъ; съ юга граничитъ Греціею), ему удалось получить нѣкоторую часть мощей апостола Варѣоломея (пам. іюня 11). Возвратясь со святынею въ свой монастырь и построивъ въ честь апостола церковь, Іосифъ желалъ почтить память ученика Христова составленіемъ приличныхъ хвалебныхъ пѣснопѣній. Не зная, угодно ли будетъ апостолу его намѣреніе, преподобный долго постился и молился Богу и ученику Господню, дабы получить о томъ откровеніе. Во время вечерней службы наканунѣ дня памяти апостола, преподобный Іосифъ вдругъ увидѣлъ святаго

Варѳоломея въ алтарѣ. Апостолъ, отдернувъ завѣсу алтарную, звалъ къ себѣ Іосифа. Іосифъ, въ священномъ трепетѣ, вошелъ въ алтарь и приблизился къ чудесно явившемуся апостолу. Варѳоломей, взявъ съ престола Евангеліе, возложилъ его на грудь Іосифа и сказалъ: «Да благословитъ тебя Господь, ты преисполнишься благодати Духа Святаго, и пѣснопѣнія твои усладятъ (доставятъ радость, удовольствіе) вселенную». Съ этими словами ученикъ Христовъ сталъ невидимъ. Со времени чудеснаго явленія апостола Іосифъ сталъ псалмописцемъ и составителемъ каноновъ (хвалебныхъ духовныхъ пѣснопѣній), и донныѣ слышимыхъ нами при богослуженіяхъ. Наболѣе всѣхъ Іосифъ прославилъ пѣснопѣніями Пресвятую Богородицу и Николая Чудотворца.

При Греческомъ императорѣ Теофилѣ (829—842), за твердость въ православіи Іосифъ преподобный подвергся вторичному изгнанію, гдѣ и оставался до смерти этого царя-иконоборца. Возвращенный благочестивый правительницею государства, императрицею Теодорою (842—855), изъ ссылки, преподобный назначенъ былъ сосудохранителемъ Софійскаго храма соборнаго въ Константинополѣ (нынѣ турецкая мечеть). Но при сынѣ Теодоры, царѣ Михаилѣ (855—857), опять подвергся опалѣ, по навѣтамъ злочестиваго и безправственнаго дяди царскаго, пороки котораго безбоязненно обличалъ Іосифъ. Изъ третичной ссылки, и уже послѣдней, преподобный пѣснеслагатель возвращенъ императоромъ Василіемъ Македоняниномъ (867—886). Высокочтимый и царемъ и патріархомъ святымъ Фотіемъ (857—867 и 877—886; пам. 6 февраля), сосудохранитель Софійскаго собора вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ былъ духовникомъ всего патріаршскаго клира (духовенства и церковниковъ). — Святой Фотій называлъ Іосифа «человѣкомъ Божиимъ, ангеломъ во плоти, отцомъ отцовъ». И, дѣйствительно, преподобный заслуживалъ этого названія вполнѣ. Одаренный прозорливостью, онъ видѣлъ, что нѣкоторые изъ приходившихъ къ нему на исповѣдь утаивали свои грѣхи. Силою слова, убѣжденія, кроткимъ обращеніемъ Іосифъ доводилъ нераскаявшагося до полного признанія во всѣхъ утаенныхъ грѣхахъ. И тотъ уходилъ отъ святаго не смущеннымъ и печальнымъ, но радостнымъ, съ облегченною, просвѣтленною душою и искреннимъ и твердымъ намѣреніемъ болѣе не грѣшить. Такимъ образомъ Іосифъ

спасъ отъ вѣчной гибели множество душъ. Труды, заботы, огорченія, страданія въ заточеніяхъ въ концѣ концовъ возымѣли вліяніе на старца. Іосифъ впалъ въ болѣзнь и въ сонномъ видѣніи получилъ откровеніе о скорой кончинѣ. Блаженная кончина поборника православія и пѣснопѣвца Іосифа послѣдовала въ ночь на четвертокъ Страстной недѣли, съ 3 на 4 апрѣля 883 года по Р. Хр. Чувствуя приближеніе смерти, преподобный началъ молиться о мирѣ всего міра, ниспосланіи побѣды всѣмъ защитникамъ православія и объ утвержденіи и распространеніи во вселенной Церкви Христовой Православной. Возблагодаривъ затѣмъ Господа за оказанныя въ жизни милости, угодникъ Божій причастился, благословилъ бывшихъ при немъ, и съ радостнымъ лицомъ испустилъ духъ свой. Одинъ изъ благочестивыхъ друзей усопшаго, жившій вдаль отъ Іосифа, въ самый часъ преставленія преподобнаго удостоился видѣть святую душу его, возводимую ангелами въ селенія небесныя. Ее встрѣчали сама Пресвятая Богородица и множество угодниковъ Божіихъ, которыхъ восхвалялъ преподобный Іосифъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Среди же населенія Константинополя смерть Іосифа произвела всеобщую великую и нелицемѣрную печаль. На его погребеніе собралось несмѣтное множество народа — и богатыхъ и бѣдныхъ, и знатныхъ и простолюдинъ, и старцевъ и дѣтей.

Преподобный Зосима Ворбозомскій.

Въ двадцати верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣлозерска, Новгородской губерніи, есть озеро Ворбозомское, а на немъ островъ. На этомъ островѣ находится, построенная въ 1809 году церковь въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, съ придѣломъ во имя преподобнаго Зосимы. Преподобный Зосима былъ основателемъ нѣкогда существовавшей обители на мѣстѣ Благовѣщенскаго храма. Мощи Зосимы почиваютъ въ Благовѣщенскомъ храмѣ, подъ спудомъ. О его жизни извѣстно только, что онъ первоначально подвизался въ Вологодской области, подъ руководствомъ игумена Комельскаго монастыря, преподобнаго Корнилія († 1537 г.; пам. 19 мая). Потомъ Зосима отошелъ на Ворбозомскій островъ, тогда никѣмъ

не обитаемый, и прожилъ здѣсь нѣкоторое время совершенно одинъ, въ ненарушимомъ безмолвіи. Впослѣдствіи устроилъ церковь въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и тѣмъ положилъ начало Ворбозомской Благовѣщенской обители. Вѣроятно, святость жизни и подвижничество еще ранѣе постройки привлекали къ Зосимѣ ищущихъ спасенія, которые здѣсь и оставались жить подъ руководствомъ преподобнаго. Конечно, подобное стеченіе желающихъ найти миръ душѣ своей въ глуши уединенія вызвало потребность въ устройствѣ храма, на dobroxotnykh жертвы благочестивыхъ состоятельныхъ людей. Если скудны свѣдѣнія о жизни преподобнаго Зосимы для насъ, грѣшныхъ, то подвиги, труды и добродѣтели его благоугодны и извѣстны были Господу, дивному во святыхъ Своихъ, Который и прославилъ Зосиму нетлѣніемъ мощей. А нетлѣніе мощей говоритъ о святости угодника Божіа краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе всякихъ широковѣщательныхъ сказаній человѣческихъ. Преподобный скончался въ 1550 году, въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго (1534—1584 г.), при митрополитѣ Московскомъ Макаріи (1543—1564).

5-го Апрѣля.

Святые мученики Θεодуль чтець и Агаѳоподъ дьяконъ.

Въ царствованіе Греко-римскихъ царей Діоклитіана на востокѣ и Максиміана—на западѣ (царств. 284—305), въ нынѣшней Македоніи (область восточная въ Европейской Турціи), въ городѣ Θεσσαλονикахъ (нынѣ Солоника, или Селунъ), при одной церкви состояли дьяконъ Агаѳоподъ и причетникъ Θεодуль. Агаѳоподъ былъ уже сѣдой старикъ, а Θεодуль—красивый молодой человѣкъ. Оба они люди высокой нравственности и примѣрнаго искренняго благочестія; оба жили душа въ душу, и оба-же одновременно пострадали за имя Христово.

Блаженному Θεодулу о предстоящихъ мученіяхъ открылось еще заранѣе слѣдующимъ дивнымъ образомъ. Однажды ночью, когда юноша спалъ, онъ увидѣлъ, что кто-то весьма почтеннаго вида вручилъ ему драгоцѣнный перстень, съ изображеніемъ Креста Господня и орудій мученій. Проснувшись, Θεодулъ, къ великому своему удивленію, нашелъ перстень на пальцѣ. Въ умѣ Θεодула явилась мысль, что вѣроятно ему предстоитъ окончить жизнь мученическою смертію. Чудесно полученный перстень имѣлъ не менѣе чудесное свойство исцѣлять мгновенно всѣ болѣзни. Θεодулу съ перстнемъ достаточно было пройти мимо больного, чтобы тотъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Этимъ способомъ много исцѣлялъ онъ не однихъ христіанъ, но и язычниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, послѣ исцѣленія, увѣровали во Христа.

Въ предъидущихъ книгахъ «Житій Святыхъ» уже было сказано, что цари Діоклитіанъ и Максиміанъ были свирѣпые язычники и закоренѣлые ненавистники христіанъ. Въ ихъ царствованіе много пролито крови христіанской. Жестокосердые правители эти наводили ужасъ въ своихъ государствахъ.—Множество христіанъ разбѣгалось изъ городовъ и селеній по различнымъ трущобамъ, пропастьямъ, горамъ и скрывалось изъ страха мучительства. То же самое было и въ Θεссалоникахъ. Но друзья-дьяконъ Агаѳоподъ и юный причетникъ Θεодулъ не послѣдовали примѣру прочихъ единовѣрцевъ. При наступленіи гоненій, они остались въ Θεссалоникахъ, и почти безвыходно находились въ церкви, въ непрестанной молитвѣ, ожидая съ часу на часъ, что ихъ схватятъ язычники. Ожиданія скоро сбылись. Градоправитель Θεссалоникійскій, язычникъ Фаустинъ приказалъ привести къ нему Агаѳопода и Θεодула. Съ радостію друзья встрѣтили посланныхъ за ними, весело, обнявшись и словослова Господа, пошли подъ стражею къ градоправителю. Увидѣвъ предъ собою старца и юношу, Фаустинъ прежде всего взялся за совращеніе въ идолопоклонство Θεодула. Онъ воображалъ, что Θεодулъ, молодой лѣтами и незрѣлый умомъ, легко поддастся на обольщенія или убоится мученій, и безпрекословно отречется отъ христіанства. Но язычникъ ошибся жестоко въ расчетахъ. Юный чтецъ оставался непреклоненъ, мужественно исповѣдывалъ себя христіаниномъ и смѣялся надъ заблужденіями языческими. Фаустинъ

не злился на Θεодула, а относился ласково и снисходительно, не переставая надѣяться на возможность совращенія его въ язычество. «Не лучше-ли, говорилъ, между прочимъ, градоправитель, наслаждаться почетною жизнью, чѣмъ терпѣть жестокия муки». — «Совершенно вѣрно, отвѣтствовалъ Θεодулъ: я объ этомъ одномъ только и хлопочу: лучше мнѣ жизнь вѣчная, полная радостей, чѣмъ вѣчныя и жестокия муки въ аду. Потому-то я и готовъ перенести всевозможныя лютыя муки на землѣ, чтобы наслаждаться райскою жизнью на небѣ». Удивился Фаустинъ такимъ словамъ и велѣлъ Θεодула удалить, и позвать Агаѳопода. «Твой юный другъ, заявилъ градоправитель, согласился принести жертвы». Святый старецъ прозналъ ложь, и съ улыбкою отвѣтилъ: «Чтожъ, и я готовъ, подобно Θεодулу, принести жертвы Богу Истинному и Его Сыну Иисусу Христу». — «Вовсе не тому Богу Θεодулъ согласился принести жертвы, о Которымъ ты говоришь, возразилъ Фаустинъ, а нашимъ милостивымъ богамъ - міродержателямъ». Агаѳоподъ покачалъ головою и началъ въ сильныхъ, краснорѣчивыхъ словахъ доказывать ничтожество и совершенное безсиліе мнимыхъ боговъ, никогда не существовавшихъ и выдуманныхъ нѣкогда самимъ же человекомъ. Его рѣчь произвела такое дѣйствіе на язычниковъ, бывшихъ на судѣ, что они начали убѣждаться въ безсмысліи своей вѣры. Христіанамъ же, приведеннымъ для склоненія къ язычеству, — все сказанное Агаѳоподомъ служило какъ-бы возбуждающимъ лекарствомъ. Слушая старца дьякона, — они рѣшились лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ вѣры во Христа. Дабы не случилось еще чего большаго, а въ особенностю опасаясь перехода язычниковъ въ христіанство, Фаустинъ счелъ за лучшее не дать говорить Агаѳоподу, и приказалъ его вмѣстѣ съ Θεодуломъ отвести въ тюрьму. Слѣдомъ за исповѣдниками пошло много народа изъ язычниковъ, и весь день и всю ночь окружали они темницу, любопытствуя какъ себя будутъ вести заключенные. Агаѳопода и Θεодула посадили вмѣстѣ съ находившимися подъ стражей грабителями, убійцами и другими преступниками. Святые вплоть до самаго утра молились, словословили Господа, и просили помощи небесной о дарованіи имъ силъ къ перенесенію предстоящихъ мученій. Преступники, глядя на Агаѳопода и Θεодула, слыша ихъ непрестанныя молитвословія, умилились серд-

цемъ, припали къ ногамъ мучениковъ и просили наставить на путь истины тѣхъ изъ нихъ, которымъ предстояло освобожденіе Тѣ-же, которые ожидали себѣ казни за преступленія, просили Агаѳопода и Θεодула помолиться за ихъ грѣшныя души, и каялись чистосердечно въ порокахъ и злодѣянїяхъ. Святые проповѣдывали преступникамъ слово Божіе, и обнадеживали милостью Господней. Народъ, какъ сказано выше, окружавшій тюрьму, видя что въ ней творится, силою ворвался къ заключеннымъ, чтобы насладиться боговдохновенными рѣчами мучениковъ. Судья, бывшій свидѣтелемъ случившагося, поспѣшилъ извѣстить о томъ градоначальника Фаустина: «Если эти два христїанина не будутъ казнены, то, чего добраго, всѣ наши единовѣрцы увѣруютъ во Христа». Фаустинъ тотчасъ же приказалъ привести къ нему Агаѳопода и Θεодула. Обратясь къ юному чтецу, градоправитель опять началъ и ласками и угрозами уговаривать принести жертвы богамъ. Но, не успѣвъ ни въ чемъ, отдалъ приказъ—отрубить Θεодулу голову, шепнувъ при томъ палачамъ, чтобы казнь совершена была только примѣрно. Безбоязненный и крѣпкій въ вѣрѣ, юноша съ радостію отправился на посѣченіе и, безъ всякаго принужденія, самъ собою добровольно положилъ голову на плаху. Но обезглавленъ не былъ. Θεодула опять повели на судилище. Фаустинъ удивился мужеству и приверженности къ вѣрѣ Θεодула. Разсуждая съ Агаѳоподомъ и получая отъ него смѣлые отвѣты, высказывавшіе полную готовность старца пролить кровь свою за Христа, градоправитель обратился къ юному чтецу. «Ты, молодой человѣкъ, не слушай бредней старика. Ему и безъ всякихъ мукъ скоро придется разставаться съ жизнью, вотъ онъ и храбрится. Онъ и безъ того долженъ ждать ежечасно смерти. Ты же молодъ, въ расцвѣтѣ силъ. Жизнь твоя впереди. Раздумай хорошенько, и исполни нашу волю—почти боговъ жертвами».—«Никогда, отвѣтствовалъ Θεодулъ; хоть я и молодъ, но не искуплю свободы и жизни отреченіемъ отъ вѣры въ Единаго Бога. Я умру вмѣстѣ съ другомъ моимъ Агаѳоподомъ».—«Заковать супротивниковъ въ кандалы, крикнулъ Фаустинъ и отвести въ тюрьму!» Въ тюрьмѣ, задремавъ, святые мученики увидѣли одновременно одинъ и тотъ-же сонъ. Имъ казалось, что находятся въ морѣ, на кораблѣ. Поднялась буря, разбила корабль, и множество путешественни-

ковъ погибло въ морскихъ волнамъ; только они одни носились по волнамъ, которыя и выбросили ихъ, наконецъ, на сушу, у горы, досягавшей небесъ. Уразумѣли Агаѳоподъ и Θεодулъ, что они будутъ потоплены отъ мучителей. И, дѣйствительно, съ наступленіемъ утра ихъ обоихъ потребовали къ градоправителю. Фаустинъ еще разъ попытался уговорить святыхъ къ отступленію отъ христіанства; но, разумѣется, его попытки кончились ничѣмъ. Раздосадованный, онъ постановилъ приговоръ: Агаѳопода и Θεодула, за неповиновеніе велѣніямъ властей и сопротивленіе принести жертвы богамъ, наказывать смертию чрезъ потопленіе. Приговоръ былъ объявленъ во всеуслышаніе. Приговоренныхъ повели на морской берегъ. Здѣсь ихъ посадили на корабль, руки стянули крѣпко-накрѣпко назадъ, на шею привязали по тяжелому камню, и бросили въ море, при несмѣтномъ стеченіи народа. Но въ тотъ-же часъ волны выкинули тѣла святыхъ мучениковъ,—и въ какомъ видѣ?—На удивленіе всѣхъ свидѣтелей потопленія, и Агаѳоподъ и Θεодулъ имѣли уже руки развязанными и безъ камней на шеѣ. Нѣкоторые изъ зрителей, — вѣроятно втайнѣ христіане, тѣла мучениковъ, чудесно изнесенныя изъ морской глубины, похоронили съ почетомъ. Чрезъ нѣсколько времени мученикъ Христовъ святой Θεодулъ явился къ погребавшимъ, въ бѣлой одеждѣ, съ сіяющимъ лицомъ, и повелѣлъ оставшееся послѣ него имущество раздать вдовамъ, сиротамъ и нищимъ. Страдальческая кончина дьякона Агаѳопода и чтеца Θεодула послѣдовала 5 апрѣля въ 303 году по Р. Христовомъ.

6-го Апрѣля.

Святой Евтихій, патріархъ Константинопольскій.

Бываютъ Божіи избранники, на которыхъ благодать Господня почиетъ съ первыхъ дней жизни. Священное Писаніе и житія святыхъ представляютъ многія тому доказательства. Таковымъ, напримѣръ, является святитель Евтихій, патріархъ Цареградскій (Кон-

стантинопольскій). Этотъ угодникъ Божій родился въ 512 году по Р. Хр., въ Малой Азіи или Азіатской Турціи, во Фригійской области (серединная область, ближе къ западу). Отецъ Евтихія—званіемъ воинъ, а мать священническая дочь—оба люди православные, благочестивые. Будущій патріархъ первоначальное образованіе получилъ у дѣда своего, блаженнаго іерея Исихія (память его творится 6-го же апрѣля). Этотъ человѣкъ святой жизни имѣлъ самое благодѣтельное вліяніе на нравственныя свойства и качества внука. Евтихій не одинъ учился у Исихія, а въ сотовариществѣ со многими сверстниками. Отрокъ Евтихій какъ-бы предчувствовалъ, что будетъ носить высокій санъ въ духовенствѣ. Находясь въ обученіи у духовнаго лица; видя у учителя своего болѣе духовныхъ, нежели мірскихъ людей; слыша разговоры о предметахъ духовныхъ:—разумѣется, скорѣе всего мальчики и игры свои принаравляли къ той обстановкѣ, среди которой постоянно находились. Они играли въ «духовенство», и расписывали между собою различныя духовныя должности. Одни именовали себя священниками, другіе дьяконами, третьи причетниками, и проч. Евтихій же постоянно именовалъ себя «Евтихій патріархъ». И товарищи не сопротивлялись такому присвоенію Евтихіемъ высокаго сана. Никому изъ нихъ и въ голову никогда не приходило поспорить съ Евтихіемъ, отчего, молъ, ты каждый разъ именуешь себя патріархомъ,—развѣ мы не можемъ или не смѣемъ именоваться тѣмъ-же саномъ?

Окончательное научное образованіе Евтихій получилъ въ Константинополѣ, гдѣ въ наукахъ оказалъ блистательные успѣхи, удивляя наставниковъ проявленіемъ особой мудрости, свойственной болѣе человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, а не юношѣ. Прилежный въ изученіи Священнаго Писанія, Евтихій положилъ себѣ задачею жизни служеніе Богу въ монастырѣ. Рукоположенный на тридцатилѣтнемъ возрастѣ во священники, въ 542 г., въ Цареградѣ, Евтихій вскорѣ затѣмъ ушелъ въ Малую Азію, и постригся въ монахи въ Амасійскомъ монастырѣ. (Амасія существуетъ и донынѣ—турецкій городъ на р. Іешиль-Ирмакъ, впадающей въ Черное море.) Высокія дарованія, строгая жизнь, глубокія свѣдѣнія въ Священномъ Писаніи были причиною тому, что Евтихій недолго оставался простымъ іеромона-

хомъ. Амасійскій митрополитъ возвелъ его въ санъ архимандрита и ввѣрилъ ему управленіемъ амасійскимъ монастыремъ.

Въ сказанное время, Восточно-римскій императоръ Іустиніанъ Великій (527—565; пам. 14 ноября) приглашалъ святыхъ отецъ въ Константинополь на вселенскій соборъ. И митрополитъ Амасійскій долженъ былъ отправиться на вселенскій соборъ. Но вдругъ заболѣлъ. Въмѣсто себя онъ назначилъ присутствовать, изъ множества подвластнаго духовенства, никого другого, какъ архимандрита Евтихія. Не великая-ли то была честь и не явное-ли смотрѣніе Господне надъ Своимъ избранникомъ! О будущемъ возвеличеніи Евтихію было открыто свыше. Предъ отъѣздомъ въ Царьградъ, онъ сподобился во снѣ такого видѣнія. Онъ видѣлъ перстъ Божій, обращенный къ вершинѣ высокой горы, находившейся у монастыря. При этомъ слышался голосъ съ неба, возвѣщавшій: «Епископъ будешь»!

Прибывъ въ Константинополь, Амасійскій архимандритъ, по обычаю, долженъ былъ явиться къ мѣстному первосвятителю, престарѣлому патріарху Цареградскому, святому Минѣ (536—552; пам. 25 августа). Поговоривъ съ Евтихіемъ, патріархъ пророчески о немъ сказалъ духовенству, что прибывшему архимандриту суждено быть патріархомъ. Святый Мина послалъ Евтихія представиться императору, предварительно извѣстивъ царя, чтобы тотъ принялъ Евтихія какъ человѣка мудраго и высокаго благонравія. Во дворцѣ у Евтихія завелся споръ о вѣрѣ съ нѣкоторыми изъ придерживавшихся еретическихъ ученій. Преподобный архимандритъ Амасійскій всѣ мудрованія и лжетолкованія отразилъ побѣдоносно, явивъ при этомъ себя сплннымъ знатокомъ Священнаго Писанія.

Императоръ, свидѣтель спора, весьма полюбилъ Евтихія и сталъ относиться къ нему съ великимъ почетомъ и уваженіемъ. Между тѣмъ соборъ вселенскій не состоялся при патріархѣ Минѣ, который къ тому-же въ это время и скончался. Многіе честолюбцы заискивали всевозможными средствами избранія на первосвященительскій престолъ. Но императоръ Іустиніанъ отклонилъ всѣ искаательства, и положилъ избрать патріархомъ архимандрита Евтихія. Намѣреніе Іустиніана подкрѣплено было указаніемъ свыше.

Случилось царю быть въ церкви во имя апостола Петра. Долго молясь, государь утомился и воздремалъ. Въ это время онъ удостоился увидѣть апостола Петра и архимандрита Евтихія. Святой Петръ, указывая на Евтихія, произнесъ: «Евтихій да будетъ вамъ патріархомъ». Во исполненіе воли Божіей, свѣше откровенной, Амасійскій архимандритъ возведенъ на престолъ патріаршій, въ 552 году.

Вскорѣ затѣмъ,—въ слѣдующемъ-же году состоялся Пятый Вселенскій соборъ (вспоминается 25 іюля),¹ на которомъ опровергнуто еретическое мудрованіе, будто-бы не будетъ воскресенія мертвыхъ.

Твердо и мудро управлялъ святитель Евтихій Церковью Константинопольскою, любимый и уважаемый всѣми. Но ненавистникъ рода человѣческаго и всякаго добра умыслилъ нарушить спокойствіе Церкви Цареградской. По навѣтамъ еретиковъ, наружно притворявшихся православными, царь Іустиніанъ разгнѣвался на патріарха, и Евтихій, послѣ двѣнадцатилѣтняго патріаршества, лишенъ былъ святительскаго сана, и съ позоромъ послалъ въ заточеніе въ Амасійскій монастырь.

Свободный отъ тяжелыхъ заботъ по управленію Церковью, святой Евтихій теперь вполне отдался служенію единому Богу. Непрестанныя молитвы, строгое пощеніе и подвиги взысканы были Господомъ, и Онъ благоволилъ даровать безвиннопотерпѣвшему святителю благодатный даръ чудотворенія. Такимъ образомъ, люди злые стремились унижить, оскорбить всячески святаго мужа, а Творецъ Небесный преизобильно излилъ на Своего угодника великія и богатая милости. Изъ числа множества чудесъ, содѣянныхъ Евтихіемъ, благодатію Христовою, упомянемъ здѣсь лишь о нѣкоторыхъ.

У одного человѣка жена постоянно рождала мертвыхъ младенцевъ. Супруги обратились за помощью къ святителю Евтихію. Святой помолился, помазалъ супруговъ елеемъ, и предрекъ, что первое дитя будетъ сынъ, котораго слѣдуетъ назвать Петромъ. Предреченное исполнилось. Родившагося благополучно младенца мужескаго пола называли Петромъ, и съ тѣхъ поръ болѣе не было мертворожденныхъ. Вообще къ этому слѣдуетъ прибавить — патріархъ Евтихій много оказалъ цѣленій дѣтямъ. У одного художника, занимавшагося мозаикою (составленіе изображеній, преимущественно иконъ, подбо-

ромъ цвѣтныхъ мелкихъ камешковъ), появился на рукѣ ракъ (страшная, почти неизлечимая болѣзнь). Врачи находили, что единственное, да и то сомнительное средство, спасти все тѣло отъ пораженія болѣзью, — это отпилить руку. Что же сталъ бы дѣлать тогда бѣднякъ безъ руки, которою зарабатывалъ пропитаніе? Отказавшись исполнить совѣтъ врачей, художникъ, съ вѣрою въ Бога, обратился къ Евтихію, и просилъ его избавить отъ лютой болѣзни. Святитель помолился, потомъ помазалъ руку болящаго освященнымъ елеемъ, — и страшная болѣзнь чрезъ три дня совершенно прошла. Благодарный художникъ сдѣлалъ мозаическое изображеніе своего исцѣлителя. — Въ другой разъ къ Евтихію пришелъ слѣпецъ. «Давно ли ослѣпъ?» спросилъ патріархъ. — «Уже годъ», отвѣтилъ недужный. На вопросъ отчего болѣзнь случилась, слѣпецъ рассказалъ слѣдующее. «Я судился съ однимъ человѣкомъ, и, чтобы выиграть дѣло, согрѣшилъ — подтвердилъ истѣ ложною присягою. Дѣло-то я выигралъ, но за то вскорѣ послѣ того ослѣпъ. Помолись за меня, угодниче Божій!» Святый сжалился надъ несчастнымъ, сотворилъ о немъ молитву, и Господь послалъ слѣпцу прозрѣніе. Настоящій случай съ клятвопреступникомъ да будетъ всѣмъ спасительнымъ урокомъ: судъ человѣческій можно обмануть клятвопреступленіемъ и лжесвидѣтельствомъ. Но Бога обмануть нельзя, и Божій судъ строго наказываетъ призывающихъ всеу имя Божіе.

Во время пребыванія святителя въ заточеніи въ Амасійскомъ монастырѣ, случилось нашествіе персовъ на азіатскія области Греческаго царства. Въ Амасію сбѣжалось съ окрестныхъ и дальнихъ городовъ множество народа, спасавшагося отъ неистовства персіанъ. Съ переполненіемъ Амасіи жителями, возникла сперва дороговизна на всѣ съѣстные припасы, а потомъ прекратился и самый ихъ подвозъ. Въ городѣ обнаружился голодъ. Тогда святый Евтихій началъ питать бѣдняковъ изъ монастырскихъ запасовъ. Народу приходило ежедневно въ монастырь множество, и скоро всѣ запасы истощились. Завѣдыввшій хозяйствомъ инокъ доложилъ святителю, что пройдетъ нѣсколько дней, — и братіи нечего будетъ ѣсть и пить. Пошелъ святый Евтихій по амбарамъ и кладовымъ, и убѣдился въ дѣйствительности оскудѣнія всѣхъ припасовъ. «Ничего, продолжай раздавать и кормить голодающихъ»,

сказалъ онъ завѣдывающему хозяйствомъ монаху. «Господь пошлетъ намъ сторицею». Монахъ не смѣлъ возражать, но самъ про себя думалъ: изъ чего раздавать, когда ничего нѣтъ. И заперъ пустые амбары и кладовыя. На утро собрался народъ за хлѣбомъ и другими припасами. Пошелъ монахъ—поискать не найдетъ ли чего. И, дивное дѣло, отворилъ одинъ амбаръ—сверху донизу все заполнено мукою, крупю, масломъ; отворилъ другой—то же самое. Началъ раздавать припасы бѣднымъ: и сколько ни раздавалъ, припасовъ не убавлялось. И такъ продолжалось вплоть до окончанія вражескаго нашествія. Господь, по молитвѣ Евтихія, во всемъ послалъ неистощимое изобиліе. Отсюда слѣдуетъ: никогда не надо жадничать, надлежитъ всегда съ неимущими дѣлиться! Щедрому Господь посылаетъ во сто разъ болѣе, а у скупца отнимаетъ.

Кромѣ дара чудотвореній, святитель Евтихій, по милости Божіей, награжденъ былъ и даромъ предузнаванія будущаго. Такъ въ одно время въ Амасію прибылъ племянникъ императора Іустинъ, и посѣтилъ заточеннаго святителя. Между разговоромъ, святой сказалъ Іустину: «Хоть я и грѣшный, человѣкъ, но служитель Божій. Господь открылъ мнѣ, что ты по Іустиніанѣ будешь царствовать. Приготовься же къ предстоящимъ тяжелымъ обязанностямъ царскимъ». И предреченіе сбылось: чрезъ три года императоръ Іустиніанъ скончался, и на престолъ вступилъ Іустинъ (565—578).

Послѣ слишкомъ двѣнадцатилѣтняго заточенія возвращенъ былъ наконецъ Евтихій на Константинопольскую патріархію, и скончался по прошествіи четырехъ съ половиною лѣтъ, 6 апрѣля 582 года, при царѣ Тиверіи (578—582). Благочестивому Тиверію святитель также предрекъ о царскомъ вѣнцѣ. Равнымъ образомъ, когда Тиверій прибылъ къ патріарху проститься и принять отъ него послѣднее благословеніе, угодникъ Божій сказалъ, что и ему недолго остается жить. Слова усопшаго сбылись. Послѣ кончины Евтихія, императоръ Тиверій померъ чрезъ мѣсяць и восемь дней.

Мощи святителя Евтихія въ 1246 году перенесены были изъ цареградскаго храма святыхъ апостоловъ въ Венецію, на восточномъ берегу Италіи, у Атлантическаго моря.

Святой Меѳодій, просвѣтителъ Славянъ.

6-го апрѣля воспоминается кончина сего угодника Божія, послѣдовавшая въ 885 году по Р. Х., но о жизни и чудесахъ Меѳодія сказано будетъ 11 мая, совокупно съ братомъ его Константиномъ (въ схимѣ Кирилль).

7-го Апрѣля.

Святой Георгій исповѣдникъ, митрополитъ Митилинскій.

Многіе не вѣрятъ ни въ какія предзнаменованія; отвергають все сверхъестественное. Вѣру въ эти предзнаменованья и сверхъестественныя явленія считаютъ признакомъ невѣжества. Конечно, будетъ невѣжество и притомъ глубоко грѣховное, преступное предъ Богомъ, если, завидѣвъ на встрѣчу идущаго священника, иные начинаютъ отплевываться, сворачиваютъ съ дороги, или возвращаются назадъ, домой. Эти жалкіе люди, болтающіе на разныхъ иноземныхъ языкахъ, гордые и самонадѣянные своими разнообразными, поверхностными знаніями, въ встрѣчѣ со священникомъ видятъ предзнаменованіе неудачи предстоящаго дѣла, на которое идутъ. Не невѣжество ли круглое, въ служителѣ престола Божія, въ человѣкѣ, безъ котораго отъ утробы матерней до сырой могилы обойтись нельзя, видѣть знаменіе дурною? Многомъ суетумудрымъ глупцамъ и въ голову не приходитъ: «а что, если священникъ идетъ съ Святыми Дарами, съ крестомъ и евангеліемъ»? Да имъ и дѣла о томъ мало: съ нихъ довольно, что предъ ихъ глазами священническая ряса, а что надъ нею скрывается—о томъ знать не хотятъ.

Нѣтъ, служителъ Божій, и въ особенности имѣющій при себѣ Святыню, можетъ быть лишь предзнаменованіемъ всего лучшаго, удачи, успѣха. Поэтому, встрѣтясь съ нимъ, или мирно пройти,

или подступи и попроси благословенія на подлежащій путь. И чрезъ священника получишь благословеніе небесное. Если же, въ дѣйствительности, кому нибудь, послѣ встрѣчи съ священникомъ, приключится неудача, то слѣдуетъ знать, что тутъ священникъ не причемъ. А неудача послѣдовала отъ Бога, единственно въ наказаніе за небрежительное мнѣніе о Его служителѣ...

О встрѣчѣ съ священникомъ сказано къ слову. Вначалѣ же говорится о явленіяхъ и предзнаменованіяхъ сверхъестественныхъ, чудесныхъ, т. е. такихъ, которыя выходятъ изъ ряда явленій повторяющихся. Напр., солнечныя и лунныя затмѣнія, ложныя солнца и луна, прохожденіе разныхъ свѣтилъ небесныхъ — не составляетъ чего либо сверхъестественнаго; все это происходитъ по разъ установленнымъ Господомъ-Творцомъ мудрымъ законамъ природы. Сказанныя явленія ничего не предвѣщаютъ, хотя люди темные и склонны думать, что они не передъ добромъ. Нѣтъ, мы говоримъ о такихъ явленіяхъ, которыя не поддаются никакимъ изученіямъ и вычисленіямъ, которыхъ никакой высокій умъ человѣческій не постигнетъ. Люди вѣрующіе—будь то истинно и глубоко ученые, или простые,—къ такимъ явленіямъ относятся съ благоговѣніемъ, видя въ нихъ Божіе указаніе и предвареніе о чемъ-то будущемъ хорошемъ или дурномъ. Такъ, при рожденіи Христа Спасителя, восточные мудрецы увидѣли необыкновенную, ни подъ какія вычисленія не подходящую звѣзду,—и поняли, что свершилось или совершится въ мірѣ что либо необыкновенное. Стали доискиваться—и убѣдились, что наступило время воплощенія Спасителя. Такъ, въ 312 г. по Р. Хр., 28 октября, благовѣрный царь Константинъ Великій (306—337, пам. 21 мая) и все его войско видѣли днемъ сіяющій крестъ на небѣ, съ надписью «Симъ побѣждай!» Это явленіе также чудесное, сверхъестественное, предуказывавшее, что Константинъ побѣдитъ враговъ только силою честнаго животворящаго креста Господня, и на торжество ученія Христова надъ тьмою языческихъ заблужденій. Такія явленія незаурядныя ниспосылаются міру только по волѣ Господней, въ неопредѣленные времена. Люди невѣрующіе, суемудрые, не имѣя возможности силою ума и науки разгадать причины такихъ явленій, стараются говорить что ихъ вовсе не

было, что это одні сказки. Кромѣ того, они пренахально ошеломляютъ другихъ вопросомъ: отчего теперь рѣдки или не бываетъ сверхъестественныхъ явленій? Да отъ того, что такъ угодно Богу; такова Его воля. Объ этой-то волѣ Божіей и о самомъ Богѣ эти лжемудрецы и лжеученые и забываютъ. Что же, неужели, для увѣренія подобнаго дерзновеннаго глупца въ Своемъ всемогуществѣ, Господь обязанъ сейчасъ же проявить что либо необыкновенное? Да это было не совмѣстно съ всемогущимъ величіемъ Божества, да и самый глупецъ при такомъ явленіи разсыпался бы, какъ ничтожество въ прахъ. Господь творитъ только то, что и когда угодно Его всеблагой, непостижимой, всесвятой волѣ. Есть и такіе дерзновенные, которые, хотъ и совершивъ предъ ихъ глазами что либо сверхъестественное, такъ они, по своему гордому неразумію, начнутъ объяснять его какимъ нибудь стеченіемъ случайностей, или скажутъ: «не понимаю; наука когда нибудь это откроетъ». И ошибется: наука имѣетъ свои предѣлы, Богомъ положенные, за которые она, въ извѣстныхъ случаяхъ, никогда проникнуть не успѣетъ да и не посмѣетъ.

Итакъ, сверхъестественныя, чудесныя явленія бываютъ по волѣ Божіей, и каждый разъ предъ какимъ нибудь необыкновеннымъ событіемъ. Они предшествуютъ или великимъ радостямъ, или великимъ несчастіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они указываютъ, чтобы люди приготовились къ принятію радостныхъ и благодатныхъ событій съ спокойною совѣстію и душевною чистотою. Предъ несчастіями же—сверхъестественныя явленія, по волѣ Божіей, даютъ знать людямъ, чтобы они смирились въ своей гордынѣ, раскаялись во грѣхахъ, обратились на путь добродѣтелей и заповѣдей, и тѣмъ обратили продолжительность гнѣва небеснаго, или испросили у Господа силъ къ перенесенію испытаній. Точный же смыслъ, значеніе сверхъестественныхъ явленій открывается только нѣкоторымъ, богоугождающимъ праведникамъ. Эти праведники, видя таинственныя знаменія, читаютъ въ нихъ, какъ въ книгѣ, волю Господню и будущія судьбы міра, и соображаютъ о томъ прочимъ.

Въ 9-мъ столѣтіи правѣрные много вынесли отъ еретиковъ—иконоборцевъ, не признававшихъ честныхъ иконъ, какъ уже нѣсколько разъ было говорено выше. Такое ложное мудрованіе тогдашніе правители государства старались навязать каждому истинно православному.

Не соглашавшихся пристать въ ереси лишали чести, свободы и самой жизни. Въ 813 году на престолъ Греко-римскаго царства, при помощи коварства и злодѣяній, вступилъ нѣкто Левъ-Армянинъ (царств. по 820). Будучи зараженъ иконоборскою ересью, онъ нарушилъ миръ Церкви Христовой, и поднялъ, повсюду, гоненія на православныхъ, чтившихъ святыя иконы.

Задолго до предстоящихъ православнымъ бѣдствій, когда Левъ-Армянинъ состоялъ съ греко-римскихъ войскахъ еще простымъ воеводою, Господу угодно было предуказать о грядущихъ невзгодахъ. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

На одномъ изъ малоазійскихъ острововъ, именно Лемносѣ (нынѣ Митилини, въ Архипелагѣ), въ городѣ Митилинѣ (и нынѣ есть такой городъ, на восточной сторонѣ острова; онъ называется также Кастро) существовала Митилинская митрополія. Здѣсь святительскій престолъ занималъ глубокій, болѣе чѣмъ столѣтній старецъ, святой Георгій. Онъ уже въ прежнее время, во дни своей молодости, именно при царѣ Львѣ-Исаврянинѣ (717—741), потерпѣлъ жестокия истязанія за твердость въ православіи и почитаніе святыхъ иконъ. Но Господь сохранилъ Георгія среди мукъ и возвеличилъ. Какъ человѣкъ святой жизни и защитникъ православія, по волѣ благочестивыхъ царей Константина VI Порфиророднаго (780—791) и его матери, святой Ирины (791—802; пам. 7 августа), Георгій былъ избранъ въ митрополиты Митилинскіе. Митилинцы любили своего святителя, какъ чудотворца и цѣлителя недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, милосердаго отца, питателя бѣдныхъ и сѣрыхъ, и заступника предъ властями за всѣхъ обиженныхъ.—Казалось, все предвѣщало Греческому царству внутренній миръ, и никакихъ нестроеній въ государствѣ не предвидѣлось. Но развѣ человѣкъ можетъ хоть за минуту своей жизни поручиться, и сказать: «да, я счастливъ, спокоенъ»?—Нѣтъ. Всевѣдѣніе людямъ не дано. Послѣдній волосъ на головѣ человѣка держится или выпадаетъ по волѣ Божіей. Предъ тишиною бываютъ бури, предъ бурями—покой. Такъ было и въ Греческомъ царствѣ...

Во дни святительства Георгія въ Митилинѣ, однажды, пѣли вечерню. Вдругъ, во время пѣнія «Господи, помилуй!» въ алтарѣ, водруженный на святомъ престолѣ крестъ, невидимою силою, под-

нялся къ алтарному потолку, и оттуда верхнимъ краемъ упалъ внизъ на полъ. Богомольцы пришли въ ужасъ и, вмѣстѣ съ пѣвчими, начали восклицать съ рыданіями безсчетное число разъ «Господи, помилуй!» Они боялись выйти изъ церкви, думая, что всему острову грозитъ сейчасъ неминуемая гибель. «Не плачьте, друзья мои, и не думайте, что странѣ грозитъ гибель, говорилъ испуганнымъ митилинцамъ нѣкто праведникъ Симеонъ. Видѣнное знаменіе дѣйствительно предъ-указываетъ будущія бѣды. Но эти бѣды грядутъ не для одного нашего острова, а для всего государства Греко-римскаго. Знайте, продолжалъ Симеонъ, что скоро, попущеніемъ Господнимъ, грѣхъ нашихъ ради, престоломъ царскомъ завладѣетъ злодѣй, который такъ же будетъ низвергать иконы, какъ низвергся и крестъ на престольный». Въ другой разъ, вскорѣ послѣ паденія креста, въ той же церкви совершилась другое знаменіе. Какъ-то случайно церковныя двери были днемъ отворены. Откуда ни взялся страшный, огромный кабанъ съ обрѣзанными ушами и хвостомъ. Вбѣжавъ въ церковь, кабанъ бросился въ алтарь и здѣсь возлегъ на горнемъ мѣстѣ. Сторожа старались-было его изгнать. Но кабанъ кидался на всѣхъ, и никого не допускалъ войти въ алтарь. Наконецъ сторожамъ удалось выгнать кабана изъ алтаря, предварительно палками избивъ до полусмерти свирѣпое животное. Узнавъ о случившемся праведный Симеонъ, и пояснилъ, что присутствіе кабана въ церкви знаменуетъ еретика архіерея, который въ скоромъ времени займетъ престолъ Митилинской митрополіи.

Предзнаменованія митиленскія въ скорости сбылись. Воевода греко-римскихъ войскъ Левъ-Армянинъ (813—820) провозгласилъ себя императоромъ и свергъ съ престола добраго и кроткаго царя Михаила Рангава (811—813). Совершивъ одно преступленіе противъ законной царской власти, Левъ-Армянинъ возмутился и противъ Церкви Божіей. Омраченный еретическимъ ученіемъ, признававшимъ поклоненіе святымъ иконамъ равносильнымъ поклоненію идоламъ, Левъ-Армянинъ святыя иконы повелѣлъ отовсюду изъ церквей и изъ домовъ износить, а православное духовенство — изгонять. Вмѣсто православныхъ архіереевъ, священниковъ, дьяконовъ и церковниковъ, повсюду были опредѣляемы еретики, единомышленники похитителя престола царскаго, Льва Армянина. Патріар-

хомъ избранъ нѣкто еретикъ Θεодотъ (815—821), во всемъ послушный своему повелителю. Прежде чѣмъ изгнать право-вѣрующихъ архіереевъ, Левъ-Армянинъ главнѣйшихъ изъ нихъ призвалъ къ себѣ въ Царьградъ, стараясь вмѣстѣ съ лжепатріархомъ Θεодотомъ склонить ихъ къ своему еретическому единомыслию. Въ числѣ призванныхъ былъ и Милитинскій митрополитъ, святой Георгій чудотворецъ. Выслушавъ льстивыя, лицемѣрныя рѣчи еретиковъ—царя и патріарха, проникая ихъ тайный смыслъ, святой Георгій распалился ревностью о Христѣ. Какъ человекъ, перешедшій за столѣтній возрастъ и притомъ уже терпѣвшій нѣкогда за православіе, Георгій безбоязненно изобличилъ нечестіе и царя и патріарха. Рѣчи Георгія были смѣлы, глубоко основательны, и потому не понравились ни Льву-Армянину, ни Θεодоту. И тотъ и другой видѣли въ немъ великую помѣху своимъ мудрованіямъ. Кромѣ того, они боялись, что, оставаясь на мѣстѣ, среди своей паствы, Георгій воспрепятствуетъ распространенію между лемносцевъ инокоборчества. Такимъ образомъ, признавая Георгія вреднымъ, Левъ-Армянинъ съ Θεодотомъ порѣшили не возвращать святителя въ Митилинъ, а отправить въ ссылку, прямо изъ Цареграда. Они опасались еще, да пожалуй и справедливо,—если Георгію дать уйдти въ Митилинъ, и оттуда изгнать, то граждане не выдадутъ митрополита. И такъ престарѣлый святой старецъ, стоя уже одною ногою на краю могилы, долженъ былъ еще разъ потерпѣть изгнаніе и заточеніе. На его мѣсто на Лемносъ назначили митрополита изъ числа иконоборцевъ. Въ ссылкѣ святой, благодатію Духа Святаго, сотворилъ много чудесъ, и здѣсь же скончался около или послѣ 816 года. Въ день кончины явилась на небѣ необыкновенно свѣтлая звѣзда, которая видна была и на островѣ Лемносѣ. По ней православные митилинцы узнали объ отшествіи къ Богу своего молитвенника, чудотворца, утѣшителя и заступника митрополита Георгія. И много тогда пострадало за поклоненіе святымъ иконамъ православныхъ отъ еретиковъ. Такъ сбились митилинскія предзнаменованія.

Преподобный Нилъ Сорскій.

Если преподобный Антоній Печерскій († 1073 г. 7 мая; пам. 10 іюл. и 21 сен.) считается основателемъ монашества въ Россіи, то преподобнаго Нила Сорскаго слѣдуетъ признать первоначальникомъ скитскаго житія въ нашемъ отечествѣ. Происходя изъ дворянской семьи Майковыхъ, преподобный Нилъ, чуждаясь мірскою суетою, покинулъ свѣтъ и поселился въ Кириллобѣлозерскомъ монастырѣ (на Бѣло-озерѣ; св. Кирилль Бѣлозерскій сконч. 1427; пам. 9 іюля). Потомъ преподобный Нилъ отправился на Востокъ, былъ на св. Аѳонской горѣ, гдѣ оставался довольно продолжительное время. На Аѳонѣ Нилъ болѣе всего плѣнился жизнью въ скитахъ. (Скитомъ называется такая монашеская жизнь, когда братія не живутъ вмѣстѣ, но отдѣльно другъ отъ друга, въ разбросанныхъ на довольно значительное разстояніе кельяхъ. Скитники сходятся въ общій храмъ обители только въ извѣстное время и на извѣстный срокъ.) Возвратясь въ Россію, преподобный Нилъ поселился сначала за оградою Кирилло-бѣлозерской обители, а потомъ удалился за 15 верстъ отъ монастыря, на рѣку Сорку, мѣсто дикое, мрачное, болотистое и низменное. Здѣсь Нилъ поставилъ крестъ съ часовнею и келью. Къ преподобному стали приходить люди разныхъ состояній, желавшіе жить подъ его руководствомъ. Но онъ принималъ только тѣхъ, кто соглашался на предлагаемыя условія, т. е. жить не вмѣстѣ, а скитски. Условія были не легки. Каждая келья находилась одна отъ другой на разстояніи брошеннаго камня. Отшельники или скитники всю недѣлю обязаны были, въ полнѣйшемъ уединеніи, не сближаясь другъ съ другомъ, трудиться и молиться каждый въ своей кельѣ. Собираться же могли только въ субботы на воскресенье, или по праздникамъ, на общее богослуженіе. Притомъ же службы длились необыкновенно долго; напримѣръ, всенощная — всю ночь. На обѣднѣ пѣли только Трисвятую пѣснь, Аллилуію, Херувимскую и Достойно. Все же остальное читалось — нараспѣвъ. Скитники обязаны были питаться трудами, приношенія принимать могли только въ крайней нуждѣ. Никто не имѣлъ права заводить дорогихъ вещей. Женщинъ въ скитъ не допускалось. Вообще уставъ скитскій

оказывался столь строгимъ, что только двѣнадцать человѣкъ рѣшились жить съ преподобнымъ. Но за то это уже были люди полные отреченники, готовые на всевозможные труды и лишенія, съ необыкновенною твердою волею, подобно ихъ начальнику преподобному Нилу. А трудовъ предстояло скитникамъ не мало. Въ виду болотистой почвы, прежде чѣмъ поставить келью, требовалось натащить земли и устроить искусственное возвышеніе. Затѣмъ такой же непомѣрный трудъ земляныхъ работъ скитники должны были выполнить на мѣстѣ постройки храма и для кладбища. Ихъ усиленными трудами насыпанъ высокій холмъ, на которомъ воздвигнута церковь. Великій отреченникъ Нилъ преподобный, для умерщвленія плоти, носилъ одежду, волосъ которой колется какъ игла. Эта суровая одежда цѣла и понынѣ. Вообще преподобный велъ столь строгую жизнь, что она удивляла современниковъ. И, понятное дѣло, Нилъ пользовался въ свѣтѣ великимъ почетомъ. О Нилѣ преподобномъ извѣстно было и великому князю всея Руси Іоанну III Васильевичу Великому, который, «содержалъ Нила въ великой чести». Въ 1491 г. собирався въ Москвѣ соборъ противъ жидовствующихъ еретиковъ; среди приглашенныхъ на этотъ соборъ находился и Нилъ Сорскій: такое имѣлъ онъ высокое значеніе среди современниковъ.

Жидовствующая ересь первоначально появилась въ Новгородѣ. Еретики учили, что Богъ единъ и не имѣетъ Сына и Св. Духа, единосущныхъ и сопрестольныхъ Ему. Мессія—Искупитель міра—еще не пришелъ; а если и придетъ, то не Богъ, а простой человѣкъ, какъ Моисей, Давидъ и прочіе пророки. Жидовствующіе уничижали Іисуса Христа, Божію Матерь, святыхъ угодниковъ, отвергали Св. Писаніе; смѣялись надъ иконами; отвергали посты и монашество (Истор. Христ. Правосл. Церкви. протоіерея П. Смирнова. Москва. 1881 г., стр. 200). Изъ Новгорода ересь проникла въ Москву, даже въ самый великокняжескій дворецъ. На соборѣ еретики были осуждены и преданы проклятію. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ главнѣйшихъ ересеучителей были сожжены, а другіе разосланы въ монастыри.

Ревнуя о строгой жизни и нравственности, преподобный Нилъ Сорскій распространялъ мысль — и совершенно справедливую — что монастыри не должны владѣть никакими вотчинами. Это, по мнѣнію

Нила, изъ монаховъ дѣлаетъ тѣхъ же мірянъ. обременяя тѣми же заботами и хлопотами. Однимъ словомъ, владѣніе имѣніями несовмѣстно съ монашескимъ саномъ. Такой взглядъ преподобный приводилъ и на другомъ соборѣ 1504 года; но не имѣлъ успѣха, а навлекъ только на себя, какъ и слѣдовало ожидать, однѣ непріятности.— Одинъ въ полѣ не воинъ.—Другое, противъ чего возставалъ преподобный Нилъ,—это порча церковныхъ книгъ отъ злонамѣренности, невѣжества или невниманія переписчиковъ. (Тогда въ Россіи книгопечатанія не было; въ Западной Европѣ первыя печатныя книги начались только въ 1437 году. — Сочиненія и книги, какъ уже въ предъидущихъ книжкахъ упомянуто, всѣ были рукописныя). Нилъ находилъ необходимымъ исправленіе въ церковныхъ книгахъ ошибокъ, что не нравилось многимъ, хотя и сильнымъ властью, но невѣжественнымъ людямъ. Преподобному приходилось выносить много непріятностей изъ-за своего совершенно справедливаго и мудраго взгляда на вещи.

Преподобный Нилъ скончался 7 апрѣля 1508 года, на 76 году отъ рожденія, при государѣ—царѣ и великомъ князѣ всея Руси Василии III Іоанновичѣ (1505—1533). Великій духомъ и подвигами, но смиренный седцемъ, преподобный считалъ себя недостойнымъ погребенія. Онъ завѣщалъ скитникамъ, чтобы его тѣло не хоронили, а или бросили въ пустынь—въ добычу птицамъ и звѣрямъ, или бы просто закопали въ яму. «Я старался, писалъ подвижникъ въ завѣщаніи, не пользоваться никакою честью на землѣ, въ этой жизни; такъ пусть будетъ и по смерти». Послѣ преподобнаго осталось много писемъ и уставъ скитскаго житія. Въ своихъ писаніяхъ Нилъ является необыкновеннымъ человѣкомъ по въ высшей степени строгимъ и правильнымъ взглядамъ и понятіямъ на жизнь монашескую. Этимъ взглядамъ и сообразно этимъ понятіямъ, преподобный слѣдовалъ неуклонно до могилы. Нетлѣнныя мощи Нила почиваютъ подъ спудомъ въ храмѣ основанной имъ обители. Нилосорская пустынь нынѣ причислена къ Кирилло-бѣлозерскому монастырю, въ Бѣлоозерскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный (1533—1584) хотѣлъ-было на мѣстѣ деревяннаго, основаннаго преподобнымъ храма воздвигнуть новый, каменный. Но угодникъ Божій, въ сонномъ видѣніи, явился Государю и воспретилъ трогать

старый храмъ. Взамѣнъ каменнаго храма, Іоаннъ Грозный пожаловалъ скиту Нилосорскому грамоту объ отпускѣ монашествующимъ денежнаго жалованья и хлѣбнаго оклада. Эта грамота, за собственноручнымъ подписаніемъ Грознаго, къ сожалѣнію, не сохранилась.

8-го Апрѣля.

Святые апостолы отъ семидесяти: Иродіонъ (Родіонъ), Агавъ, Руфъ, Асигкрить, Флегонтъ и Ермій.

Объ этихъ святыхъ апостолахъ отъ семидесяти имѣемъ весьма краткія свѣдѣнія. Такъ извѣстно, что апостоль Иродіонъ, сродникъ верховнаго апостола Павла, былъ уроженецъ города Тарса (въ Малой Азіи или Азіатской Турціи; на югѣ Передней Азіи, на р. Терсусъ-чаѣ, впадающей въ Средиземное море). Иродіонъ епископствовалъ въ Патрахъ, нынѣшнемъ Патрасѣ, въ Греческомъ королевствѣ, на сѣверозападѣ Мореи, у Патрасскаго залива. За распространіе христіанства между язычниками, евреи, эти богоубійцы и вѣчные ненавистники имени Христа Спасителя, всѣми силами старались вредить апостолу. Они наконецъ успѣли озлобить противъ Иродіона языческихъ жрецовъ. Въ сообществѣ съ ними жида схватили святителя и начали мучить. Послѣ многихъ истязаній, святой получилъ ударъ ножемъ, и, истекая кровью, упалъ замертво. Злодѣи обрадовались, полагая что Иродіонъ убитъ, и ушли. Но Господь не судилъ Иродіону кончины. Онъ очнулся, выздоровѣлъ, и впослѣдствіи сопутствовалъ апостолу Петру въ Римъ. Какъ извѣстно, Петръ, 29 іюня 67 года по Р. Хр., по приказанію кровожаднаго Римскаго царя - язычника Нерона (54—68 г.) былъ распятъ. Слѣдомъ за Петромъ и апостоль Иродіонъ былъ обезглавленъ, вмѣстѣ со множествомъ христіанъ, по волѣ того-же безчеловѣчнаго Нерона.

Апостолъ Агавъ обладалъ пророческимъ даромъ. Въ «Дѣянїяхъ Апостольскихъ». (Гл. II, ст. 28) говорится: «Одинъ изъ нихъ (апостоловъ), Агавъ, предвозвѣстилъ Духомъ (Святымъ), что во всей вселенной будетъ великій голодъ, который и былъ при кесарѣ (императорѣ Римскомъ) Клавдіи» (41—54). Потомъ тѣ же «Дѣянїя» повѣствуютъ, что Агавъ предсказалъ апостолу Павлу о страданїяхъ его въ Іерусалимѣ. Агавъ, «взявъ поясъ Павловъ, и связавъ себѣ руки и ноги, сказалъ: такъ говоритъ Духъ Святой: мужа, чей этотъ поясъ, такъ свяжутъ въ Іерусалимѣ іудеи и предадутъ въ руки язычниковъ» (Дѣян. гл. 21, ст. 11). Агавъ многихъ обратилъ своею проповѣдью ко Христу.

Святой Руфъ епископствовалъ въ городѣ Оивахъ, нынѣ Тива, въ Греческомъ королевствѣ, въ сѣверной его части.

Апостолъ Асигкритъ былъ епископомъ въ Гирканїи; — странѣ, прилежащей къ Каспійскому (прежде Гирканскому) морю, съ юго-восточной его стороны. Городъ же Гирканїя лежалъ между рѣками Атреомъ и Гюргенью, на сѣверо-востокъ отъ нынѣшняго Астрабада, въ Азіи.

Святые Флегонтъ и Ермїй были епископами, первый въ городѣ Мараонѣ, на сѣверо-западѣ Греческаго королевства, близъ города Враны, а второй въ Далмаціи — въ области, принадлежащей нынѣшней Австро-венгурской имперіи, на сѣверо-западной сторонѣ Балканскаго полуострова, что у Адриатическаго моря. Всѣ эти апостолы-святители проповѣдывали Евангеліе во вселенной, и проповѣдь свою ознаменовали мученической смертью или отъ евреевъ, или отъ язычниковъ.

Святой Нифонтъ, епископъ Новгородскій.

Знаменитый миротворецъ, мужественный поборникъ правды, строгій исполнитель уставовъ церковныхъ, строитель и украстель храмовъ Божїихъ Нифонтъ родился между 1180—1185 г., въ окрестностяхъ Кіева, въ княженіе Изяслава Ярославича (1078—1093). Родители его люди благочестивые и богатые. И Никита (такъ звался святитель въ міру) былъ вымоленное у Господа дитя, дарованное благочестивымъ супругамъ уже на старости лѣтъ. Хорошо обученный,

Никита, по смерти родителей, остался полнымъ распорядителемъ доставшагося наслѣдства. Другіе молодые люди, по свойственному юношескому возрасту легкомыслію, зажили-бы въ роскошѣ и гульбѣ. Но Никита, раздавъ все имущество по церквамъ и бѣднымъ, самъ ушелъ въ Печерскую обитель, гдѣ и постригся подъ именемъ Нифонта. Преукрашенный всякими добродѣтелями, Нифонтъ, въ 1130 году, по отходѣ на покой блаженнаго архипастыря Новгородскаго Іоанна (1108—1130), избранъ былъ во епископы Великому Новгороду. Своевольные новгородцы много доставили новоизбранному архіерею заботъ. Мятежи среди новгородцевъ было дѣломъ обычнымъ. То и дѣло они бунтовали противъ своихъ князей: то изгоняли, то требовали къ себѣ другихъ. Такое своеволие накликало на новгородцевъ частыя бѣдствія со стороны родни изгоняемыхъ князей. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы образумиться и смириться или уже приготовиться къ отпору, новгородцы сами между собою начинали ссориться. Одинъ конецъ (сторона) Новгорода выходилъ противъ другаго, и нерѣдко дѣло оканчивалось побоищемъ. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ зачастую владыки Новгородскіе являлись миротворителями. Такъ-же поступалъ и святой Нифонтъ. Въ 1134 году, среди новгородцевъ поднялся такой мятежъ, что они посмѣялись своихъ посадниковъ и даже одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ утопили, сбросивъ съ моста въ Волховъ. Чтобы хотя сколько нибудь усмирить своевольныхъ, первосвятитель Русской земли, митрополитъ Кіевскій Михаилъ (1130—1145), наложилъ на весь городъ запрещеніе (отлученіе отъ Церкви). Напугались новгородцы такого наказанія, и не знали что дѣлать. Святой Нифонтъ, болѣя душою о заблудшихся овцахъ духовныхъ своей паствы, отправилъ къ митрополиту Кіевскому челобитную. Въ челобитной владыка усердно и смиренно молилъ первосвятителя простить прегрѣшенія новгородцевъ. Митрополитъ Михаилъ, который и ставилъ Нифонта во епископы Великому Новгороду, не только снялъ съ новгородцевъ церковное отлученіе, но и самъ къ нимъ прибылъ изъ Кіева для врачеванія.—Въ слѣдующемъ 1135 году святой епископъ оказалъ великую услугу уже не одному Новгороду, а цѣлой тогдашней Россіи. Прознавъ, что князья Черниговскіе завели междуусобицу съ великимъ княземъ Кіевскимъ Ярополкомъ (1132—1139), и уже всту-

пили въ Кіевскую область, Нифонтъ отправился изъ Новгорода въ южную Русь. Силою убѣжденія и своего благоразумія владыка Новгородскій успѣлъ примирить кіевлянъ съ черниговцами. Этимъ онъ спасъ Русь отъ нашествія свирѣпыхъ, дикихъ половцевъ, которые уже поднимались-было на Русь, пользуясь раздорами южно-русскихъ князей.

Въ другой разъ твердость духа и безбоязненность предъ сильными міра святой оказалъ по слѣдующему случаю. Новгородскій князь Святославъ задумалъ жениться на родственницѣ, столь близкой, что, по церковнымъ уставамъ, брака такого нельзя было разрѣшить. Узнавъ о намѣреніи княжескомъ, Нифонтъ старался остановить князя. Но Святославъ не слушалъ. Тогда Нифонтъ запретилъ кому-бы то ни было изъ новгородскаго духовенства вѣнчать князя. Святославъ хотя и настоялъ на своемъ, но былъ вѣнченъ священниками, прибывшими съ нимъ изъ Чернигова, и притомъ не въ соборномъ храмѣ святой Софіи, а въ дворцовой церкви. Чтобы смягчить справедливое неудовольствіе архипастыря, Святославъ всячески старался смягчить Нифонта. Нифонтъ хотя и примирился съ княземъ, тѣмъ не менѣе время отъ времени обличалъ Святослава въ незаконномъ поступкѣ.

Еще большую твердость духа владыка показалъ при избраніи новаго первосвященителя земли Русской. Слѣдуетъ замѣтить, что со времени принятія Россіею христіанства (988), Русская Церковь состояла въ зависимости отъ патріарховъ Константинопольскихъ. Русскіе митрополиты посвящались патріархами Константинопольскими, или же присылались изъ Греціи. Великій князь Изяславъ (1146—1154), въ преемники митрополиту Михаилу, ушедшему въ Грецію во время княжескихъ усобицъ, назначилъ схимника, ученаго Климента (1147—1155), изъ русскихъ. Не желая подчиняться патріарху Константинопольскому, Изяславъ рѣшился новозбраннаго митрополита не посылать въ Грецію, а посвятить русскимъ епископамъ. Съ этою цѣлью собравъ было нѣсколько епископовъ въ Кіевъ, въ числѣ которыхъ находился и Нифонтъ Новгородскій. Нифонтъ призналъ избраніе митрополита, безъ патріаршаго благословенія, незаконнымъ. Однако на его доводы не обратили вниманія, и Климентъ все-таки былъ, по волѣ великаго князя, избранъ въ

митрополиты Кіевскіе. Владыка Новгородскій остался при своемъ мнѣніи о незаконности избранія Климента, и не хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ служить въ кіевскомъ Софійскомъ соборномъ храмѣ. Прочихъ же архіереевъ, согласившихся исполнить волю княжескую, называлъ человѣкоугодниками. Удалился Нифонтъ съ скорнымъ сердцемъ въ Новгородъ и оттуда не переставалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, обличать Климента въ присвоеніи незаконно митрополитства, и даже не поминалъ его въ молитвахъ. Климентъ жаловался на Нифонта великому князю, и тотъ вызвалъ епископа Новгородскаго въ Кіевъ, въ надеждѣ примирить святителей. Но неустрашимый Нифонтъ, не питая никакой злобы лично къ митрополиту, продолжалъ настаивать, что не признаетъ Климента за истиннаго первосвятителя земли Русской. Великій князь разгнѣвался на Нифонта, и заточилъ его въ Печерскій монастырь. Опальный владыка благодарилъ Бога, принимая заточеніе, какъ великое счастье и возможность въ тиши уединенія трудиться ради спасенія своей души. Впрочемъ заточенникъ не долго пробылъ въ монастырѣ—не болѣе года. Принявшій временно престолъ Кіевскій, великій князь Георгій Владиміровичъ, въ слѣдующемъ же году, отпустилъ съ честью Нифонта въ Новгородъ.

Выказанныя епископомъ Новгородскимъ стойкость и мужество въ дѣлѣ митрополита Климента поставили высоко Нифонта въ глазахъ современниковъ. На него смотрѣли, какъ на человѣка неподкупнаго, строгаго блюстителя уставовъ и порядковъ церковныхъ, готоваго страдать правды ради. О несогласіяхъ епископа Новгородскаго съ великимъ княземъ изъ-за нарушенія порядковъ, при избраніи митрополита, достигла вѣсть до Константинополя. Тогдашній патріархъ Николай IV (1147—1151) прислалъ Нифонту похвальную грамоту, въ которой, преподавая святителю свое благословеніе, сравнивалъ его съ древними святыми отцами. Совѣтуя Нифонту потерпѣть за правду, и не изнемогать въ подвигѣ, патріархъ далѣе въ грамотѣ говоритъ: «Да будешь (за то) причтенъ отъ Бога къ прежнимъ святымъ, твердо пострадавшимъ о православіи, и покажешь святителямъ, которые будутъ по тебѣ въ землѣ Русской и всѣмъ людямъ образъ терпѣнія».

По смерти великаго князя Изяслава, Георгій Владиміровичъ, окончательно утвердившійся на великомъ княженіи (1156—1159),

смѣстилъ митрополита Климента, и обратился къ патріарху Цареградскому о присылкѣ въ Кіевъ новаго митрополита. Вселенскимъ патріархомъ назначенъ былъ на русскую митрополию грекъ Константинъ. Обрадованный епископъ Новгородскій поспѣшилъ отправиться на встрѣчу новаго, законно-рукоположеннаго митрополита Константина, и получить отъ него благословеніе. Но Богъ судилъ иначе. Прибывъ въ Кіевъ, Нифонтъ заболѣлъ и скончался 21 апрѣля 1156 году на Святой недѣлѣ въ субботу. Кончина была предвозвѣщена Господомъ Нифонту заранѣе. Вотъ его о томъ разсказъ: «По окончаніи заутрени, говорилъ святитель игумену и братіи, я забылся. Въ забытій мнѣ казалось, что стою въ Печерской церкви Успенія Богородицы, и со слезами молюсь Пресвятой Дѣвѣ, сподобить меня увидѣть преподобнаго Θεодосія († 1074; 3 мая и 14 авг.).—Затѣмъ. казалось мнѣ, будто въ церковь собираются во множествѣ братія. Одинъ изъ монаховъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, хочу-ли я видѣть преподобнаго Θεодосія. «Пожалуйста покажи», отвѣчалъ я. Монахъ повелъ меня въ алтарь и тамъ указалъ на Θεодосія. Я припалъ къ ногамъ его. Преподобный поднялъ, благословилъ и поцѣловалъ меня.—«Добро, что ты пришелъ къ намъ; отнынѣ мы съ тобою не разлучимся», сказалъ при этомъ угодникъ Божій. Въ рукахъ у него былъ свитокъ (длинная бумага, свернутая въ трубку). Я попросилъ преподобнаго отца дозволенія прочитатъ написанное въ свиткѣ. Развернувъ свитокъ, я прочелъ: «Се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ» (Евр. II, 12). Съ этимъ я проснулся. Изъ видѣнія этого уразумѣваю, сказалъ святой Нифонтъ, что настоящая болѣзнь моя есть Божія милость, дабы я могъ приготовиться къ смертному исходу».

Святитель управлялъ Новгородскою епархіею двадцать пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и оставилъ по себѣ среди новгородцевъ дорогую память. Лѣтописецъ новгородскій такъ высказываетъ скорбь свою объ умершемъ святителѣ: «Мы только за грѣхи наши лишены утѣшенія видѣть у себя гробъ его».

Святой угодникъ Нифонтъ погребенъ былъ въ Кіевѣ, въ Θεодосіевскихъ пещерахъ, а потомъ, неизвѣстно кѣмъ и когда, мощи его перенесены въ пещеры Антоніевскія.

Миротворецъ и неуклонный, строгій исполнитель уставовъ церковныхъ, святой Нифонтъ извѣстенъ еще какъ ревнитель о благолѣпіи и устроеніи храмовъ Божіихъ, изъ которыхъ нѣкоторые и донынѣ еще существуютъ. При Нифонтѣ Софійскій соборъ въ Новѣгородѣ украшенъ иконнымъ писаніемъ и покрытъ оловомъ.

Кромѣ всего, Нифонтъ занимался и писательствомъ. Имъ составлены житія нѣкоторыхъ Кіевопечерскихъ угодниковъ. Въ московскомъ патріаршемъ книгохранилищѣ хранятся отвѣты Нифонта на вопросы Кирика, дьякона Антоніевскаго монастыря въ Новѣгородѣ. Эти отвѣты въ свое время пользовались необыкновеннымъ значеніемъ. Приведемъ хотя одинъ изъ этихъ отвѣтовъ, какъ имѣющихъ силу и въ наше время. Кирикъ спрашивалъ: давать-ли Святое Причастіе больному, когда изъ устъ его течетъ гной?—Владыка Нифонтъ отвѣчаетъ: «Непремѣнно должно, потому что отъ святыхъ отлучаетъ не смрадъ изъ устъ, а смрадъ грѣховный».

9-го Апрѣля.

Преподобномученикъ Вадимъ.

Въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Хр., въ Персидскомъ царствѣ, въ нынѣ несуществующемъ уже городѣ Бетъ-лапетѣ, въ области на юговостокѣ отъ рѣки Тигра (впадаетъ въ Персидскій заливъ), жилъ нѣкто Вадимъ. Вѣрою христіанинъ и весьма богатый человѣкъ, Вадимъ, скоучивъ мірскою суетою со всѣми ея тлѣнными прелестями, возжелалъ жить и трудиться во славу Божію и для спасенія своей души. Съ этою цѣлью онъ часть своихъ богатствъ роздалъ на дѣла благотворенія, а другую употребилъ на устроеніе близъ города монастыря, гдѣ и постригся.

Избранный въ архимандриты Бетлапетскаго монастыря, Вадимъ многихъ изъ персіанъ-язычниковъ привелъ ко Христу. Такая дѣятельность Вадима конечно не могла нравиться языческимъ жрецамъ персидскимъ. Преподобный былъ оклеветанъ предъ персидскимъ

царемъ Сапоромъ II, какъ человѣкъ злонамѣренный и совращающій персіанъ къ новую вѣру. Сапоръ II, закоренѣлый язычникъ, велѣлъ схватить архимандрита Вадима съ семьєю его учениками и посадить въ тюрьму. Язычники не удовольствовались этимъ. Они чуть не каждый день пошѣтались надъ преподобнымъ: били и всячески истязали его. Преподобный съ радостію выносилъ мученія и благодарилъ Бога, сподобившаго страдать во славу имени Его всесвятаго. Въ темницѣ вмѣстѣ съ Вадимомъ былъ заключенъ нѣкто христіанинъ Нирсанъ. Слабый духомъ и привязанный къ земной, временной жизни, Нирсанъ убоился предстоящихъ мукъ. Какъ нѣкогда Исавъ, сынъ Исаака, брату своему Іакову продалъ старшинство за чечевичную похлебку, такъ точно поступилъ и трусливый Нирсанъ. За земную временную жизнь онъ продалъ жизнь вѣчную, небесную. Короче сказать, Нирсанъ рѣшился отступить отъ христіанства и обратиться въ язычество, о чемъ и сообщилъ тюремному начальству. Царь Сапоръ, которому доложено объ отступничествѣ Нирсана, весьма сему обрадовался. Вспомнивъ, что съ Нирсаномъ въ одной тюрьмѣ томится архимандритъ Вадимъ, Сапоръ приказалъ привести ихъ къ себѣ обоимъ. При этомъ велѣно было передать Нирсану, что если онъ хочетъ доказать дѣйствительность отреченія своего отъ христіанства, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ богатую награду, то обязанъ собственноручно убить Вадима. Презрѣнный отступникъ, совершивъ уже одно преступленіе — отреченіе отъ христіанства, согласился совершить и другое — быть палачемъ ни въ чемъ неповиннаго Вадима. Провели ихъ къ Персидскому царю. Исполняя волю жестокаго Сапора, Нирсанъ взялъ мечъ и подступилъ къ Вадиму съ намѣреніемъ убить преподобнаго. Но вдругъ оторопѣлъ — рука не подымалась на мученика, и отступникъ сталъ неподвиженъ, какъ истуканъ. Преподобный Вадимъ, взглянувъ на отступника, сказалъ ему: «Мало того, что ты отрекся отъ Бога истиннаго, но еще и берешь на себя жалкую обязанность быть палачемъ слугителей предвѣчнаго Господа. Я готовъ за имя Христово претерпѣть всевозможныя муки и понести самую смерть, однакожъ не желалъ бы быть убитымъ отъ тебя. Пусть кто нибудь другой предастъ меня смерти, а ты недостойнъ подобной чести». Отъ стыда и злобы Нирсанъ сначала затрясся. Потомъ, какъ дикій разъяренный звѣрь, бросился на Вадима и началъ

ему наносить куда попало частые удары.—Сразу презрѣнный не могъ убить преподобнаго, потому что у труса руки ходили ходуномъ.—Подъ градомъ ударовъ, преподобный мученикъ Вадимъ съ молитвою на устахъ предалъ духъ свой Богу. Мученическая кончина страдальца послѣдовала 9 апрѣля 376 года. Тѣло Вадима, выброшенное за городъ, христіанами тайно было подобрано и погребено съ подобающими почестями.

Недолго презрѣнный отступникъ Нирсанъ наслаждался жизнью, купленною отреченіемъ отъ Христа, Котораго онъ продалъ, какъ нѣкогда Іуда. Скоро всеобщее презрѣніе и отъ христіанъ и отъ язычниковъ, а равно и сознаніе содѣяннаго преступленія, привели Нирсана въ отчаяніе. Не находя нигдѣ покоя, отступникъ самъ лишилъ себя жизни. Ученики же преподобномученика томились въ темницѣ до смерти царя Сапора, и при новомъ царѣ отпущены на свободу.

10-го Апрѣля.

Святые мученики Терентій, Африканъ, Максимъ, Помпній, Зиновъ, Александръ, Θεодоръ и прочіе.

Римскій императоръ-язычникъ Декій (249—251) намѣревался съ корнемъ вырвать христіанство съ своимъ государствѣ. Для это во всѣ области Римской имперіи разосланы были указы обращать христіанъ въ язычество; неисполняющихъ же сего предавать смерти. Такой указъ пришелъ и въ Африку, составлявшую тогда одну изъ областей Римскаго царства. Африканскимъ правителемъ въ то время состоялъ нѣто Фортунатіанъ—тоже ярый язычникъ. Въ томъ городѣ, гдѣ областеначальникъ имѣлъ мѣстопробываніе, онъ въ назначенномъ мѣстѣ приказалъ собрать всѣхъ тамошнихъ христіанъ. Собраннымъ объявлено, чтобы они или принесли жертвы языческимъ богамъ, или бы приготовились къ мучительной смерти. Многіе изъ нетвердыхъ вѣрѣ и трусливыхъ тотчасъ же отреклись отъ христіанства и заявили готовность принести идоламъ жертвы. Со-

рокъ же человекъ христіанъ согласились между собою лучше заплатить жизнью, чѣмъ быть отступниками. «Будемъ помнить, говорили они другъ другу, слова Господни: «Не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, душу же немогущихъ убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тѣло погубить въ геенѣ (въ вѣчномъ огнѣ)» (Матѣ. X, ст. 28).

Услышавъ, что сорокъ христіанъ являются супротивниками распоряженій правительства, т. е. не изъявляютъ желанія поклониться идоламъ, Фортунатіанъ повелъ съ ними такую рѣчь: «Кажется вы люди зрѣлаго возраста, говорилъ онъ, а между тѣмъ безумствуете. Держитесь и считаете своимъ Богомъ—Человѣка, Котораго свои же предали въ руки римскихъ властей, и Который умеръ позорной смертію на крестѣ. Давлюсь вашему сумасбродству». — Тогда одинъ изъ обреченныхъ себя на смерть за Христа, по имени Терентій, отвѣчалъ областеначальнику: «Когда бы ты узналъ силу Распятаго Христа, то таѣ не говорилъ, а убѣдился бы, что Онъ есть истинный Богъ». Фортунатіанъ пропустилъ слова Терентія мимо ушей, и сталъ грозить муками исповѣдникамъ Бога Вышняго. Но какъ они оставались непреклонными и твердыми въ вѣрѣ, то и приказалъ ихъ всѣхъ силою отвести въ языческій храмъ. Туда же отправился и Фортунатіанъ. И, конечно, ничего не добился отъ приведенныхъ, кромѣ какъ они изобличили язычниковъ въ ихъ заблужденіяхъ и насмѣялись надъ идолами. Изъ сорока человекъ областеначальникъ приказалъ заковать въ цѣпи Терентія, Африкана, Максима и Помпнія, и отвести подъ строгимъ карауломъ въ тюрьму. Остальныхъ же Зинона, Александра, Θεодора и прочихъ, тутъ же, близъ языческаго храма, велѣлъ бить безъ милосердія суковатыми палками и сухими воловьими жилами. Во время мученія святыхъ Фортунатіанъ не переставалъ ихъ уговаривать отречься отъ христіанства. Мученики, не обращая вниманія на увѣщанія, среди истязаній молились Богу. Уморились палачи; тѣла страдальцевъ представляли ужасный видъ. Областеначальникъ явился какъ дикій звѣрь. Недоступный состраданію, выдумалъ новую муку. Онъ приказалъ мучениковъ колоть раскаленными вилами, а потомъ раны обливать оцтомъ (смѣсью уксуса съ желчью) и тереть жесткою, какъ щетка, тканью. Вынося страшныя боли, Зинонъ и прочіе не издавали стонъ, но молились только о помощи. И Господь облегчилъ ихъ стра-

данія, они сдѣлались какъ бы окаменѣлыми и перестали чувствовать боли. «Что же, отступитесь отъ вашего Христа или нѣтъ?» воскликнулъ Фортунатіанъ. — Мученики молчали. — «Вамъ вѣдь говорю, что же не отвѣчаете, нечестивцы?» крикнулъ онъ. — Тогда страдальцы, поднявъ глаза къ небу, воскликнули: «Боже Всесильный, ниспошли знаменіе Твоего всемогущества и истинности: сокруши храмъ сверженныхъ боговъ языческихъ». Съ этими словами они перекрестились и дунули на капище. И совершилось нѣчто удивительное. Идолы въ языческомъ храмѣ съ великимъ шумомъ пали съ своихъ мѣстъ и разсыпались въ мелкіе куски, а потомъ разрушился и самый храмъ до основанія. — «Вотъ твои всемогущіе, безсмертные боги, полюбуйся ими», сказали мученики Фортунатіану. Фортунатіанъ пришелъ въ бѣшенство и приказалъ всѣхъ тридцать шесть святыхъ мучениковъ обезглавить.

Послѣ этого приведены были Терентій, Африканъ, Максимъ и Помпій. — «Или жерівы богамъ, или смерть вамъ!» крикнулъ Фортуніанъ. — «Да вѣдь уже сказано, что мы христіане, отвѣтствовали праведники, и никакая сила не заставитъ насъ кланяться бездушнымъ идоламъ». Больше на этотъ разъ мучитель не предпринималъ ничего противъ святыхъ. Онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ заковать ихъ по рукамъ и ногамъ крѣпко-на-крѣпко желѣзными цѣпями, отвести опять въ темницу, и оставить безъ пищи. Вернувшись въ тюрьму, святые начали молиться. Въ полночь явился въ сіяніи ангелъ Господень, коснулся рукъ и ногъ мучениковъ — и кандалы спали. «Теперь подкрѣпите силы, сказалъ ангелъ узникамъ: и подалъ имъ чудесныя яства. Мученики утолили голодъ небесною пищею, и прославили Господа.

На утро Фортунатіану доложили, что въ темницу никто не входилъ, а между тѣмъ тамъ видѣлся какой-то необычайный свѣтъ и заключенные невидимою силою освобождены отъ оковъ. Изумился мучитель и не зналъ что дѣлать. Наконецъ созвалъ чародѣевъ и заклинателей змѣй и другихъ гадовъ, и приказалъ имъ впустить и тѣхъ и другихъ въ тюрьму къ узникамъ. Конечно областеначальникъ распорядился такъ въ надеждѣ, что змѣи и гады заѣдятъ мучениковъ. Но горько ошибся. Страдальцы остались цѣлы, потому что злыя животныя присмирѣли и только ползали и пресмыка-

лись у ногъ заключенныхъ святыхъ. Три дня и три ночи пробыли Терентій, Африканъ, Максимъ и Помпій съ звѣрями и гадами, и во все это время не переставали молиться и славословить Господа. На четвертую ночь областеначальникъ велѣлъ провѣдать, загублены ли узники. вмѣсто обезображенныхъ труповъ посланные увидѣли, что мученики живы и невредимы, и ангелъ посреди ихъ. Пришелъ въ ужасъ Фортунатіанъ, и, созвавъ заклинателей и чародѣевъ, велѣлъ имъ идти въ тюрьму, взять оттуда змѣй и прочихъ гадовъ, и привести заключенныхъ на судилище. Пришли заклинатели къ тюрьмѣ и стали вызывать змѣй и гадовъ. Но тѣ не слушались ихъ, какъ прежде. Заклинатели отперли темничныя двери. Едва ступили на порогъ тюрьмы, какъ всѣ змѣи и гады яростно устемились на своихъ бывшихъ хозяевъ, умертвили ихъ, и скрылись въ разныя стороны. Въ виду всего случившагося, Фортунатіанъ больше ничего не могъ придумать къ погубленію мучениковъ, какъ приговорить къ обезглавленію. Святые Терентій, Африканъ, Максимъ и Помпій радостно преклонились подъ мечъ, и приняли смерть, а вмѣстѣ съ нею, въ награду, и свѣтлыя вѣнцы мученическіе 10 апрѣля около 250 года по Р. Хр. Ихъ тѣла были съ честью потомъ погребены христіанами.

11-го Апрѣля.

Святой священномученикъ Антипа.

Въ числѣ учениковъ Іоанна Богослова († въ нач. II в.; память 26 сент., 8 мая, 30 іюня) былъ святой мужъ Антипа, епископъ города Пергама (въ Передней Азіи, нынѣ Бергама, на сѣверъ отъ города Смирны). Пергамцы отличались необыкновеннымъ зловѣріемъ и жестокостью, и творили пакости и притѣсненія небольшому числу христіанъ пергамскихъ. Святой Антипа, вступивъ въ управленіе пергаменскою паствою, явился вѣрнымъ и безбоязненнымъ защитникомъ своего духовнаго стада. Чуть пергамцы-язычники задумывали что либо недоброе противъ пергамцевъ-христіанъ,

святитель шелъ въ собраніе язычниковъ, обличалъ ихъ нечестіе, убѣждалъ оставить злоумышленія противъ христіанъ, и тѣмъ отводилъ отъ нихъ бѣду. Вмѣстѣ съ этимъ, непрестанною проповѣдью Слова Божія онъ умножилъ въ Пергамѣ Церковь Христову, обращая язычниковъ къ Свѣту истинной вѣры. Видя это, жрецы языческіе вознегодовали на святителя, приступили къ градоначальнику и говорили: «Доколѣ мы будемъ терпѣть отъ врага нашего Антипы? Чего ты медлишь, или ждешь, чтобы всѣ пергамцы обратились въ новую вѣру? Смотри, боги открыли намъ, что пока живъ христіанинъ Антипа, до тѣхъ поръ ни наши молитвы, ни наши жертвы имъ не нужны. Образумься, дабы милостивые боги, въ своемъ гнѣвѣ, не послали на всѣхъ насъ изъ-за Антипы наказанія». Устрашенный жрецами, градоначальникъ велѣлъ взять и привести къ нему Антипу. «Ты ли Антипа, спросилъ градоправитель святителя: совращающій вѣрныхъ подданныхъ Римскаго царства въ новую вѣру»?— «Я, отвѣтствовалъ Антипа; но я ничего дурнаго не дѣлаю, а напротивъ—обращаю пергамцевъ на путь Истины, привожу къ Свѣту, разсѣваю ихъ заблужденія. Подумай самъ, развѣ не заблужденіе: люди, созданные по образу и по подобію Божію, кланяются истуканамъ, ими же сдѣланнымъ, и признаютъ ихъ за всемогущихъ баговъ. Всемогущъ и вѣченъ Единъ только Творецъ, Владыка неба и земли, во Святой Троицѣ славимый. Онъ, премилосердый, по немѣрному человѣколюбію Своему, благоволилъ Единороднаго, Единосущнаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, послать въ міръ для спасенія рода человѣческаго отъ вѣчнаго грѣха и смерти. Іисусъ Христосъ принялъ на Себя грѣхи міра, пострадалъ крестною смертію, въ третій день воскресъ, и нынѣ пребываетъ одесную Бога Отца со единосущнымъ, нераздѣльнымъ и животворящимъ Святымъ Духомъ. Вотъ этой-то Святой Троицѣ, Свѣту Истинному, я и служу и ее проповѣдываю. Не знаю въ чемъ моя вина. Лучше человѣку пребывать въ свѣтѣ, чѣмъ во тьмѣ».

Но градоправитель не слушалъ мудрыхъ рѣчей Антипы, и, подстрекаемый жрецами, приказалъ силою вести его къ храму языческой богини охоты—Діаны. Близъ этого храма стоялъ громаднѣйшій, внутри пустой мѣдный волъ. Язычники раскалили этого вола, и бросили внутрь него святаго Антипу. Осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, свя-

щенномученикъ молился внутри раскаленнаго вола, благодарилъ Господа за вѣнецъ мученическій, и тихо, какъ бы заснувъ, предалъ духъ свой Богу 11 апрѣля 92 года по Рожд. Хр., въ царствованіе Римскаго царя Домиціана. Правовѣрные святые мощи мученика, выкупивъ у язычниковъ, съ почестями погребли въ Пергамѣ. Отъ мощей истекало миро и вѣрующіе получали исцѣленія отъ болѣзней.

Святой Варсонофій, епископъ Тверской.

Во дни царя и великаго князя всея Руси Василя III Іоанновича (1505—1533), именно въ 1512 г., крымскіе татары произвели набѣгъ на русскія области, сильно пожгли и поразорили по берегамъ Оки, и много захватили русскихъ людей въ полонъ. Въ числѣ полоненныхъ былъ и семнадцатилѣтній юноша Василій, сынъ серпуховскаго священника. Въ плѣну Василя отражали исполнять самыя тяжелыя работы. Юноша въ работахъ и въ неволѣ единственную отраду и утѣшеніе находилъ въ молитвѣ, богомыслии и пѣніи псалмовъ. Василій трудился, насколько хватало силъ и умѣнья, нелѣпно, былъ вротокъ и вполнѣ послушенъ своему господину. Господинъ любилъ Василя и облегчилъ его нѣсколько отъ трудовъ. Живя среди татаръ, Василій ныучился свободно говорить, читать и писать по-татарски, и основательно ознакомился съ магометанскою вѣрою. Богъ помогъ отцу Василя собраться съ силами, и онъ чрезъ три года выкупилъ сына изъ неволи.

Получивъ свободу, частію по врожденной склонности къ уединенію, частію же за три года рабства Василій совсѣмъ отвыкъ отъ свѣта и всѣхъ мірскихъ развлеченій. Онъ упросилъ отца дозволить уйдти въ монахи и постригся, въ Москвѣ, въ Андроніевскомъ монастырѣ, подъ именемъ Варсонофія. Потомъ назначенъ былъ къ Тверскому архіерею Акакію іеродіакономъ. Строгость жизни, непритворное благочестіе, постничество выдвинули Варсонофія среди тверскихъ монаховъ настолько, что въ 1544 г. митрополитъ Московскій Макарій (1543—1563) посвятилъ Варсонофія въ игумена Пѣшношскаго монастыря. Новопоставленный игумень скоро сдѣлался извѣстенъ самому царю Іоанну Васильевичу Грозному (1533—1584), который пожаловалъ обитель имѣніями.

Въ 1555 году, въ Казани, за три года предъ тѣмъ присоединенной къ Русскому царству, открыта была епархія. Игумень Варсонофій, какъ хорошо знавшій письменный и разговорный языкъ татарскій и свѣдущій въ вѣрѣ магометанской, былъ возведенъ въ архимандриты и посланъ въ Казань для учрежденія тамъ Спасо-Преображенскаго монастыря и управленія имъ. Архимандритъ Варсонофій въ Казани какъ нельзя болѣе оказался на мѣстѣ и полезнымъ. Во-первыхъ, дѣла обители онъ велъ столь мудро, что число братіи возросло до ста человѣкъ. Во-вторыхъ, подавая самъ всѣмъ примѣръ, жизнь монаховъ отличалась высокимъ благонравіемъ и благочестіемъ. Въ-третьихъ, знаніе татарскаго языка и магометанской вѣры принесло неисчислимую пользу и громадныя успѣхи въ дѣлѣ распространенія христіанства между казанскими татарами. Въ-четвертыхъ, святой Варсонофій какъ-то изучилъ врачебную науку, и лечилъ даромъ приходящихъ къ нему и христіанъ и магометанъ. Эта тѣлесная помощь влекла сердца больныхъ къ архимандриту Варсонофію. Онъ пользовался довѣріемъ къ себѣ и расположеніемъ больныхъ. Однихъ—христіанъ—утверждалъ въ истинахъ православія и благочестія; другихъ—магометанъ—цѣлилъ и духовно, обращая отъ заблужденій къ Свѣту истинной вѣры Христовой. Тогдашній Казанскій святитель, святой архіепископъ Гурій († 1563; пам. 20 іюня, 4 декабря и 4 октября) крѣпко полюбилъ архимандрида Варсонофія, и эту любовь, какъ ниже увидимъ, сохранилъ и по смерти.

Преподобный достигъ уже семидесяти двухлѣтняго возраста—времени, когда пора подумать о покоѣ. Между тѣмъ Господу угодно было, чтобы Варсонофій еще потрудился для пользы и на спасеніе православныхъ. Въ 1567 скончался Тверской епископъ Акакій. Болѣзненность и дряхлость епископа Акакія въ послѣднее время не позволяли ему вести дѣла Тверской епархіи съ надлежащимъ вниманіемъ. Они пришли въ запущеніе, и для приведенія въ порядокъ, требовалось, чтобы преемникомъ Акакія было лицо дѣятельное и свѣдущее. Выборъ палъ на архимандрита Варсонофія, который и посвященъ святымъ митрополитомъ Московскимъ Филиппомъ († 1569, 23 дек.; пам. 9 янв., 3 іюля 5 окт.) во епископа.

Строгий постникъ и молитвенникъ за себя и за другихъ, старецъ Варсонофій много потрудился для пользы и спасенія тверской паствы. Въ 1569 году святитель глубоко былъ потрясенъ мученическою кончиною митрополита Филиппа въ Тверскомъ Отрочевскомъ монастырѣ. Онъ почувствовалъ ослабленіе силъ. Не желая быть пастыремъ духовныхъ овецъ только по имени, святой Варсонофій, въ началѣ 1571 года, упросился на покой. Огбывъ изъ Твери въ Казань, въ Спасо-Преображенскій монастырь, Варсонофій оставался здѣсь до своей блаженной кончины. Онъ скончался 11 апрѣля 1576 года, на 86 году отъ рожденія. Нетлѣнные мощи Варсонофія обрѣтены были одновременно съ мощами святителя Гурія, въ 1596 г., въ царствованіе сына Іоанна Грознаго, благовѣрнаго Θεодора Ивановича (1584—1598). Отъ мощей Варсонофія и Гурія потекли исцѣленія. Замѣчателенъ при этомъ духовный союзъ между обоими угодниками Божиими: они подавали нуждающимся помощь непремѣнно вѣстѣ. Покойный архіепископъ Черниговскій Филаретъ, составитель описанія жизни русскихъ святыхъ, между прочимъ, приводитъ такой случай. Нѣкто дьякъ (чиновникъ) Патрикѣевъ, впавъ въ жестокий недугъ, началъ призывать на помощь святыхъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія. Забышись послѣ молитвы, Патрикѣевъ увидѣлъ себя въ Казанскомъ соборѣ, а въ немъ святителя Гурія. Патрикѣевъ бросился къ ногамъ Гурія, который поднялъ его и сказалъ: «Не печалься, выздоровѣешь; поди и попроси благословенія у друга моего Варсонофія». Съ этими словами Гурій повелъ Патрикѣева къ Варсонофію. «Братъ Варсонофій, промолвилъ Гурій, благослови Іоанна (такъ звался Патрикѣевъ) и избавь его отъ болѣзни». Варсонофій, благословляя Патрикѣева, произнесъ: «Не скорби, Іоаннъ, по вѣрѣ твоей въ Бога будешь здоровъ». Патрикѣевъ пробудился и почувствовалъ себя исцѣленнымъ.

12-го Апрѣля.

Преподобная Аѳанасія игуменья.

Въ девятомъ столѣтіи по Р. Хр., на одномъ изъ греческихъ острововъ Эгинѣ (на восточной сторонѣ Греціи, по срединѣ Эгинскаго

залива, на югъ отъ Саламина) жило благочестивое супружество Никита и Ирина, люди богатые и благородные. У нихъ была дочь Аѳанасія. Семи лѣтъ она уже знала хорошо грамоту и прилежала чтенію Священнаго Писанія. На Аѳанасіи видимо почивала Божія благодать. Разъ она сидѣла за ткацкимъ станкомъ, и вдругъ увидѣла необыкновенно свѣтозарную звѣзду. Звѣзда прямо спустилась на грудь Аѳанасіи. Послѣ этого событія у ней явилось непреодолимое желаніе уйдти въ монастырь. Но, покоряясь волѣ родительской, должна была выйдти за мужъ за военнаго. Въ этомъ супружествѣ Аѳанасія прожила только семнадцать дней. Арабы напали на островъ слѣдомъ послѣ свадьбы, и мужъ въ сраженіи съ ними былъ убитъ. Казалось, молодая вдова могла теперь исполнить свое желаніе постричься въ монахини. Но, увы, вышелъ императорскій указъ, которымъ повелѣвалось молодыхъ дѣвицъ и вдовъ — выдавать за молодыхъ же воиновъ. Во исполненіе воли царя Греческаго Михаила Заики (820—829), Аѳанасія вышла вторично за мужъ. Благодаря милости Божіей, мужъ оказался человѣкомъ весьма благочестивымъ. Аѳанасія высказала ему желаніе постричься въ монахини. Мужъ, любя Бога болѣе всего, не захотѣлъ препятствовать Аѳанасіи трудиться единственно во славу имени Господа. Онъ не только одобрилъ ея намѣреніе, но и самъ ушелъ въ монастырь, постригся, и скончался во благочестіи.

По удаленіи мужа въ монастырь, Аѳанасія употребила все состояніе на дѣла благотворенія. Постриглась и жилище свое обратила въ домъ молитвы. Къ ней собралось нѣсколько дѣвъ и женъ, давшихъ обѣтъ сохранять до конца жизни цѣломудріе и трудиться ради спасенія вѣчнаго. Спустя нѣкоторое время подруги Аѳанасіи упросили ее быть ихъ игуменьей. Аѳанасія согласилась, и въ управленіи общиною взяла за руководство слова Спасителя: «Кто хочетъ между вами быть большимъ, да будетъ вамъ рабомъ» (Матѣ. XX; ст. 26). Исполняя заповѣдь Господню, Аѳанасія показывала во всемъ сестрамъ примѣръ. Во-первыхъ, она ни отъ кого и ни въ чемъ не требовала себѣ услугъ, а все исполняла сама. Питалась однимъ хлѣбомъ и водою, и то подъ вечеръ. Масло постное и скоромное, рыбу, сыръ и вино вкушала только два раза: въ день Рождества и Свѣтлаго Воскресенія Христова. Во всѣ посты поддерживала себя овощами, и

то черезъ два дня. Носила суровую власяницу, спала на острыхъ каменьяхъ. Большую часть ночи проводила на молитвѣ и въ пѣніи псалмовъ. До плодовъ, послѣ постриженія, по самую смерть не до-
трогилась. Кротостью же и незлобіемъ отличалась выше всякой мѣ-
ры. Чрезъ четыре года Аѳанасія съ сестрами удалилась въ уединен-
ное мѣсто острова Егинны, и тамъ устроилась женская обитель. Молва о подвижничествѣ игуменьи далеко разошлась по окрестно-
стямъ, а потомъ и по всему острову. Въ обитель началъ стекаться
со всѣхъ сторонъ народъ за молитвами и благословеніями знамени-
той игуменьи. Однажды въ монастырь пришелъ человѣкъ больной
глазами, и просилъ Аѳанасію помолиться, дабы Богъ послалъ ему
исцѣленіе. Аѳанасія начала-было утѣшать страждущаго, совѣтуя быть
терпѣливымъ. Но больной настаивалъ на исцѣленіи. Сострадая къ
несчастному, Аѳанасія помолилась и, возложивъ руку на глаза
недужнаго, произнесла: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, исцѣ-
лившій слѣпаго отъ рожденія, да подастъ избавленіе и тебѣ». И
больной мгновенно выздоровѣлъ. Съ этой поры еще болѣе стало
являться народу въ монастырь. Приносили и приводили недужныхъ
всякаго рода и званія, и, по молитвѣ смиренной Аѳанасіи, всѣ получали
избавленіе отъ болѣзней. Благосостояніе монастыря упрочивалось
приношеніями жертвователей и исцѣленныхъ. Обитель украшалась
церквами и зданіями. Слава Аѳанасіи росла и распространялась, что
было крайне не по сердцу блаженной подвижницы. Она вознамѣрилась
скрыться отъ молвы людской. О своемъ намѣреніи она сообщила
двумъ приближеннымъ сестрамъ. Съ ними Аѳанасія тайкомъ от-
правились въ Константинополь, и поселилась, никѣмъ невѣдомая,
въ одномъ изъ женскихъ монастырей столицы Греческаго царства.
Святая думала окончить здѣсь дни свои въ полной неизвѣстности.
Но Господь судилъ иначе. И въ константинопольскомъ монастырѣ,
какъ нѣкогда на островѣ Егинѣ, Аѳанасія прославилась благодатнымъ
даромъ чудотвореній. Нуждающихся въ ея молитвахъ и помощи
оказалось много. Народъ стекался къ Аѳанасіи отовсюду. Послуш-
ная воля Божіей, преподобная никому не отказывала въ молитвахъ,
благословеніи и чудесной помощи, творимой благодатію Духа Свя-
таго. Тѣмъ не менѣе, скорбѣла, что не нашла здѣсь покоя и уеди-
ненія, которыхъ искала всею душою. Такъ прожила Аѳанасія въ

Константинополь около семи лѣтъ. Наконецъ монахини Егинскаго монастыря узнали случайно, что ихъ настоятельница обрѣтается въ столицѣ Греческаго царства. Обрадовалось онѣ и, по общему между собою уговору, послали въ Константинополь нѣсколькихъ сестеръ просить преподобную возвратиться на Егину. Тронутая любовью и мольбами сестеръ Егинской обители, Аѳанасія послѣдовала на островъ Егину. Радостно встрѣтили Аѳанасію сестры послѣ семи-лѣтей разлуки. Но радость ихъ была непродолжительна. Приблизилось время отшествія святой подвижницы ко Господу. Вскорѣ по возвращеніи на островъ, Аѳанасія разболѣлась предсмертнымъ недугомъ. За двадцать дней до блаженной кончины, она была предувѣдомлена свыше о смерти. Эти двадцать дней она провела безъ пищи и питія, въ непрестанной молитвѣ. Въ двадцатый день, наканунѣ Успенія Пресвятой Богородицы, Аѳанасія, простившись съ сестрами, уснула вѣчнымъ сномъ праведницы, 14 августа 860 года по Р. Хр., въ царствованіе Греческаго императора Михаила III (855—867).

Предъ кончиною Аѳанасія завѣщала кормить нищихъ въ продолженіи сорока дней. Девять дней сестры исполняли волю усопшей, а потомъ перестали. Мало того, сбившись со счету, въ надлежащій день не справили положеннаго уставомъ церковнымъ поминовенія Аѳанасіи, полагая, что сороковины должны наступить двумя днями позже. Въ вечеръ сороковаго дня явилась сестрамъ Аѳанасія съ двумя ангелами, и строго сказала: «Отчего вы не исполнили воли моей? Знайте, что поминовеніе по умершимъ, совершаемое въ церкви въ продолженіи сорока дней, и питаніе нищихъ много помогаетъ грѣшн мъ въ загробной жизни, а совершаемое за праведныхъ низводитъ благословеніе небесное на совершающихъ поминовеніе. Сказавъ это, Аѳанасія воткнула игуменскій посохъ въ землю, и стала невидимою. Посохъ этотъ на утро найденъ пустившимъ уже корни и вѣтви, покрытыя зелеными листьями.

Изъ приведеннаго выше о сорокоустѣ легко усмотрѣть, сколь предусмотрительна мудрая, святая и любвеобильная мать наша, православная Церковь. Службы и моленія не безцѣльны, а на пользу

тѣлесную и душевную дѣтей ея—вѣрующихъ. Между тѣмъ, сколько часто мы, по безпечности, а иногда по модѣ, пренебрегаемъ уставами церковными. Мало того, нѣкоторые еще осмѣливаются повторять, вмѣстѣ съ глупцами, что многія службы установлены единственно для доходовъ духовенства! Такія сужденія, во-первыхъ, клевета на ни въ чемъ неповинное духовенство, а во-вторыхъ преступленіе противъ заповѣди Божіей, повелѣвающей повиноваться уставамъ церковнымъ, властямъ Царскимъ, волѣ родительской. Но хуже всего, что это небреженіе установленіями церковными совершается многими безъ всякаго собственнаго разсужденія, съ чужаго голоса. Такимъ образомъ, иногда мы, въ угоду суетности и пустымъ невѣрующимъ болтунамъ, по легкомыслію отдаляемъ отъ себя спасеніе души.

Въ день годовщины кончины преподобной Аѳанасіи, два чело-вѣка пришли въ монастырь и привели съ собою бѣсноватую женщину. При открытіи гроба, тѣло преподобной оказалось нетлѣннымъ и источающимъ благоуханіе и миро. Бѣсноватая, при мощахъ, получила полное исцѣленіе. Въ виду нетлѣнія мощей и совершившагося чуда, положено было мощи не скрывать, но поставить поверхъ земли въ храмѣ.

Такова была преподобная Аѳанасія, прославленная Господомъ при жизни и по смерти.

13-го Апрѣля.

Святой священномученикъ Артемонъ, пресвитеръ Лаодикійскій.

Во исполненіе воли Римскаго императора, закоренѣлаго язычника Діоклитіана (284—305), гонителя христіанъ, въ нынѣшнюю Малую Азію, или Азіатскую Турцію посланъ былъ вельможа Патрикій. Римское правительство уполномочило его распоряжаться самовластно христіанами, т. е. обращающихся въ язычество награждать, а тѣхъ, которые сопротивляются приносить жертвы языческимъ богамъ, мучить и казнить безъ всякаго милосердія. Патрикій явился

въ городъ Лаодикію сирійскую (нынѣ турецк. гор. Латакіе, на берегу Средиземнаго моря). Въ ночь предъ его прибытіемъ въ Лаодикію случилось весьма непріятное и позорное для язычниковъ обстоятельство. Лаодикійскій епископъ Сисиній и пресвитеръ Артемонъ съ нѣкоторыми изъ христіанъ уничтожили идоловъ и сожгли храмъ богини охоты Діаны (Артемиды). Совершивъ это дѣло, ревнители правовѣрія ушли за-городъ, въ церковь, и здѣсь до утра молились. Конечно, язычники не умедлили доложить Патріію о сожженіи ихъ храма и сокрушеніи идоловъ. Чрезъ нѣсколько дней Патрікій принялся за выполненіе возложеннаго на него порученія, т. е. за обращеніе христіанъ въ язычество. И, разумѣется, прежде всего вспомнилъ о епископѣ Сисиніи и пресвитерѣ Артемонѣ. Заранѣе придумывая кровавыя расправы съ тѣмъ и другимъ, Патрікій поѣхалъ къ церкви, въ которой въ то время шло богослуженіе. Но Господу не угодно было, чтобы храмъ его осквернился язычникомъ. Не доѣзжая версты полторы до церкви, съ Патрікіемъ сдѣлалась лихорадка, а потомъ онъ весь разгорѣлся, и почувствовалъ такое разслабленіе и боли во всемъ тѣлѣ, что не могъ сидѣть на конѣ. Сопровождавшіе Патрікія уложили его на носилки и отнесли домой, въ городъ. Мучимый страшнымъ недугомъ и не получая никакой пользы отъ лекарствъ, Патрікій сказалъ бывшимъ при немъ: «Это Богъ христіанскій наказалъ меня. Ступайте къ епископу Сисинію, и попросите, чтобы онъ помолился своему Богу о моемъ выздоровленіи. Если я поправлюсь, то прикажу отлить золотое или серебряное Его изображеніе. Такъ и скажите епископу».—Когда передана была просьба Патрікія Сисинію, епископъ отвѣтилъ, что Господь не нуждается въ золотыхъ или серебряныхъ изображеніяхъ. Ему нужна вѣра. Если Патрікій увѣруетъ въ Истиннаго Бога, то будетъ здоровъ. — Доложили о словахъ Сисинія Патрікію, и тотъ обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ, лишь бы только получить облегченіе отъ болѣзни. Епископъ повѣрилъ обѣщанію Патрікія, помолился—и вельможа выздоровѣлъ; но съ выздоровленіемъ позабылъ объ обѣщаніи креститься. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того Патрікій поѣхалъ въ Кесарію Палестинскую (на берегу Средиземнаго моря, въ Палестинѣ, нынѣ развалины, близъ турецкаго городка Кайсаріэ). На пути туда Патрікій увидѣлъ пресвитера Артемона, идущаго съ

охоты. Онъ велъ двухъ оленей и шесть дикихъ ословъ. Патрикій удивило, что безоружный старичекъ священникъ ведетъ такихъ животныхъ, и при томъ несвязанныхъ. Патрикій велѣлъ остановить свою повозку, подозвалъ Артемона, и спросилъ, какъ онъ смогъ словить оленей и ословъ.—«Словомъ Христа моего уловилъ», отвѣтствовалъ преподобный.—«Такъ ты христіанинъ?», допытывался Патрикій.—«Да, христіанинъ»—былъ отвѣтъ. Патрикій приказалъ воинамъ связать Артемона и везти за собою въ Кесарію. Артемонъ не сопротивлялся. Обратясь къ оленямъ и осламъ, преподобный сказалъ: «Идите къ епископу Сисинію». Животныя, какъ самый послушный слуга, пошли по дорогѣ въ городъ Лаодицію. Войдя въ городъ, олени и ослы прямо направились къ церкви, и здѣсь остановились у ограды. Епископъ Сисиній, увидѣвъ животныхъ, спросилъ сторожа церковнаго кто ихъ привелъ. Разумѣется, сторожъ недоумѣвалъ и ничего не могъ сказать въ отвѣтъ епископу. Но вотъ, по соизволенію Божію, для Котораго нѣтъ ничего невозможнаго, одинъ изъ оленей проговорилъ человѣческимъ голосомъ: «Насъ прислалъ рабъ Божій Артемонъ, нынѣ захваченный Патрикіемъ и отведенный въ Кесарію». Удивился епископъ чуду, и началъ молиться Господу о ниспосланіи Артемону твердости духа и терпѣнія. Олени-же и ослы—пущены были въ епископскій садъ.

Между тѣмъ Патрикій съ связаннымъ Артемономъ прибылъ въ Кесарію. Чрезъ нѣсколько дней, присутствуя на городской площади на народныхъ играхъ, Патрикій приказалъ привести Артемона.—«Какъ тебя зовутъ?» спросилъ Патрикій. — «Артемонъ, рабъ Христа Бога моего», отвѣчалъ тотъ. — *Патрикій*. Такъ это ты поджегъ храмъ нашей всемилостивой богини Артемиды и сокрушилъ изображенія боговъ. И ты не побоялся гнѣва богини? Удивляюсь, какъ великая богиня милосердна, и до сихъ поръ тебя не наказала. *Артемонъ*. Если тебя, человѣка живаго, имѣющаго власть надъ моею жизнью и смертью, я не боюсь; то странно было-бы бояться такого бездушнаго идола, который не въ силахъ самъ себя защитить.—*Патрикій*. Не богохульствуй; пожалѣй свои сѣдины и принеси умиловительныя жертвы великимъ и всесильнымъ богамъ въ здѣшнемъ храмѣ. — *Артемонъ*. Шестнадцать лѣтъ я былъ чтецомъ, двадцать восемь дьякономъ и теперь тридцать три года

священствую, и служу Единому Богу Истинному. И нынѣ хочешь, чтобы я принесъ жертвы какимъ-то истуканамъ. Впрочемъ, ведите меня въ здѣшній храмъ. Испытаю тамъ какова сила вашихъ все-
 сильныхъ боговъ. — *Патрикій*. Здѣшній храмъ отличается отъ всѣхъ прочихъ храмовъ нѣкоторою особенностью. Туда не иначе можно войти какъ съ возженною молитвенною кадилою. Тамъ живутъ змѣи. — *Артемонъ*. Ничего. Попытаюсь войти въ храмъ и безъ кадила. Ну, а тамъ если окажется нужда, то пожалуй возьму и кадило. — Отправились Патрикій съ Артемономъ къ кесарійскому храму. Народъ во множествѣ сопровождалъ ихъ. Змѣи, или, вѣрнѣе сказать, злые духи подъ видомъ змѣй, почувавъ приближеніе святаго Артемона, заволновались, пришли въ великое смятеніе и начали громко и страшно шипѣть и свистать, такъ что стѣны храма восколебались. Патрикій и народъ пришли въ ужасъ. «Прикажи-же главному жрецу, обратился преподобный къ Патрикію, отворить двери храма». — Жрецъ, по имени Виталій, отперъ двери храма, и самъ въ великомъ страхѣ отбѣжалъ въ сторону. Артемонъ-же перекрестился и смѣло вошелъ въ храмъ. Змѣи сразу присмирѣли и стали неподвижны. Испросивъ у Бога небесной помощи, преподобный приказалъ змѣямъ выйти изъ храма вонъ и не вредить людямъ. Змѣи повиновались, какъ послушныя овцы. Патрикій и народъ, видя исходящихъ изъ храма змѣевъ, разбѣжались куда глаза глядятъ. — «Куда, куда вы бѣжите, чего боитесь?» воскликнулъ Артемонъ во слѣдъ убѣгавшимъ. «Посмотрите... змѣи, силою Бога моего сейчасъ станутъ мертвы». Съ этими словами святой дунулъ на чудовищъ, и тѣ издохли въ одно мгновеніе предъ его ногами. Виталій жрецъ, пораженный всемогуществомъ Бога христіанскаго, прославилъ Его и пожелалъ креститься. Патрикій-же — такъ сердце его загрубѣло и умъ помраченъ былъ языческими заблужденіями, — въ совершившемся чудѣ видѣлъ одно волшебство. Онъ отдалъ повелѣніе раскалить громадную, въ ростъ человѣческій сковороду, и на нее положить Артемона, колоть его раскаленными вилами, и рѣзать тѣло по частямъ. Въ то время какъ исполнители воли Патрікія все повелѣнное имъ продѣлывали надъ преподобнымъ, самъ мучитель насмѣхался надъ Артемономъ. «Гдѣ-же всемогущество Твоего Бога, говорилъ Патрикій: если Онъ всемогущъ, зачѣмъ-же

допускаетъ, чтобы тебя жгли и рѣзали? Вотъ теперь твоему Богу и показать-бы надъ тобою Свое всемогущество».—Слыша такое богохульство, Артемонъ возмущенъ духомъ и воскликнулъ, обративъ взоры на небо: «Господи, Іисусе Христе, прослави имя Твое всесвятое, посрами язычника, и дай мнѣ силъ вытерпѣть все до конца». Въ это мгновеніе прибѣжалъ изъ Лаодикіи тотъ самый олень, который извѣстилъ епископа о взятіи подъ стражу преподобнаго. Приблизясь къ мученику, олень сталъ лизать ему ноги. Потомъ, обратясь къ Патрикію, олень во всеуслышаніе человѣческимъ голосомъ произнесъ: «О, мучитель! У Бога ничего нѣтъ невозможнаго. Онъ властенъ и животнымъ сообщать даръ человѣческой рѣчи. Знай, что Артемонъ скоро будетъ свободенъ.—Ты же погибнешь лютою смертію, въ наказаніе за то, что, увѣровавъ въ Бога, во время болѣзни, отрекся отъ Него по исцѣленіи, и за мучительство сего праведника». Сердце злочестиваго Патрикія и тутъ не дрогнуло. Онъ оставался недоступнымъ къ пониманію совершавшихся на глазахъ его знаменій всемогущества Творца Небеснаго. Вмѣсто того, чтобы смириться, закоренѣлый язычникъ пуще прежняго озлобился, и велѣлъ застрѣлить оленя. Но олень отскочилъ въ сторону и пропалъ; пущенная-же стрѣла убила одного изъ приближенныхъ Патрикія. Посрамленный, онъ ушелъ домой, а священномученикъ Артемонъ отведенъ въ темницу.

На утро изготовили огромный котелъ, наполненный растопленною смолою. Патрикій намѣревался въ этотъ котелъ бросить стремглавъ Артемона. Отправляясь привести въ исполненіе безчеловѣчную казнь, Патрикій по дорогѣ былъ подхваченъ двумя орлоподобными ангелами, поднятъ на воздухъ, и съ высоты сброшенъ въ котелъ съ кипящею смолою. Мучитель сгорѣлъ въ смолѣ до единой косточки. Божья кара совершилась на глазахъ множества народа. Въ ужасѣ народъ и воины, приведшіе Артемона изъ темницы, разбѣжались. Остался на мѣстѣ казни одинъ лишь священномученикъ. Онъ началъ молиться Богу, и вдругъ изъ земли забилъ преизобильный ключъ воды. Въ этомъ чудесно изведенномъ ключѣ крестились жрецъ Виталій и множество народа.

Ночью святой пресвитеръ Артемонъ получилъ отъ Бога повелѣніе идти въ городъ Бальбуру (нынѣ Катаръ, на рѣкѣ Мен-

дерь-су, впадающей въ Средиземное море, въ Малой Азіи). «Здѣсь, указывалъ ему голосъ небесный, многихъ исцѣлишь отъ болѣзней, многіе чрезъ тебя обратятся ко Христу». Простившись съ епископомъ Кесарійскимъ, Артемонъ, не медля, отправился въ Бальбуру. На пути явился ангелъ и, мгновенно, по воздуху, перенесъ Артемона въ назначенный городъ. Обративъ множество жителей ко Христу, пресвитеръ Артемій былъ наконецъ схваченъ язычниками и обезглавленъ. Страдальческая кончина священномученика совершилась въ 303 году по Р. Хр.

14-го Апрѣля.

Святой исповѣдникъ Мартинъ, папа Римскій.

Нѣкогда Западная Римская церковь и Греко-восточная Церковь не имѣли между собою никакого различія. Вся разница состояла въ томъ лишь, что въ восточной Церкви четыре архіерея—Іерусалимскій, Константинопольскій, Александрійскій и Антиохійской—назывались, какъ и нынѣ, *патріархами*, а архіерей Римскій — *папою*. Въ ученіи и богослуженіяхъ тоже никакой разницы не было. Впослѣдствіи же времени Римскіе папы уклонились отъ православія. Изъ-за этихъ уклоненій произошло раздѣленіе христіанской вѣры на два вѣроисповѣданія: православное греко-восточное, и западно-римско-католическое. Всѣ восточные христіане — принадлежатъ къ православію; а западные — къ римско-католичеству. Окончательное отдѣленіе Римской церкви отъ православія восточнаго произошло въ одиннадцатомъ столѣтіи по Р. Хр. Нѣкоторые могутъ задать себѣ вопросъ: какъ же это православная Церковь чтитъ память Римскихъ папъ? На это спѣшимъ объяснить, что православная Церковь чествуетъ только тѣхъ Римскихъ папъ, которые благоугодили Господу еще до раздѣленія церквей, т. е. когда Римская церковь не клонялась отъ православія, и ничѣмъ отъ православія не разнилась въ таинствахъ, богослуженіи и обрядахъ.

Святой исповѣдникъ Мартинъ, папа Римскій, жилъ еще до раздѣленія церквей и былъ однимъ изъ поборниковъ и защитниковъ православія отъ различныхъ еретическихъ ученій. Святой Мартинъ управлялъ Римской православною Церковью съ 649 по 653 годъ по Р. Хр. Во дни его святительства царствовалъ Грегоримскій императоръ Констансъ II (641 — 668). При немъ Константинопольскимъ патріархомъ состоялъ Павелъ (641—654). И царь и патріархъ заражены были ересью, которая неправильно толковала о Сынѣ Божіемъ, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. И тотъ и другой требовали отъ христіанъ, чтобы они слѣдовали этому лжеученію, а отъ православія отступились. По поводу этого требованія между православными произошло немало замѣшательствъ. Христіане стойкіе въ православіи — терпѣли истязанія, ссылались въ заточеніе, приговаривались къ тяжкимъ работамъ, лишались чести. Вступивъ на папскій престолъ, блаженный Мартинъ думалъ утишить гоненіе на православныхъ, убѣдивъ царя Констанса и патріарха Павла отступить отъ ереси и обратиться къ православію. Съ этою цѣлію Мартинъ послалъ съ довѣренными лицами въ Константинополь письма къ царю и патріарху, въ которыхъ доказывалъ ихъ заблужденія, и умолялъ не гнать православныхъ и покаяться. Но ни царь, ни патріархъ не захотѣли слушать мудрыхъ совѣтовъ папы Мартина, и его посланцовъ отправили въ ссылку. Узнавъ о случившемся, святитель Римскій созвалъ подвластныхъ ему западныхъ епископовъ. Съ ними сообща обсудилъ и разсмотрѣлъ ученіе еретическое, нашелъ его зловреднымъ, и предалъ это ученіе проклятію. Послѣ сего во всѣ концы вселенной, ко всѣмъ архіереямъ разослалъ посланія, убѣждая ихъ держаться православія и не принимать еретическихъ лжемудрованій. Молва о дѣйствіяхъ Мартина достигла Константинополя. Констансъ и Павелъ распалились злобою на святѣйшаго папу и рѣшились наказать Мартина, какъ человѣка дерзкаго и непокорнаго. Для этого посланъ въ Римъ сановникъ Олимпъ, съ приказомъ взять Мартина и подъ стражей привезти въ Царьградъ. Олимпій прибылъ въ Римъ въ то время, когда бывшіе на совѣщаніи западные епископы еще не разѣхались по своимъ епархіямъ. Неловко показалось Олимпию на виду бывшихъ въ Римѣ архіереевъ брать подъ стражу первосвященителя Римской Церкви. Кромѣ того, онъ опасался какъ бы не по-

платиться и собственною головою за такое дѣло отъ римлянъ, которые знали, что вся злоба на святителя происходитъ отъ того, что папа Мартинъ вѣренъ православію. Поэтому, чтобы такъ или иначе отомстить Мартину за его нежеланіе присоединиться къ ереси, Олимпій подговорилъ одного негодя убить папу въ церкви, во время богослуженія. Злодѣй приблизился къ Мартину и готовъ былъ уже его поразить, какъ Господь ослѣпилъ убійцу. Такое чудо въ великой степени возвысило Мартина въ глазахъ православныхъ. Еретики смутились. Олимпій бѣжалъ на островъ Сицилію (на югѣ Италіи), и тамъ умеръ. Чтобы избавиться отъ непріятнаго и смѣлаго обвинителя, еретики пустили молву, будто папа Мартинъ измѣнилъ законному царю, сносится съ врагами отечества сарацинами (арабами), и приглашаетъ ихъ напасть на Греческое царство. Къ этой клеветѣ присоединили и другую, будто святой Мартинъ хулитъ Богородицу. По всѣмъ симъ обвиненіямъ, повсюду разглашеннымъ, злочестивый патріархъ Константинопольскій убѣдилъ царя, что такого опаснаго человѣка, для государства и Церкви, каковъ будто бы Мартинъ, держать на свободѣ грѣшно. Слабонравный царь согласился на уговоры лжепатріарха, и послалъ съ войскомъ воеводу взять папу Мартина и отправить въ ссылку. Воевода исполнилъ приказаніе въ точности. Схвативъ ночью святителя, онъ отвезъ его на островъ Наксію (одинъ изъ числа Цикладскихъ острововъ, на востокъ отъ нынѣшняго Греческаго королевства, въ Архипелагѣ). Здѣсь защитника православія Мартина помѣстили въ смрадную, тѣсную и мрачную тюрьму, и держали цѣлый годъ впроголодь. Сверхъ того, папу ежедневно оскорбляли насмѣшками и ругательствами. Святой несчастье свое несъ съ великимъ терпѣніемъ и смиреніемъ, радуясь, что Господь сподобилъ ему пострадать за всесвятое имя Его. Однакоже слабая природа человѣческая взяла свое: голодъ, лишенія во всемъ необходимомъ, дурное помѣщеніе разстроили здоровье первосвященителя. Онъ впалъ въ сильную болѣзнь, такъ что не могъ ни стоять, ни ходить.

Враги потѣшались надъ жертвою своей злобы. Въ глубокую осень немощнаго папу повезли въ Византію и тамъ же заключили подъ стражу. Пробывъ подъ стражей 93 дня, папу потребовали на судъ сенаторовъ (высшихъ чиновниковъ). Онъ не могъ самъ идти, и по-

тому его понесли на носилкахъ къ отвѣту. Сенаторы требовали, чтобы святитель давалъ отвѣты стоя передъ судомъ. — «Не могу», кротко отвѣтствовалъ Мартинъ. Жестокосердые чиновники, чтобы досадить папѣ, велѣли нѣсколькимъ прислужникамъ поднять его съ носилокъ, поставить на ноги, и поддерживать, чтобы онъ не упалъ во все время засѣданія нечестиваго суда. Явились лже-свидѣтели, которые поддерживали обвиненія противъ папы въ его измѣнѣ отечеству и хуленіи Богородицы. Оправданій отъ святаго никакихъ не принимали. Изнеможенный болѣзнью, оскорбленный и клеветою и жестокимъ обращеніемъ судей, папа наконецъ воскликнулъ къ судьямъ: «Окажите одну великую милость, приговорите скорѣе меня къ смертной казни!» Послѣ сего страдальца вывели на одну изъ городскихъ площадей, куда уже заранѣе собранъ былъ народъ. Здѣсь исповѣдника Божія поставили на возвышеніе, и прочли громогласно лживыя противъ него обвиненія. «Ты отступился отъ Бога, воскликнулъ одинъ изъ нечестивыхъ сенаторовъ, за то и Богъ отъ тебя отступаетъ». Съ этими словами злодѣй обратился къ народу и приказалъ кричать: «Анаѳема папѣ Мартину». Поднялся неистовый, тысячеголосый крикъ: «Анаѳема папѣ Мартину!» Затѣмъ святой Мартинъ, какъ великій преступникъ противъ государства и вѣры, приговоренъ былъ къ смертной казни—разсѣченію на части. Палачи схватили папу, сорвали одежду, на шею, ноги и руки возложили цѣпи, и поволокли по городу въ тюрьму, впредь до назначенія дня казни. Тюрьма находилась въ подземельи, куда спускались по каменной лѣстницѣ. Палачи не потрудились свести туда страдальца, а просто-на-просто столкнули. И святой скатился внизъ, ударяясь о каменные ступени. И въ смрадномъ подземельи, среди воровъ и убійцъ, не дали первосвятителю Римскому отдохнуть. Не болѣе какъ черезъ часъ святаго Мартина перенесли въ другую тюрьму, гдѣ онъ дрожалъ и костенѣлъ отъ страшнаго холода.—(Было зимнее уже время.) Святитель казалось сейчасъ кончится. Но надъ неповиннымъ ни въ чемъ архіереемъ Божиимъ сжалилась жена тюремнаго сторожа. Тайкомъ она пробралась къ нему, перенесла его въ свою комнату, положила на постель, перевязала раны и прикрыла теплыми одѣялами. Мартинъ не могъ двинуть ни рукой, ни ногой, и до самаго вечера лежалъ какъ пласть, еле-дыша. Услышалъ о бѣдствіяхъ папы

начальникъ евнуховъ (скопцовъ) царскихъ. Жалость къ страдальцу обуяла его душу. Онъ послалъ поздно вечеромъ со слугою Мартину кушанья. «Авось Господь дастъ, поправишься», утѣшалъ папу посланецъ. Но страдалецъ ничего уже не желалъ, какъ скорѣйшей смерти. О тяжкомъ, близкомъ къ смерти состояніи папы доведено было до свѣдѣнія лже-патріарха Павла, который самъ въ то время былъ сильно болѣнъ. Устыдился Павелъ своей жестокости и упросилъ царя облегчить участь первосвятителя Римскаго. Констансъ послалъ приближенныхъ къ папѣ, и велѣлъ сказать ему, что виною всѣхъ несчастій ни кто иной, какъ онъ самъ, Мартинъ. Святѣйшій папа ничего не отвѣтилъ на подобныя укоризны. Возведя очи къ небу, онъ только слабымъ голосомъ произнесъ: «Слава и благодареніе во всемъ Единому Безсмертному Царю-Богу». Приближенные царскіе уговаривали Мартина уступить царю и патріарху и признать толкованія ихъ объ Иисусѣ Христѣ правильными. «Никогда, никогда, чрезъ силу воскликнулъ святитель. Пусть меня изрубятъ въ куски,—я не соглашусь на признаніе ереси истиною!» О таковой непоколебимой твердости въ православіи донесено царю и лже-патріарху Павлу. Царь съ патріархомъ порѣшили отправить мужественнаго борца за православіе на вѣчную ссылку въ Херсонесъ Таврическій (въ нынѣшній Крымъ. Развалины Херсонеса—близъ Севастополя). Два года прожилъ угодникъ Божій въ Херсонесѣ, терпя во всемъ великую нужду, и скончался въ 655 году по Р. Х. Сначала исповѣдникъ Христовъ былъ погребенъ въ мѣстѣ заточенія, а потомъ мощи перенесены въ Константинополь, и наконецъ въ Римъ, гдѣ и донынѣ покоются.

Изъ жизни святителя и исповѣдника Христова Мартина и другихъ страдальцевъ за православіе, о которыхъ уже сказано выше, легко усмотрѣть, что царство Греческое обуревалось многими нестроеніями по винѣ правителей государства и Церкви. И какова же судьба этого царства, гдѣ оно?—Господь во гнѣвъ Своемъ праведномъ попустилъ ему подпасть подъ власть иноплеменниковъ—турокъ. Не то мы видимъ въ Россіи: съ самаго принятія православія святымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ и до нашихъ дней, русскіе великіе князья, благовѣрные цари и благочестивые императоры не уклонялись отъ православія. И Господь благословлялъ и благословляетъ

ихъ государстваніе и наше отечество. Россія, при всѣхъ приключавшихся невзгодахъ и иноплеменныхъ нашествіяхъ, не сгнбла, а розрослась въ громадное, необъятное царство. Возблагодаримъ же Господа, что находимся подъ державою Царей Православныхъ, Самодержавныхъ. Пока на Руси православіе и царить самодержавіе,—милость и благодать Божія съ нами, надъ нами и вокругъ насъ, и никакіе враги намъ не страшны. Православіе и самодержавіе суть краеугольный камень (основа) силы и несокрушимости Русскаго государства.

Святые мученики Антоній, Іоаннъ и Евстаѳій Виленскіе.

У великаго князя Литовскаго Ольгерда (1346—1376) было трое придворныхъ молодыхъ людей Нѣжило, Кумець и Круглець. Вступивъ на службу къ князю, они все трое крестились, и наречены были во святомъ крещеніи: Нѣжило — Антоніемъ, Кумець — Іоанномъ, а Круглець — Евстаѳіемъ. Хотя Ольгердъ и считался христіаниномъ, но въ душѣ былъ закоренѣлый язычникъ, и принялъ христіанство изъ разсчета, а не сознательно. Просто-на-просто, ему выходили женитьба на православной княжнѣ, за которою въ приданое давалось княжество Виленское. Ольгерду княжество это хотѣлось присоединить къ своимъ владѣніямъ. А какъ единственнымъ къ тому средствомъ являлась женитьба на христіанкѣ, то онъ наружно и принялъ христіанство, не переставая въ душѣ быть язычникомъ. По смерти своей супруги, Ольгердъ тотчасъ же сбросилъ личину, открыто сталъ исполнять всѣ языческіе обряды, и сдѣлался лютымъ врагомъ ученія Христова. Прознавъ, что Антоній и Іоаннъ христіане, Ольгердъ началъ склонять ихъ отречься отъ православія и принуждалъ ѣсть мясное въ постные дни. Когда молодые придворные не желали изъ свѣта обратиться въ тьму язычества,—они брошены были въ тюрьму, гдѣ и томилсь цѣлый годъ. Іоаннъ замалодушествовалъ и, чтобы получить свободу, просилъ доложить Ольгерду о своей готовности присоединиться къ языческой вѣрѣ. Обрадовался Ольгердъ, даровалъ Іоанну и Антонію сво-

боду и приблизилъ къ себѣ. Антоній отказался отъ Іоанна, ежечастно корилъ, и не желалъ имѣть съ нимъ никакого общенія. Іоаннъ исполнялъ всѣ обряды языческіе; Антоній же смѣло слѣдовалъ правиламъ православія. Случилось однажды такъ, что Антоній и Іоаннъ были приглашены къ столу княжескому въ постный день. Іоаннъ ѣлъ мясо, а Антоній отказался, за что снова отправленъ въ тюрьму. Антоній радовался своему заключенію во имя Христова; Іоаннъ же потерялъ душевный покой на свободѣ. И язычники и христіане къ Антонію относились съ уваженіемъ, а Іоанна презирали: христіане какъ отступника, язычники — какъ человѣка, который присоединился къ ихъ вѣрѣ страха ради. Раскаялся Іоаннъ въ своемъ отступничествѣ, и заявилъ великому князю, что онъ уже болѣе не язычникъ. Сначала Ольгердъ не обратилъ никакого вниманія на заявленіе Іоанна. Потомъ, когда переходъ его въ христіанство сталъ всѣмъ извѣстенъ, — Ольгердъ отнесся къ Іоанну со всею строгостью язычника. Сперва Іоанна безжалостно били палками, а потомъ, закованнаго въ цѣпи, отправили въ тюрьму, къ брату Антонію. Антоній радостно привѣтствовалъ возвратившагося на путь истины Іоанна, и причастился съ нимъ Святыхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ. Народъ во множествѣ сталъ собираться въ темницу и слушать проповѣдь братьевъ о Христѣ Спасителѣ. Это не понравилось языческимъ жрецамъ, которые опасались не столько перехода народа въ христіанство, сколько потери своихъ доходовъ и вліянія. Жрецы представили Ольгерду, что Антоній и Іоаннъ бунтуютъ народъ. Великій князь приказалъ отдать братьевъ во власть жрецовъ. Тѣ, вдоволь натѣшившись надъ исповѣдниками имени Христова, повѣсили Антонія на дубу 14 апрѣля 1347 года; а Іоанна оставили, въ надеждѣ, что онъ, какъ и прежде, отречется отъ христіанства. Но, слава Богу, язычники на этотъ разъ жестоко ошиблись. Іоаннъ, не смотря ни на какіе уговоры, застращиванія, истязанія, остался непреклоненъ. Обозлились язычники, и 24 апрѣля сперва удушили Іоанна, а потомъ бездыханное тѣло его повѣсили, на томъ же дубу, гдѣ пріялъ вѣнецъ мученическій Антоній.

Дошла очередь и до Круглеца, или въ православіи Евстаѳія. Онъ приходился родственникомъ пострадавшимъ. Видя Евстаѳія съ отрощенными волосами, что у язычниковъ литовскихъ не было въ обы-

чаѣ, великій князь спросилъ,—не христіанинъ-ли онъ. Круглецъ сознался, что онъ уже крещенъ. Все-таки Ольгердъ, думая, что юноша не Богъ знаетъ какъ крѣпокъ въ христіанствѣ, приказалъ ему ѣсть скоромную пищу.—«Не могу, воспротивился Евстаѳій, теперь у насъ, христіанъ, Рождественскій постъ». Князь разгнѣвался и отдалъ приказъ лить въ ротъ Евстаѳію ледяную воду. Хоть отъ такой пытки у мученика остановилось дыханіе и посинѣло тѣло, но онъ ни за что не соглашался ѣсть мяснаго. Въ изступленіи Ольгердъ велѣлъ Евстаѳію обрѣзать носъ и уши, переломать ноги и ребра, и содрать кожу съ головы. Три дня оставался живъ послѣ этихъ мученій юный страдалецъ, и не обнаружилъ ни единого стона. Напротивъ, когда нѣкоторые изъ христіанъ, глядя на него, плакали, онъ утѣшалъ ихъ, говоря: «Утѣшьте; напрасны ваши слезы. Я покидаю жизнь временную для жизни вѣчной». Потомъ, язычники повѣсили Евстаѳія, 13 декабря, на тотъ же дубъ, гдѣ принялъ смерть и святой Антоній. Всѣ трое—Антоній, Іоаннъ и Евстаѳій пострадали въ нынѣшнемъ городѣ Вильнѣ, нѣкогда входившемъ въ составъ великаго княжества Литовскаго. Чествованіе памяти виленскихъ мучениковъ установлено въ 1364 г., во дни великаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича Донскаго (1362—1389), при митрополитѣ святомъ Алексіи чудотворцѣ (см. Февраль). Мощи мучениковъ покоются въ Вильнѣ. Замѣчательна судьба самаго великаго князя Ольгерда. Принялъ онъ православіе не по влеченію сердца, а какъ выше сказано—изъ корыстныхъ расчетовъ. Достигнувъ желаемого, послѣ смерти своей супруги, явно перешелъ въ язычество и содѣлался гонителемъ христіанства. Но подъ конецъ жизни не только опять присоединился къ православію, но и постригся въ иночество, и погребенъ въ имъ же построенной церкви въ честь пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

15-го Апрѣля.

Святые апостолы изъ семидесяти Аристархъ, Пудъ и Трофимъ.

Всѣ трое апостоловъ—Аристархъ, Пудъ и Трофимъ—жили во дни апостола Павла († 67 г. по Р. Хр., пам. 29 іюня) и обезглавлены въ Римѣ, по повелѣнію Римскаго царя, жестокосердаго Нерона (54—68). Они упоминаются въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и посланіяхъ апостола Павла. Святый Аристархъ епископствовалъ въ Апамеѣ Сирійской (въ Азіатской Турціи, на р. Оронтѣ, впадающей въ Средиземное морѣ). Нынѣ Апамеи не существуетъ, а близъ ея развалины мѣстечко Калаатъ-эль-Медикъ, въ юго-западной части Малой Азіи. Святый Пудъ носилъ званіе сенатора. Его домъ былъ обращенъ въ церковь, гдѣ отправлялъ Богослуженіе апостолъ Петръ († 67; 29 іюня) Святый же Трофимъ съ Пудомъ и Аристархомъ раздѣлялъ страданія святаго апостола Павла.

Благовѣрный великій князь Мстиславъ Владиміровичъ.

Въ 1125 году скончался великій князь Кіевскій Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, славный, какъ говорятъ о немъ лѣтописцы, «побѣдами за Русскую землю и благими нравами». Онъ оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей. Изъ нихъ княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ—въ Туровѣ, Андрей во Владимірѣ и Георгій въ Суздалѣ. Пятый же сынъ, Мстиславъ, княжившій въ Новѣгородѣ, занялъ великокняжескій престолъ въ Кіевѣ. Получивъ прекрасное воспитаніе въ духѣ православія и благочестія, Мстиславъ до конца жизни, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, руководился страхомъ Божіимъ и любовью къ человѣчеству, которые согласно, дошедшему до насъ, поученію его знаменитаго отца, есть основаніе добродѣтели. «Не забывайте бѣдныхъ; будьте отцами сиротъ; не давайте сильнымъ губить слабыхъ, говорится въ сказанномъ поученіи Владиміра Мономаха. Не

призывайте все имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Не оставляйте больныхъ. Принимайте съ любовію благословеніе духовныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: мы тлѣнны. Бойтесь всякой лжи. На войнѣ будьте дѣтельны. Лѣность мать пороковъ, берегитесь ея. Въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей, читайте наизустъ молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: «Господи помилуй». Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ. Дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ; но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе человеческого». Такъ поучалъ Владиміръ Мономахъ своихъ дѣтей. Благочестивый великій князь Мстиславъ Владиміровичъ, преемникъ власти мудраго своего отца, не только сохранилъ въ сердцѣ эти простыя, но полныя святой истины слова, но и неуклонно старался ихъ выполнить въ теченіи всей своей жизни. Подобно родителю своему, Мстиславъ былъ мужественъ, добродѣтеленъ и имѣлъ «ревностную любовь къ общему благу».

Назначенный, по двѣнадцатому году отъ рожденія, на Новгородское княженіе, Мстиславъ рано выказалъ необыкновенное мужество и величіе въ борьбѣ съ Черниговскимъ княземъ Олегомъ. Это случилось еще при великомъ князѣ Святополкѣ (1093—1112), когда отецъ Мстислава, Владиміръ, былъ удѣльнымъ княземъ Переяславскимъ. Половцы, народъ дикій, свирѣпый, кочевой, въ тѣ времена часто дѣлали набѣги на Русскую землю и вносили въ нее разореніе. Нѣкоторые русскіе князья согласились дать отпоръ половцамъ. И Олегъ Черниговскій далъ слово также идти на половцевъ, но измѣнилъ ему. Великій князь Святополкъ и Владиміръ Переяславскій одержали побѣду надъ половцами и безъ Олега. Вѣроломство Олега послужило поводомъ къ различнымъ замѣшательствамъ. Чтобы прекратить эти замѣшательства, великій князь Святополкъ требовалъ Олега въ Кіевъ на съѣздъ княжескій. Князь Черниговскій не повиновался. «Когда такъ, послали сказать Святополкъ и Владиміръ Переяславскій Олегу, когда ты не хочешь воевать съ врагами земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями,

то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Богъ да судить между нами». Послѣ сего Черниговъ былъ отнятъ у Олега. Олегъ, стѣсненный отовсюду, поклялся пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, но не исполнилъ, а пошелъ на Муромскаго князя Изяслава, сына Владиміра и брата благовѣрнаго Мстислава Владиміровича. Изяславъ былъ убитъ въ сраженіи, войско его разбѣжалось, и Олегъ завладѣлъ Муромомъ, Ростовомъ и Суздалемъ. Похоронивъ Изяслава въ Софійскомъ соборѣ, Мстиславъ послалъ сказать Олегу: «Ты убилъ брата: но въ ратяхъ гибнуть цари и храбрецы. Удовольствуйся наслѣдственнымъ городомъ, выйди изъ Ростова и Мурома, и я упрошу отца моего (Владиміра Переяславскаго) примириться съ тобою». Но Олегъ и слушать не хотѣлъ, а собирался взять самый Новгородъ. Новгородцы, любя своего юнаго князя, послали противъ Олега войско, и безпокойный Олегъ былъ разбитъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской губерніи). Послѣ этого Олегъ не могъ держаться ни въ Ростовѣ, ни въ Суздалѣ. Въ злобѣ онъ выжегъ этотъ городъ и скрылся въ Муромѣ. Великодушный Мстиславъ, жалѣя своего врага, сталъ уговаривать Олега не проливать еще крови христіанской и помириться, и, въ то же время, ходатайствовалъ у своего отца, Владиміра, простить Олега. Владиміръ склонился на убѣжденія Мстислава и написалъ Олегу письмо, уговаривая его къ миру. «Пишу тебѣ, говорилось въ письмѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ (Мстиславъ Олегу приходился крестникомъ и племянникомъ), который молить меня оставить злобу для блага Русской земли, и предать смерть его брата на судъ Божій. Сей юноша устыдвлъ отца своимъ великодушіемъ». Вѣроломный Олегъ притворно согласился примириться съ великодушнымъ Мстиславомъ. Довѣрчивый князь Новгородскій, не подозревая обмана, распустилъ рать, какъ вдругъ получилъ вѣсть, что Олегъ приближается къ Суздалю съ войсками. Противъ воли, Мстиславъ Владиміровичъ долженъ былъ защищаться. Быстро онъ собралъ рать и вступилъ съ Олегомъ въ битву. Олегъ былъ разбитъ и въ отчаяніи бѣжалъ, не зная куда преклонить головы. Но честный, человѣколюбивый и благочестивый Мстиславъ и на этотъ разъ оказалъ своему кровному врагу великодушіе и милость. Князь Новгородскій послалъ сказать Олегу, чтобы онъ не отчаявался. «Святополкъ (великій князь Кіевскій) и Владиміръ (отецъ Мстислава) не

лишатъ тебя земли Русской, говорилъ Мстиславъ, я буду хлопотать за тебя. Оставайся и властвуй въ своемъ княженіи: только смирись». И дѣйствительно Мстиславъ Владиміровичъ сдержалъ слово, вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ, и успѣлъ примирить Олега съ отцомъ и великимъ княземъ Святполкомъ. У новгородцевъ, отличавшихся, какъ извѣстно, непостоянствомъ и своеволіемъ, Мстиславъ пользовался необыкновенною любовью. Однажды, на общемъ совѣщаніи, князя порѣшили было дать Мстиславу иное назначеніе, а въ Новгородъ посадить другаго князя. Новгородцы, прознавъ про то, отвѣчали: «Если у кого двѣ головы, пусть къ намъ идетъ. Намъ нуженъ Мстиславъ». Такъ Мстислава отъ себя и не отпустили.

Хотя княженіе благовѣрнаго Мстислава было и непродолжительное, однакоже много онъ сдѣлалъ добра для тогдашней Руси. При самомъ вступленіи на престолъ великокняжескій не сладко было Мстиславу. Свирѣпые половцы, узнавъ о смерти Владиміра Мономаха, отца новоизбраннаго великаго князя, поднялись на Русь, но, по милости Божіей, были поражены наголову братомъ Мстислава, Ярополкомъ Переяславскимъ. Второю великою бѣдою въ княженіе Мстислава явился страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, въ особенности въ Новгородской. Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою и мохомъ. Въ Новгородѣ сдѣлался моръ, и городъ опустѣлъ. Понятное дѣло, такое бѣдствіе со стороны челоуѣколюбиваго великаго князя потребовало, для его уврачеванія, не мало жертвъ и заботъ. Наконецъ великимъ подвигомъ для блага Руси былъ со стороны благовѣрнаго князя Мстислава такой разгромъ половцевъ, что они, загнанные за Волгу, уже не смѣли болѣе беспокоить русскихъ областей. Ради же успокоенія Россіи, Мстиславъ Владиміровичъ долженъ былъ, при всемъ миролюбіи, строго покарать князей Полоцкихъ: онъ выславъ ихъ въ Грецію.

Среди заботъ по управленію Русью, умиротворенію вражды между удѣльными князьями и военными дѣлами, великій князь Мстиславъ всею душою былъ преданъ Богу. Строго исполняя обязанности христіанина, онъ любилъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Такъ, еще во дни своего новгородскаго княженія, онъ заложилъ близъ Новаго-

рода каменный Благовѣщенскій храмъ, богато его изукрасилъ и поручилъ написать для него знаменитое евангеліе, богато украшенное окладомъ греческой работы.

Послѣ похода въ Чудь (въ Прибалтійскій край, на эстонцевъ) въ 1113 году, благовѣрный князь заложилъ въ Новѣгородѣ же, храмъ на княжемъ дворѣ, во имя святителя Николая († 343 г., пам. 6 дек. и 9 мая), въ память своего чудеснаго исцѣленія отъ болѣзни. Одержимый недугомъ, Мстиславъ усердно просилъ помощи Чудотворца Николая. Великій святитель, являсь князю, повелѣлъ послать въ Кіевъ за своею иконою, указавъ при этомъ видъ и размѣры ея. Мстиславъ Владиміровичъ тотчасъ же исполнилъ повелѣнное. Но посланцы на озерѣ Ильменѣ застигнуты были бурей, и три дня сидѣли на островѣ Липномъ. На четвертый они увидѣли плавающею на водѣ икону угодника Божія Николая именно того вида и размѣровъ, какіе указалъ Чудотворецъ. По принесеніи чудесно пріобрѣтенной иконы Николая Чудотворца, больной Мстиславъ облобызалъ ее—и получилъ исцѣленіе. Въ 1128 г. имъ построено нынѣ уже не существующій монастырь въ Кіевѣ въ честь великомученика Θεодора Тирона († 306; пам. 17 февраля и въ 1 суб. велик. поста), въ воспоминаніе побѣды надъ непокойнымъ княземъ Олегомъ. Затѣмъ близъ Кіева въ мѣстности, именуемой Пироговкой, въ 1131 г. благовѣрнымъ великимъ княземъ построено храмъ въ честь Пресвятыя Богородицы.

Мстиславъ Владиміровичъ былъ столь любимъ и уважаемъ за свою мудрость, доблести военныя, миротворство, благочестіе, любовь къ правдѣ, милосердіе къ ближнимъ, что еще современники почитали благовѣрнаго праведникомъ и надѣялись на его молитву.

Святой великій князь Мстиславъ скончался въ 1132 году 15 апрѣля, на 52 году отъ рожденія, и получилъ прозваніе «Великаго».

16-го Апрѣля.

Святыя мученицы, дѣвы Агація, Хіонія и Ирина.

Близъ нынѣшняго австровенгерскаго городка Аквилеи (въ Истріи, на западѣ отъ города Триеста, неподалеку отъ Адриатическаго

моря), въ царствованіе Римскаго императора Діоклитіана (284—305), жили три красивыя дѣвицы, сестры Агапія, Хіонія и Ирина. Онѣ были христіанки, благочестивы и высокой нравственности. Сосѣду ихъ, праведному священнику Зоилу, въ сонномъ видѣніи было открыто, что онъ черезъ девять дней по извѣщеніи, преставится, а живущія близъ него дѣвы Агапія, Хіонія и Ирина будутъ взяты подъ стражу язычниками. Вскорѣ послѣ видѣнія Зоилу, прибыла раба Господня Анастасія Узорѣшительница (304 г.; пам. 22 декабря), по повелѣнію свыше, и просила указать гдѣ живутъ три блаженные сестры. Зоиль отвелъ Анастасію къ дѣвамъ. Анастасія провела съ ними всю ночь въ душеспасительной бесѣдѣ, убѣждая Агапію съ сестрами не бояться временныхъ мукъ, и надѣяться на помощь небесную, которая облегчитъ ихъ страданія. Наутро Анастасія возвратилась въ Аквилею, а благочестивыя дѣвы стали постомъ и молитвою готовиться къ страдальческому подвигу. Дѣйствительно, чрезъ девять дней послѣ видѣнія, праведный священникъ Зоиль скончался, а Агапія съ сестрами взяты подъ стражу язычниками.

Святыхъ дѣвъ привели къ самому зловѣрному Діоклитіану. «Вы такъ молоды и красивы, сказалъ онъ приведеннымъ, только бы жить и наслаждаться радостями; а вы, словно помѣшанныя, ищите смерти. Отрекийтесь отъ христіанства, принесите жертвы нашимъ богамъ. И я самъ за то высватаю знатныхъ жениховъ, достойныхъ вашей красоты».—«Твое дѣло, государь, возразила старшая сестра Агапія, заниматься болѣе важными дѣлами по управленію царствомъ. Въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ требуется много мудрости. Эту мудрость можетъ тебѣ дать только Отецъ нашъ Небесный, во Святой Троицѣ славимый,—Предвѣчный Творецъ. А ты отвращаешься самъ отъ Него, да и другихъ заставляешь тоже дѣлать».—«Ты вѣрно сумасшедшая, и потому съ тобою нечего толковать», сказалъ Діоклитіанъ, и обратился къ Хіоніи, требуя, чтобы та поклонилась и принесла жертвы языческимъ богамъ. Вмѣсто исполненія воли Діоклитіана, Хіонія начала обличать его заблужденія. Отвернулся отъ нея закоренѣлый язычникъ, и подозвалъ младшую сестру, Ирину.—«Ну, ужъ ты вѣроятно не такъ глупа, какъ твои сестры, и не станешь повторять ихъ бредней о какомъ-то Единомъ Богѣ. Ты, конечно, воздашь честь милостивымъ богамъ», сказалъ Діоклитіанъ.—«И не подумаю

отвѣтствовала юная Ирина. Я повторю то же самое, что и мои сестры, и отъ Господа моего не отступлюсь». Трехъ сестеръ велѣно отправить въ темницу.

Вскорѣ послѣ того царю необходимо было отправиться въ Македонію (нынѣ область Турецкой имперіи, на Балканскомъ полуостровѣ). За нимъ туда же повели и всѣхъ аквилейскихъ узниковъ христіанъ. Прибывъ въ Македонію, Діоклитіанъ отдалъ христіанъ во власть областеначальника Дуклитія. Когда къ суду областеначальника вызваны были Агапія съ сестрами, Дуклитій, взглянувъ на красивыхъ дѣвъ, замыслилъ погубить ихъ нравственную чистоту. Не спрашивая, онъ велѣлъ отвести святыхъ дѣвъ въ особое помѣщеніе, наказавъ приставнику стараться уговорить ихъ на грѣхъ. Помѣщеніе, куда отведены Агапія съ сестрами, были по сосѣдству съ поварней. Запертыя, блаженныя дѣвы проводили время въ молитвахъ и пѣніи псалмовъ.—Разжигаемый грѣховными помыслами, Дуклитій, едва дождался ночи, отправился къ мѣсту заключенія молодыхъ христіанокъ. Господь не допустилъ совершиться грѣху и посрамилъ развратника. Едва областеначальникъ вступилъ въ поварню, чрезъ которую необходимо было пройти, чтобы достичь помѣщенія, гдѣ содержались три сестры, какъ тотчасъ же пришелъ въ какое-то помѣшательство. Увидѣвъ на поварнѣ котлы, Дулкицію представилась, что онъ видитъ Агапію съ сестрами. Въ странномъ умоизступленіи, онъ бросился обнимать, ласкать и цѣловать котлы, корчаги, сковороды, думая, что обнимаетъ, цѣлуетъ и ласкаетъ трехъ дѣвъ. Лицо, руки, одежду Дуклитій, понятно, перепачкалъ сажею, цѣлуя и милуя закопченные котлы и корчаги. Въ такимъ смѣшномъ видѣ, думая, что удовлетворилъ свою грѣховную страсть, областеначальникъ вышелъ съ поварни. Слуги, его поджидавшіе у дверей поварни, видя своего господина почернѣвшимъ какъ арабъ, испугались и пустились бѣжать. Пришлось Дулкицію возвращаться одному домой. Уже наступило утро. Гдѣ ни проходилъ областеначальникъ, повсюду то слышался хохотъ и насмѣшки, то всѣ разбѣжались при видѣ его. Не зная въ чемъ дѣло, Дуклитій злобился и направился-было къ палатамъ царскимъ, пожаловаться императору на насмѣшки солдатъ и слугъ. Дулкитія дворцовые служители, не узнавъ, не пустили, а съ побоями выгнали. Слуги областеначальника

издалека слѣдившіе за своимъ господиномъ, убѣдившись, что Дуклитій сошелъ съ ума, подхватили и силою отвели домой, къ женѣ. Здѣсь только, когда жена подала Дуклитію зеркало, сознаніе вернулось къ нему, и онъ понялъ, какъ осрамилъ себя. Приписывая весь позоръ волшебству заключенныхъ дѣвъ, областеначальникъ рѣшился жестоко отомстить своимъ мнимымъ врагамъ. Вымылся и переодѣлся Дуклитій, и велѣлъ призвести предъ себя Агапію, Хіонію и Ирину. Привели.—На судилищѣ присутствовало много народу. «Раздѣсь ихъ донага!» крикнулъ областеначальникъ. Прислужники приступили къ дѣвамъ. Какъ ни старались, но не могли спяты одѣяній съ Агапіи и ея сестеръ: по волѣ Божіей, одѣянія не отдѣлялись и приросли къ ихъ тѣламъ. Пока все это творилось, самъ Дуклитій впалъ въ необычайный сонъ. Никакія усилія человѣческія не могли его разбудить. И онъ былъ, какъ мертвецъ, отнесенъ домой, гдѣ и проснулся мгновенно.

Узналъ Діоклитіанъ о случившемся съ Дуклитіемъ, насмѣялся надъ нимъ, и передалъ святыхъ дѣвъ въ распоряженіе другому савоннику Сисинію. Этотъ послѣдній, не успѣвъ ни въ чемъ, велѣлъ юную Ирину отвести въ темницу, а Агапію и Хіонію сжечь, какъ ослушницъ и поносительницъ римскихъ боговъ. Двѣ сестры радостно выслушали смертный приговоръ и съ молитвою на устахъ взошли на костеръ. «Господи, прими духъ нашъ съ миромъ!» воскликнули онѣ, и мгновенно скончались. Огонь однакоже не коснулся мученицъ, и самая одежда ихъ осталось цѣла. Тѣла Агапіи и Хіоніи были погребены святою Анастасією.

Черезъ два дня Сисиній позвалъ на судъ Ирину. «Поклонись и принеси жертвы богамъ», сказалъ мучитель.—«Никогда», отвѣчала смѣло Ирина. Какъ ни бился, чѣмъ ни стращалъ Сисиній святую, та осталась непреклонной. Озлобленный язычникъ ничего болѣе не при думалъ, какъ приказалъ отвести Ирину въ домъ разврата. Солдаты схватили мученицу и повели. Дорогою ихъ нагнали два воина, видные и красивые собою. «Ведите за нами эту дѣву, сказали они: такъ приказалъ Сисиній». Солдаты не смѣли ослушаться. Два красивые воина вышли съ Ириною за городъ и поставили ее на вершину высокаго холма. «Теперь ступайте, приказали воины солдатамъ, и доложите вашему начальнику, что приказаніе его

исполнено». Солдаты ушли, а красивые воины стали невидимы, потому что это были ангелы. Ирина осталась на вершинѣ холма, и возблагодарила Господа, избавившаго ее отъ надруганія. Удивился Сисиній, когда солдаты доложили ему о случившемся. Вскочивъ на коня, онъ тотчасъ отправился, въ сопровожденіи воинскаго отряда, къ холму, гдѣ пребывала святая дѣва. Увидѣлъ ее Сисиній и устремился взобраться на холмъ, но не могъ. Съ какой стороны ни вздумаетъ подняться, — нельзя: холмъ кажется ему окруженнымъ высокою стѣною. До поздняго вечера колесилъ мучитель вокругъ холма, и все напрасно. Озлобился онъ и утомился. Тогда нѣкоторые изъ провождавшихъ Сисинія выстрѣлили въ Ирину. Нѣсколько стрѣлъ впились въ тѣло мученицы. «Постыдись, воскликнула Ирина, обращаясь къ Сисинію, на меня, беззащитную, ты пришелъ съ цѣлымъ отрядомъ. Но всѣ замыслы твои обратились въ прахъ. Я отхожу къ Господу моему Іисусу Христу чистою не оскверненною. Слава тебѣ, Создателю мой!» И съ этими словами юная страдалица опустилась на землю, и скончалась въ великую пятницу, 16 апрѣля 304 года по Р. Хр. Съ наступленіемъ ночи блаженная Анастасія послала слугъ своихъ взять тѣло Ирины, и погребла его вмѣстѣ съ тѣлами Агапіи и Хіоніи.

Преподобная княгиня Θεодора.

Люди благородные, съ душою возвышенною, истинно благочестивые и нравственные, какъ бы высоко судьба ихъ ни вознесла, никогда не забудутся. Ни богатства, ни почести имъ не вскружатъ головы. Они всегда помнятъ, что всѣмъ своимъ величіемъ обязаны единому Богу всемогущему; о Немъ памятують они на всѣхъ ступеняхъ жизни, и въ служеніи Ему Единому ищутъ истиннаго блага для своей души. Яркимъ примѣромъ тому можетъ служить преподобная княгиня Θεодора. Дочь тверскаго боярина — кіевскаго уроженца Ивана Кіасовскаго, въ мѣрѣ Васса, родилась въ Твери въ 1331 году, во дни великаго князя Московскаго Іоанна Даниловича Калиты (1328—1340). Воспитанная въ благочестіи и обученная грамотѣ, Васса любила душеспасительное чтеніе и предполагала уйдти въ монастырь. Но юная боярышня приглянулась благочестивому князю Нижегород-

своему Андрею Константиновичу, и была за него выдана въ замужество, въ весьма раннемъ возрастѣ. Поднятая судьбою такъ высоко, княгиня Васса не увлеклась ни почестями, ни богатствомъ: подъ дорогими одеждами жила строгою постницею и носила власяницу. Проживъ тринадцать лѣтъ съ набожнымъ супругомъ, скончавшимся въ постриженіи, Васса вдовствовала около четырехъ лѣтъ. Затѣмъ она удалилась въ основанный ею, еще при мужѣ, Зачатьевскій монастырь, на волжскомъ берегу, внизу нижегородскаго кремля. Всѣ богатства и имѣнія княгиня Васса раздала бѣднымъ, сиротамъ и страждущимъ. Постриженная преподобнымъ Діонисіемъ, въ послѣдствіи архіепископомъ Суздальскомъ († 1384 г., пам. 15 окт. и 26 іюня), блаженная Теодора, (такъ наречена она въ монашествѣ), поставлена была потомъ въ игуменъи Зачатьевскаго монастыря. Служа всѣмъ примѣромъ кротости, незлобія и смиренія, преподобная была въ то же время замѣчательною подвижницею. Во дни ея игуменства сестеръ въ монастырѣ было свыше ста, преимущественно изъ знатныхъ родовъ. Цѣлые двадцать два года игуменствовала преподобная, и скончалась мирно, 47 лѣтъ отъ роду, въ 1378 году, при великомъ князѣ Московскомъ Димитріи Ивановичѣ Донскомъ (1362—1389). Какъ видно изъ приведеннаго, жизнь преподобной не сложна не цвѣтиста, но тиха и смиренна, какъ смиренна была и ея душа. Мощи преподобной Теодоры княгини почиваютъ подъ спудомъ въ Спасскомъ соборѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

17 Апрѣля:

Святой Акакій, епископъ Мелитинскій.

Святой Акакій и родился, и епископствовалъ, и скончался въ Мелитинѣ (нынѣ турецкій городъ Малатія, въ Азіатской Турціи, близъ верхняго теченія рѣки Евфрата). Акакій былъ единственное дѣтище у своихъ родителей, вымоленное у Бога. Получивъ желаемое, блаженные родители Акакія, какъ даръ Божій, посвятили сына на

служеніе Господу. Обучивъ сына грамотѣ, отецъ и мать отдали Акакія въ полное распоряженіе епископа Мелитинскаго Отрія (пам. его 17 же апрѣля). Отрій поставилъ Акакія церковникомъ. Молодой церковникъ преуспѣвалъ въ изученіи Священнаго Писанія, благочестіи и строгой добродѣтельной жизни. Глубокое знаніе Священнаго Писанія послужило на пользу не только самому Акакію, но и многимъ другимъ, обращающимся къ нему за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ и недоумѣній. Тѣмъ же епископомъ Отріемъ, Акакій впослѣдствіи рукоположенъ во священника, а по смерти Отрія, по общему согласію мелитинцевъ, избранъ въ епископы городу Мелитинѣ. Любимый паствою, святитель за свою святую жизнь былъ взысканъ милостію Божіею — награжденъ даромъ чудотвореній. Радовались мелитинцы своему пастырю, и во всѣхъ нуждахъ тѣлесныхъ и духовныхъ обращались къ Акакію, и не было у того ни для кого отказа. Изъ числа многихъ чудесъ, содѣланныхъ епископомъ Мелитинскомъ, при помощи благодати Духа Святаго, упомянемъ о нѣкоторыхъ.

Въ одно лѣто въ Мелитинѣ и въ окрестностяхъ стояла необычайная жара; земля растрескалась, всѣ труды земледѣльцевъ погибли; растительность сгорѣла; рѣки и источники повисохли. Съ неба не падало ни капли дождя. Грозилъ и голодъ и моръ. Болѣя душою о гнѣвѣ Божіемъ, Акакій велѣлъ мелитинцамъ собраться.—Собрались и старъ и младъ. Въ сопровожденіи народа, епископъ пошелъ къ одной изъ загородныхъ церквей, и близъ нея, на открытомъ воздухѣ, началъ совершать литургію. Въ чашу съ тѣломъ Христовымъ святитель не влилъ воды для растворенія вина. Но, въ прилежной молитвѣ, просилъ Господа Бога явить Свое неизреченное милосердіе—растворить чашу съ Святыми Дарами водою небесною. И Вседержитель услышалъ моленія раба Своего. Во время литургіи, небо заволоклось тучами, полилъ сильный дождь, и не только святая чаша растворилась небесною влагою, но ею напилась въ изобиліи и вся страна Мелитинская. Растительность оживалась, трудъ земледѣльца вознаграждался сторицею. Рѣки переполнились. Печаль народная превратилась въ радость.

Въ мелитинской же мѣстности одна изъ рѣкъ отличалась особенно сильными разливами, причинявшими не мало разоренія при-

брежними селеніямъ. Жители обратилась къ Акакію за помощію. Епископъ святой помолился, взялъ камень, положилъ его по берегу, въ недалекомъ разстояніи отъ воды, и запретилъ рѣкѣ разливаться дальше положеннаго камня.... И съ тѣхъ поръ водополье никогда не переходило назначеннаго камнемъ предѣла.

Вотъ еще замѣчательный случай. Акакій разъ отправлялъ богослуженіе. Вдругъ молящіеся услышали надъ головами необыкновенной трескъ. Оказалось, что плохо устроенный сводъ церковный началъ разрушаться. Народъ въ ужасѣ кинулся стремглавъ изъ церкви. Акакій же, видя грозящее ему несчастіе, воскликнулъ: «Господь, Хранитель моей жизни, не дасть мнѣ погибнуть». Рухнувшій церковный сводъ остановился въ своемъ паденіи. Онъ повисъ на воздухѣ, внутри церкви, и висѣлъ до тѣхъ поръ, пока святитель не кончилъ богослуженія и не вышелъ вонъ изъ храма со всѣми ему сослужившими. Едва за Акакіемъ затворилась церковная дверь, какъ сводъ упалъ внизъ внутрь храма.

Святой угодникъ Божій участвовалъ въ числѣ прочихъ святыхъ отецъ на вселенскомъ соборѣ, собранномъ въ Малой Азіи, въ городѣ Ефесѣ (см. выше), въ 431 году. Соборъ созванъ былъ противъ Константинопольскаго патріарха Несторія (428—431), защищавшаго неправильное ученіе о Сынѣ Божіемъ и Приснодѣвѣ Маріи. Одинъ священникъ въ своихъ проповѣдяхъ сталъ доказывать, во-первыхъ, что Матерь Божію слѣдуетъ именовать Христородицею, а не Богородицею. И, во вторыхъ, заблуждающійся проповѣдникъ училъ, что Іисусъ Христосъ былъ человѣкъ, въ которомъ Богъ соединялся только нравственно, обиталъ въ немъ, какъ въ храмѣ. Ложно мудрствуя, священникъ этотъ называлъ Сына Божія не Богочеловѣкомъ, а Богоносцемъ. На вселенскомъ соборѣ въ Ефесѣ такое еретическое ученіе объ Іисусѣ Христѣ и Богородицѣ было опровергнуто, и защитники его преданы отлученію. По возвращеніи съ вселенскаго собора, святой Акакій жилъ не долго, и скончался въ 431 году, въ царствованіе Восточно-римскаго императора Θεодосія Младшаго.

Преподобный Зосима, игумень Соловецкій, чудотворецъ.

Кто не слыхалъ въ Россіи про Соловки, Соловецкій монастырь? Соловки извѣстны всему православному люду нашей широко-раскинувшейся во всѣ четыре страны свѣта Россіи. Сюда стремятся православные богомольцы, ежегодно въ значительномъ числѣ, съ тѣмъ же страстнымъ желаніемъ умилительнаго благочестія, какъ въ Іерусалимъ, Кіевъ, Почаевскую лавру, къ Сергію Радонежскому близъ Москвы. Всякій знаетъ, что Соловецкій монастырь находится на самомъ сѣверѣ Россіи, въ студеной сторонѣ, на островахъ Бѣлаго моря. Путь въ Соловки не во всякое время открытъ. Только въ теченіи непродолжительнаго сѣвернаго лѣта. А затѣмъ всякое сообщеніе съ матерою землею почти прекращается.

Основателемъ Соловецкой обители считается преподобный Зосима чудотворецъ, родомъ изъ нынѣшней Олонецкой губерніи, изъ села Толвуя, близъ озера Онеги. Рожденный въ благочестивой семьѣ, будущій чудотворецъ и подвижникъ съ дѣтства прилежалъ къ чтенію Священнаго Писанія, не любилъ игръ, стремился къ уединенію и отличался необыкновенною кротостью. Съ лѣтами въ немъ явилось желаніе уйдти въ монастырь. Когда Зосима достигъ возмужалости, родители склоняли сына жениться. Но онъ отказался, уединился въ одно пустынное мѣсто, недалеко отъ родительскаго крова, и зажилъ совершеннымъ отшельникомъ. Живя строгимъ монахомъ безъ постриженія, Зосима часто думалъ, какъ-бы Господь сподобилъ ему когда-нибудь основать монастырь, не себя ради, но ради спасенія другихъ. Богъ судилъ встрѣтиться Зосимѣ съ преподобнымъ Германомъ, († 1479; и. 30 іюля), жившимъ нѣкогда съ преподобнымъ Савватіемъ († 1435; пам. 27 сент. и 8 авг.) на пустынномъ Соловецкомъ островѣ. Разговорились. Германъ въ подробности описалъ и величественныя красоты сѣверной и дикой природы, и ея естественныя богатства, и совершенное отчужденіе Соловокъ отъ остальнаго міра. Зосима слушалъ и трепеталъ отъ восхищенія. Благочестивое сердце такъ и порывалось въ лѣсныя дебри и пустыни и на студеныя воды

Соловецкихъ острововъ. Онъ упросилъ Германа показать ему этотъ знаменитый островъ и пособить на немъ поселиться. Германъ изъ-явилъ согласіе. Какъ разъ въ это время, по волѣ Божіей, преставились благочестивые родители Зосимы, и онъ сталъ вольною птицею. Похоронивъ отца и мать и раздавъ нуждающимся оставшіеся достатки, Зосима съ Германомъ направились къ Бѣлому морю и, съ Божіею помощію, благополучно добрались до Соловецкаго острова. Здѣсь они облюбовали одно красивое мѣсто и устроили изъ древесныхъ листьевъ жилье—два шалаша. Это случилось въ 1436 году, въ княженіе великаго князя Московскаго Василія II Васильевича (1425—1462). Всю ночь промолились новоприбывшіе. На разсвѣтъ, по окончаніи молитвы, Зосима вышелъ изъ шалаша и увидѣлъ надъ мѣстомъ ихъ пребыванія необычайное сіяніе и изображеніе прекрасной церкви на воздухѣ. Смущенный видѣніемъ, Зосима повѣдалъ о случившемся преподобному Герману. «Не смущайся, сказалъ Германъ: виденное тобою знаменуетъ, по моему мнѣнію, что Господу угодно, чрезъ тебя собрать сюда иноковъ». Помолились оба отшельника, и принялись за построеніе келій. Въ исходѣ лѣта, Германъ отправился на матерой берегъ за необходимыми на зиму припасами; и не возвратился назадъ за противными вѣтрами и осеннею непогодою. Зосима всю зиму оставался одинъ. Въ совершенномъ безмолвіи онъ непрестанно трудился, постился и молился. Бывшіе у него скудные запасы начали истощаться. Наступила сѣверная продолжительная зима. Зосиму начали-было смущать помыслы—что онъ будетъ дѣлать одинъ, на пустынномъ островѣ, когда съѣсть послѣднюю корку хлѣба. Приписавъ смущеніе свое вліянію дьявола, преподобный все упованіе возложилъ на милосердіе Божіе. И, дѣйствительно, Господь не оставилъ Своего созданія. Въ глухую зиму, когда труднѣе всего можно было видѣть кого-либо на островѣ, къ Зосимѣ приходятъ два неизвѣстныхъ человѣка съ корзинами полными хлѣба, масла, муки, и всѣмъ этимъ предложили Зосимѣ невозбранно пользоваться, пока они не возвратятся за корзинами. Зосима съ благодарностью воспользовался предложеніемъ неизвѣстныхъ, которые однако никогда уже болѣе не показывались. Чудесно ниспосланными запасами преподобный пользовался до наступленія весенняго времени, когда сообщеніе съ островомъ стало возможнымъ.

Прибыль, съ открытіемъ судоходства, и преподобный Германъ, и привезъ съ собою нѣкоего Марка-рыболова. Маркъ въ послѣдствіи постригся въ монашество. Божіимъ соизволеніемъ стали селиться на Соловецкомъ островѣ и другіе, искавшіе спасенія. Явились новыя келіи. Потребовалось имѣть хоть небольшую церковь: соорудили храмъ въ честь Преображенія Господня. О новой обители на пустынномъ дальнемъ островѣ скоро стало извѣстно повсюду,—и въ Новгородской области, которой Соловки принадлежали. Новгородскій владыка поставилъ для Соловецкаго монастыря игумена—Павла. Но Павелъ не долго оставался на островѣ. Онъ не могъ свыкнуться съ суровостью мѣстности и возвратился въ Новгородъ. Еще меньше времени пробыли на островѣ и два другіе игумена—Ѳеодосій и Іона. Умножившаяся братія, любя и почитая преподобнаго Зосиму, просила его, какъ основателя обители, принять священство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и игуменство. Но смиренный праведникъ ни за что не соглашался. Тогда братія тайкомъ отправили къ Новгородскому владыкѣ посланца съ просьбою вызвать къ себѣ Зосиму, рукоположить его во священство и назначить игуменомъ. Новгородской владыка внялъ моленію соловецкихъ иноковъ, вызвалъ Зосиму и убѣдилъ его принять священство и игуменство. Событіе это случилось въ 1432 году. Новопоставленный игумень отпущенъ былъ во-свояси изъ Новгорода съ честью и великими дарами на потребности обители. Велика была радость Соловецкой братіи. Но еще радость стала большею, когда получили знаменіе благодати Божіей, почивающей на Зосимѣ. По прибытіи на островъ, въ первую же литургію, совершенную преподобнымъ, лицо его просіяло необыкновеннымъ свѣтомъ, и въ храмѣ разлилось благоуханіе. По окончаніи литургіи, Зосима пріѣхавшимъ на острова купцамъ преподавъ просвиру. Купцы, по оплошности, уронили даръ преподобнаго. Одинъ изъ инокъ нашелъ просвиру въ оградѣ монастырской. Надъ просвирою стояла собака и силилась схватить ее; но каждый разъ, чуть она наклонялась, какъ отъ просвиры поднималось пламя. Инокъ, пораженный ужасомъ, подошелъ къ просвирѣ, взялъ ее, и пламя исчезло.

Игумень Зосима прилагалъ труды къ трудамъ, заботы къ заботамъ о благоустройствѣ новоучрежденной обители. И Господь благословилъ преподобнаго. Со всѣхъ сторонъ прибывали приношенія и

пожертвованія. Новгородскіе бояре дѣлали богатые вклады, дарили земли.

Трудясь на пользу общую, угодникъ не забылъ и о предшественникѣ своемъ, преподобномъ Савватіи. Въ 1463 году, въ княженіе великаго князя Московскаго, Іоанна III Васильевича (1462—1505), мощи преподобнаго Савватія, съ матерой земли, съ рѣки Выга, перенесены въ Соловецкую обитель.

Не все были красные дни для Соловецкой обители. На островъ часто наѣзжали корельскіе жители или слуги новгородскихъ бояръ, которые много досаждали преподобному Зосимѣ и монахамъ различными притѣсненіями. Притѣсненія эти вынудили игумена Соловецкаго отправиться въ Новгородъ съ жалобою. Всюду преподобнаго въ Новгородѣ выслушивали со вниманіемъ и участливо относились къ его просьбамъ. Одна только посадница Марѳа Борецкая, по навѣтамъ своихъ слугъ, не приняла преподобнаго, и слуги прогнали его отъ дома съ оскорбленіями. Отходя отъ жилища гордой боярыни, Зосима грустно сказалъ своему ученику Даніилу: «Скоро будетъ время, когда домъ этотъ запустѣетъ». Слыша отовсюду похвалы Соловецкому игумену, и о томъ, что вся знать новгородская съ любовію принимаетъ его и одаряетъ, Марѳа Борецкая спохватилась. Она пригласила Засиму, просила прощенія за обиду, и уговорила остаться обѣдать. За столомъ много было приглашенныхъ. Преподобный, глядя на собесѣдниковъ, вдругъ запечалился и прослезился. Это повторялось до трехъ разъ. По окончаніи обѣда, когда Зосима покинулъ домъ Борецкой, ученикъ Даніиль спросилъ у преподобнаго о причинѣ его печали и слезъ. Оказалось, что святой нѣкоторыхъ изъ обѣдавшихъ, именно шестерыхъ, до трехъ разъ видѣлъ безъ головы. На спросъ, чтобы это значило, Зосима отвѣтствовалъ: «Думается мнѣ, что эти люди будутъ когда-нибудь обезглавлены».

Дѣйствительно, въ 1478 году, государь Іоаннъ III Васильевичъ Великій порѣшилъ съ своевольнымъ Новгородомъ. Новгородъ потерялъ свою самостоятельность и вошелъ въ составъ Русскаго царства наравнѣ съ прочими областями. Марѳа посадница отправлена въ Нижній-Новгородъ, а шесть изъ главныхъ зачинщиковъ смуты обезглавлены. Это и были именно тѣ лица, которыхъ преподобный

Зосима видѣлъ у Борецкой, за столомъ, безъ головы. Такимъ образомъ, сбылось и предреченіе угодника Божія о запусѣніи дома Марѣи Борецкой.

Памятуя о смерти, преподобный отецъ нашъ заблаговременно приготовилъ себѣ гробъ, смотря на который часто плакалъ, въ смиреніи, о своихъ прегрѣшеніяхъ. Двадцать шесть лѣтъ игуменствовалъ Зосима, преизукрашенный добродѣтелями и всѣми любимый. И Господь положилъ предѣлъ его жизни. Преподобный разболѣлся и, предузнавъ кончину сталъ готовиться къ смертному исходу. Незадолго до преставленія, онъ собралъ братію, оповѣстилъ о предстоящей разлукѣ, и предложилъ имъ избрать вмѣсто него новаго игумена. Избранъ былъ въ преемники Зосимѣ Арсеній. Преподобный благословилъ его и братію, и преподалъ мудрыя наставленія. На слезы сиротѣющей братіи, угодникъ Божій отвѣчалъ: «Не плачьте; поручаю васъ Всемилоствому Спасу и Пресвятой Богородицѣ. Тѣломъ разлучаюсь, но духомъ пребуду съ вами. Миръ всѣмъ». Послѣ сего, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, святой старецъ отошелъ ко Господу 17 апрѣля 1478 года. Въ 1566 г., при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ (1533—1584), мощи преподобнаго Зосимы перенесены въ соборный храмъ Соловецкаго монастыря, гдѣ и донынѣ почиваютъ въ придѣлѣ его имени и преподобнаго Савватія. Чтить-же память угодника Божія установлено повсемѣстно съ 1547 года.

Вскорѣ по кончинѣ основателя Соловецкой обители, Господь прославилъ Зосиму: отъ гроба его стали истекать исцѣленія недужнымъ. Кромѣ того, многіе удостоились видѣть явленіе преподобнаго Зосимы, то одного, то вмѣстѣ съ святымъ Савватіемъ.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ случаяхъ чудесной помощи и явленій Соловецкаго чудотворца Зосимы.

Однажды, во время Божественной литургіи, въ Великій четвергъ, благочестивый инокъ Герасимъ видѣлъ преподобнаго въ соборномъ храмѣ стоящимъ у Святыхъ Таинъ во все время, пока братія причащались.—Старецъ Θεодулъ, упавъ, крѣпко расшибся, такъ что не могъ вставать съ постели. Преподобный Зосима въ глубокой вечеръ явился въ келію Θεодула и исцѣлилъ недужнаго.—Монахъ

Митрофанъ, до постриженія занимавшійся торговлею, рассказывалъ слѣдующее: «Случилось мнѣ разъ ѣхать въ лодкѣ съ товаромъ по морю. Поднялась вдругъ сильная буря, и лодку мою носило по волнамъ около тридцати дней. Отчаяваясь уже остаться въ живыхъ, въ страхъ я обратился съ молитвой о спасеніи къ Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ и преподобному Зосимѣ. И что-же? Вскорѣ я увидѣлъ святаго старца на кормѣ моей лодки. Полы своей мантии онъ держалъ надъ водою по обѣ стороны лодки, отчего волны притихали у лодки, и я благополучно достигъ берега. Съ приближеніемъ къ землѣ святой Зосима сталъ невидимъ.

Въ числѣ Соловецкой братіи, былъ нѣкто Василій, занимавшійся когда-то разбоемъ. Въ одно время, по внушенію злаго духа, Василій похитилъ нѣсколько монастырскихъ дорогихъ вещей, облаченій и книгъ, и бѣжалъ съ ними на Анзерскій островъ, въ пятнадцати верстахъ отъ Соловецкаго монастыря. Передохнувъ, Василій думалъ пробраться на матерую землю и тамъ распродать похищенное. Едва Василій ступилъ на островъ, какъ впалъ въ необычайно крѣпкій сонъ. Во снѣ похититель увидѣлъ преподобнаго Зосиму, который съ гнѣвомъ сказалъ Василію: «Зачѣмъ, несчастный, ты обворовываешь меня»? Василій просилъ прощенія у святаго старца. «Прощенъ ты будешь, отвѣтствовалъ преподобный; но, въ наказаніе, останешься на островѣ три дня». Проснулся грѣшникъ, пошелъ къ лодкѣ, и не нашелъ ея: со всѣмъ сложеннымъ добромъ монастырскимъ лодка кѣмъ-то и куда-то была увезена. Горько всплакался Василій, и три дня оставался на Анзерскомъ островѣ. На четвертый, проѣзжали мимо острова купцы, взяли съ собою Василія и доставили въ обитель. Въ то время монастырскіе рыбаки, подъ присмотромъ старца Фотія, занимались промысломъ въ пятистахъ верстахъ отъ Соловецкаго острова. Въ одну ночь старецъ увидѣлъ во снѣ преподобныхъ Зосиму и Савватія. «Вы нуждаетесь въ лодкѣ, сказали Фотію святые отцы. Мы привезли ее къ вамъ. Вы можете воспользоваться ею, но съ однимъ условіемъ, чтобы все находящееся въ лодкѣ добро было непременно доставлено въ Соловецкую обитель». Фотій, проснувшись, пошелъ къ судамъ и увидѣлъ между ними новую лодку, нагруженную церковными облаченіями, книгами

и другии вещами, тѣми самыми, какъ впослѣдствіи оказалось, которыя похищены были Василиемъ.

18 Апрѣля.

Святой мученикъ Іоаннъ Новый.

Въ городѣ Янинѣ, въ турецкой области Епирѣ (на югозападѣ Балканскаго полуострова), въ шестнадцатомъ столѣтіи жили благочестивые супруги, имѣвшіе сына Іоанна, хорошо обученаго грамотѣ. Въ весьма юныхъ лѣтахъ Іоаннъ, по волѣ Божіей, осиротѣлъ: и мать и отецъ померли. Чтобы чѣмъ нибудь пропитываться, Іоаннъ отправился въ Константинополь, которымъ тогда уже владѣли турки. Здѣсь Іоаннъ кое-какъ раздобылся средствами и открылъ лавочку. Господь помогъ сиротѣ, и дѣла его пошли весьма успѣшно. Одно только было дурно, что лавочку его со всѣхъ сторонъ окружали торговцы—магометане не прирожденные, а отступники христіанскіе. Съ этими отступниками юному Іоанну часто случалось бесѣдовать, какъ съ сосѣдями по торговлѣ. Въ большинствѣ бесѣда оканчивалась непріятностями. Разговоръ почти всегда сводился на споры о вѣрѣ. Отступники хвалили елико-возможно магометанство, и въ то же время, какъ и подобаетъ отступникамъ, не на животъ, а на смерть, хулили христіанство. Благочестивый Іоаннъ каждый разъ горячо защищалъ православіе, и зло смѣялся надъ ученіемъ мусульманскимъ, безбоязненно называя Магомета хитрымъ обманщикомъ. Отступниковъ блаженный юноша борилъ и напоминалъ имъ о вѣчныхъ мукахъ на томъ свѣтѣ. Понятное дѣло, слова Іоанна каждый разъ, какъ острый ножъ, уязвляли его сосѣдей-отступниковъ. Къ этому присоединялась еще глубокая зависть сосѣдей. Они видѣли, что у Іоанна дѣла съ каждымъ днемъ становятся лучше и лучше; онъ расторговывается, а въ ихъ лавки никто не заходитъ. Злодѣи-отреченцы задумали сгубить благочестиваго Епирота—такъ въ большинствѣ извѣстенъ былъ Іоаннъ въ Константинополѣ, по мѣсту своего рожденія въ Епирѣ. Проразумѣлъ

блаженный Іоаннъ замысли своихъ ехидныхъ враговъ, и сталъ готовиться къ мученичеству. Прежде всего онъ отправился къ духовнику, повѣдалъ ему о козняхъ сосѣдей-торговцевъ, о желаніи своемъ пострадать за имя Христова, и просилъ совѣтовъ и наставленій на подлежащій мученическій подвигъ. «Дитя мое, отвѣчалъ Епироту духовникъ, противъ достохвальнаго желанія твоего пролить кровь свою за Христа, я ничего не имѣю. Но хватитъ-ли у тебя силъ и терпѣнія вынести муки? Тебѣ вѣроятно извѣстно изреченіе Евангельское: «Духъ бодръ, плоть же немощна» (Матѳ. глав. 26; ст. 41). Смотри, какъ бы, по слабости плоти, ты въ мукахъ не изнемогъ, и, подъ вліяніемъ изнеможенія, въ угоду плоти, не присоединился къ отступникамъ. Тогда, во-первыхъ, и грѣхъ на душу возьмешь, да и сдѣлаешься посмѣшищемъ и христіанъ и мусульманъ. Лучше, мой совѣтъ, повремени. Лучше, предварительно, поупражняйся продолжительнымъ постомъ и молитвою. Самъ Господь укажетъ, тебѣ,—благоугоденъ ли Ему твой страдальческій подвигъ. И тогда уже смѣло дѣйствуй во славу Всесвятаго Его имени». Выслушалъ Іоаннъ мудраго духовнаго отца, и ушелъ, обѣщаясь въ точности выполнить преподанный совѣтъ. Но на другой день Епиротъ опять явился къ духовнику въ радостномъ настроеніи. «Батюшка, сказалъ Іоаннъ священнику, въ истекшую ночь я сподобился видѣнія. Мнѣ приснилось, будто я, радостный и невредимый, стою среди великаго пламени. Кажется мнѣ, такой сонъ знаменуетъ добрый исходъ моему предпріятію. Благослови же на подвигъ и помолись за меня, грѣшнаго, о ниспосланіи мнѣ силъ и терпѣнія къ принятію вѣнца мученическаго». — «Господь да благословитъ тебя и осѣнитъ Своею всемогущею благодатью, отвѣтствовалъ пресвитеръ. Я, съ своей стороны, хоть и недостойный іерей, но буду за тебя молиться».

Іоаннъ, послѣ свиданія съ духовникомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился на рынокъ въ свою лавочку. Едва онъ появился, какъ злочестивцы сосѣди-отступники начали поносить его, говоря: «Вотъ лицемеръ, не онъ ли уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ потурчился, а теперь выдаетъ себя за христіанина». — «Клевещете на меня по злобѣ, возразилъ Епиротъ: отъ утробы матери я христіанинъ, не измѣнялъ Господу моему и Спасу Іисусу Христу никогда и нигдѣ, да и не измѣню Ему. Что бы мнѣ ни пред-

стояло, умру христіаниномъ. Изъ-за выгодъ и мелкихъ расчетовъ не отрекусь отъ христіанства, подобно вамъ, жалкимъ трусамъ». Отступники въ страшномъ озлобленіи накинулись на Іоанна и потащили въ судъ турецкій. Блаженный шелъ на несправедное судилище, какъ на веселый праздникъ. На судѣ, отступники повторили обвиненіе противъ Іоанна, и представили заранѣе подкупленныхъ свидѣтелей дѣйствительнаго, якобы, подтурченія Епиротова.

Послѣ различныхъ истязаній, въ родѣ битья по всему тѣлу сучковатыми палками, послѣ увѣщаній перейти въ магометанство, послѣ наконецъ нѣскольkokратнаго-темничнаго заключенія, турецкій судья приговорилъ Іоанна къ сожженію. Мученикъ радостно вынесъ истязанія и тюрьму, и, съ глубокою благодарностью Богу, выслушалъ смертный приговоръ. Закованнаго по рукамъ и по ногамъ желѣзными цѣпями, повели Епирота на сожженіе. Нѣкоторые, видя юношу, выражали свое соболѣзнованіе, большинство же магометанъ, во всю дорогу до мѣста казни, били, щипали, заушали Іоанна, не переставая бранить его самими позорными словами. Святый сносилъ все съ кротостью и веселіемъ, и не переставалъ пѣть «Христось Воскресе» (дни мученій Іоанна совпали со Святою недѣлею). Увидя, на мѣстѣ казни, разгорѣвшійся костеръ, мученикъ не сталъ ждать, чтобы его повели на сожженіе, а самъ быстро кинулся въ огонь. Но турки схватили Іоанна за цѣпи и выволокли изъ огня. Отрубивъ голову, злодѣи бездыханное тѣло съ отсѣченной головою Іоанна бросили на костеръ, гдѣ оно и сгорѣло. Тамъ кончилъ подвигъ земной святый Іоаннъ Епиротъ 18 Апрѣля 1526 года, въ Константинополѣ. Уцѣлѣвшіе отъ пламени останки Іоанна взяты вѣрующими и похоронены. Нынѣ мощи Епирота почіють въ Цареградѣ и источаютъ чудеса.

Преподобный Евѣимій Корельскій.

Изъ пяти рукавовъ Сѣверной Двины, впадающей въ Бѣлое море (въ Архангельской губ.), одинъ называется Никольскій. На его берегу находится Корельскій Никольскій монастырь, мѣсто весьма замѣчательное. Сюда до основанія Архангельска приходили

русскія и иностранныя суда для торговли. Учредителемъ этой обители былъ преподобный Евѣимій, положившій основаніе монастыря въ 1410 году. Мѣстность Прибѣломорская хотя и принадлежала богатому Великому Новгороду, однакоже была пустынна. Сѣверные иноземцы, въ родѣ норвежцевъ, частенько заглядывали сюда. Такъ точно лѣтъ черезъ девять по учрежденіи, на смиренную обитель Евѣимія, въ 1419 году, напали норвежцы, пожгли убогія церковь и кельи, и побили нѣсколькихъ монаховъ. Пришлось преподобному вновь заботиться о сооруженіи и церкви и келій. Господь помогъ Евѣимию.

Извѣстная Новгородская Марѣа посадница Борецкая (см. выше жизнь преподобнаго Зосимы), на помятъ души своихъ двоихъ утонувшихъ сыновей, дала преизобильныя средства къ возобновленію монастыря. Кромѣ святости жизни, преподобный Евѣимій извѣстенъ еще какъ просвѣтитель свѣтомъ христіанской вѣры дикихъ корель. Жизнь ихъ до распространенія между ними Евангелія мало чѣмъ отличалась отъ дикихъ звѣрей. вмѣсто Бога, Создателя міра, ови чтили своимъ божествомъ то орудіе, которое доставляло добычу на охотѣ. Убьетъ стрѣлою зайца—и стрѣлу чтить за божество. Вотъ каковы были корелы. Поэтому всякому легко вывести изъ сего заключеніе, какихъ трудовъ, какой ревности, силы воли и самоотверженія требовалось отъ Евѣимія, чтобы среди этихъ животноподобныхъ дикарей насадить первыя сѣмена христіанства. Послѣ тяжелыхъ трудовъ Господь призвалъ къ себѣ, на вѣчный покой, преподобнаго, въ 1435, во дни великаго князя Василія II Васильевича (1425—1462), и прославилъ нетлѣніемъ. Мощи Евѣимія открыты въ 1647 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1645—1676), и покоются въ Корельскомъ монастырѣ.

19-го Апрѣля.

Святый Трифонъ, патріархъ Цареградскій.

Излишняя довѣрчивость часто приводитъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ: ею злые и хитрые люди пользуются съ избыткомъ.

Какое дѣло хитрецамъ, что ихъ ближній изъ-за своей довѣрчивости страдаетъ. «На то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ», говорятъ обыкновенно злокозненные люди, когда ихъ начинаютъ корить за злоупотребленіе довѣріемъ другимъ. Святый патріархъ Цареградскій Трифонъ служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ злоупотребленія довѣріемъ. У Греческаго царя Романа (917—944) былъ сынъ Теофилактъ, котораго родитель предназначалъ въ духовное званіе, намѣреваясь впослѣдствіи возвести на Константинопольскій патріаршій престолъ. Въ 928 году скончался патріархъ Стефанъ (925—928), и Романъ думалъ-было воспользоваться представившимся случаемъ исполнить свое намѣреніе. Но люди свѣдущіе въ законахъ и постановленіяхъ церковныхъ успѣли отклонить царя отъ такого несправедливаго дѣла. Они прямо заявили Роману, что шестнадцатилѣтній юноша, по уставамъ церковнымъ, не можетъ и не долженъ занимать первосвятительскаго престола Вселенской Церкви. Романъ на такое представленіе докладчиковъ согласился, хотя не отказался отъ мысли рано или поздно избрать сына своего Теофилакта въ патріархи. На время, пока Теофилактъ придетъ въ надлежащій возрастъ для занятія патріаршаго престола, императоръ Романъ выбралъ въ патріархи простаго монаха Трифона. Онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что, въ опредѣленное время, Трифонъ, какъ обязанный единственно императору патріаршествомъ, не станетъ перечить, и добровольно уступитъ святительство Теофилакту. Но Трифонъ, къ удивленію Романа, вовсе не былъ зауряднымъ монахомъ. Это былъ мужъ мудрый, книжный, святой жизни и строгій блюститель постановленій церковныхъ. Онъ съ достоинствомъ управлялъ Церковью Константинопольскою, и былъ любимъ и уважаемъ всею паствою. Между тѣмъ время шло, и царскій сынъ Теофилактъ достигъ двадцатилѣтняго возраста. Романъ, родитель его, сталъ понуждать Трифона отказаться отъ патріаршаго престола. Первосвятитель не согласился и наотрѣзъ отказалъ исполнить волю Романа. Не согласился же святый Трифонъ оставить патріархію не изъ-за своихъ личныхъ видовъ и расчетовъ,—нѣтъ: святитель былъ недоступенъ такимъ суетнымъ, земнымъ желаніямъ. Патріархъ мудро и справедливо усматривалъ, что молодой, неопытный человѣкъ не въ силахъ нести бремя управленія Вселенскою

Константинопольскою Церковью, съ пользою для ея благосостоянія и достоинствъ и на благо паствы. Предложи императоръ, вмѣсто Теофилакта, кого-либо, извѣстнаго заслугами предъ Церковью или государствомъ, мужа искуснаго въ дѣлахъ вѣры, — Трифонъ, по своему смиренію и благочестію, безпрекословно исполнилъ-бы волю царскую.

Задумался и запечалился царь Романъ, и не зналъ что дѣлать. Какъ свергнуть съ престола святителя, въ жизни котораго нѣтъ даже пылинки, которая говорила-бы, что Трифонъ поступилъ въ чемъ-либо несогласно съ заповѣдями Божиими, съ ученіемъ Евангельскимъ и постановленіями церковными? Какъ тутъ быть? Да просто: людей пронырливыхъ, услужливыхъ, безсовѣстныхъ всегда и вездѣ бывало много, есть и будетъ. И на долю Романа выискались такіе. Одинъ изъ митрополитовъ, нѣкто Теофанъ, возжелалъ подслужиться царю и будущему патріарху-царевичу. «Предоставь мнѣ, государь, устроить дѣло, предложилъ Роману Теофанъ, и будь спокоенъ — все совершится по твоему желанію». Обрадовался Романъ и далъ презрѣнному митрополиту волю поступать съ Трифономъ, какъ вздумается.

Теофанъ отправился къ патріарху и, между прочимъ, повелъ такую рѣчь: «Мы всѣ, духовные, крайне огорчены, что царь не жауетъ тебя, святой отче, и изыскиваетъ всѣ мѣры къ лишенію тебя первосвятительскаго сана. Вѣдь это ужасно, до чего дошло! Подвохи твоихъ враговъ! Не находя ни единой вины въ твоей жизни, знаешь-ли въ чемъ тебя теперь обвиняютъ?» — «Не вѣдаю, отвѣчалъ святой Трифонъ; скажи пожалуй, если знаешь». — «Да, ни больше, ни меньше, утверждаютъ, что ты безграмотный и не умѣешь писать, пояснилъ коварный митрополитъ. Вотъ это-то неумѣнье писать и признаютъ несовмѣстнымъ съ саномъ патріарха. Какъ человекъ желающій тебѣ, владыка, всякаго добра, я совѣтовалъ-бы доказать всенародно твоимъ врагамъ, что они заблуждаются. Я, на твоемъ мѣстѣ, взялъ-бы бумагу, написалъ на ней санъ и имя, и отослалъ царю. Имѣя въ рукахъ доказательство твоего умѣнья писать, враги твои по необходимости должны смириться». Довѣрчивый Трифонъ поблагодарилъ мнимаго доброжелателя за совѣтъ, и далъ слово сдѣлать такъ, какъ говорилъ Теофанъ.

При первомъ собраніи Константинопольскаго духовенства, патріархъ высказалъ скорбь о козняхъ враговъ и, между прочимъ, сказалъ: «Дошло до того, что меня обвиняютъ въ безграмотствѣ и неумѣньи писать, и на этомъ строятъ противъ меня обвиненіе—съ цѣлью лишить меня святительскаго сана. Пусть-же злодѣи и клеветники посрамятся»... Съ этими словами святой Трифонъ потребовалъ чистой бумаги и на глазахъ всѣхъ присутствующихъ написалъ: «Трифонъ, Божіею милостію, архіепископъ Константинопольскій, патріархъ Вселенскій». И эту бумагу съ своею подписью тотчасъ-же отправилъ къ царю Роману. Въ царскихъ палатахъ, при содѣйствіи хитраго митрополита, тотчасъ-же на присланной бумагѣ написали слѣдующее: «Я, Трифонъ, признавая себя недостойнымъ святительскаго сана, отказываюсь отъ патріаршества». Обдѣлавъ такое неблаговидное дѣло, тотчасъ-же собрали главнѣйшихъ сановниковъ имперіи, и имъ предъявили отреченіе Трифона, за его собственноручнымъ подписаніемъ, а также и волю царя объ избраніи Оеофилакта въ патріархи. Сановники имперіи, не подозрѣвая истинной стороны дѣла, разумѣется, ничего не могли возражать, хотя и удивились самоуниженію Трифона. Удивился и Трифонъ коварству враговъ, и безпрекословно, смиренный сердцемъ, оставилъ патріаршее жилище и удалился въ монастырь. Какъ простой монахъ, безсуетно понесъ онъ послушаніе, не переставая молиться за враговъ своихъ. Вслѣдъ за удаленіемъ, въ 931 году, Трифона въ монастырь, царскій сынъ Оеофилактъ возведенъ въ санъ патріарха Цареградскаго. Скоро, однако, обнаружилась истина отреченія Трифона. И никто не хотѣлъ признавать Оеофилакта законно-избраннымъ первосвященникомъ. Только въ 933 году, когда блаженный Трифонъ отошелъ ко Господу, избраніе Оеофилакта признали законнымъ. Смиренный Трифонъ, погребенъ былъ съ почестями, подобающими вселенскому первосвященнику. За труды, добродѣтели и страданія Церковь причла патріарха Трифона къ лику святыхъ.

20-го Апрѣля.

Блаженные патріархи Антіохійскіе Анастасій Синаитъ и Григорій.

Во дни Грекоримскаго императора Іустиніана (527—565; пам. 14 ноября) появилось неправильное толкованіе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Лжеучители утверждали, будто у Спасителя, во время земной жизни, плоть была совершенно отлична отъ обыкновенной, человѣческой, и законамъ естества не подчинялась. Такое лжемудрованіе нашло себѣ защитниковъ и послѣдователей. Между прочимъ, и благовѣрный императоръ Іустиніанъ одно время склонялся на сторону лжеучителей. Подъ вліяніемъ лжеученія Іустиніанъ даже свергъ съ Константинопольскаго патріаршества святаго Евтихія (см. Апр. 6 число). Православные сильно смущены были и опечалены подобными неправильными дѣйствіями царя. Недоумѣвая что дѣлать, какъ относиться къ распространявшемуся толкованію о Сынѣ Божіемъ, православные ждали что скажетъ Антіохійскій патріархъ Анастасій Синаитъ. (Антіохія въ Азіатской Турціи, — нынѣ Антакія; Синаитъ — прозваніе отъ горы Синая, гдѣ былъ монастырь, знаменитый своими подвижниками). Анастасій среди современниковъ считался мужемъ святымъ, глубокой учености и пользовался громаднымъ значеніемъ въ дѣлахъ вѣры, какъ стойкій защитникъ православія. Лжеучители также не оставили, съ своей стороны, безъ вниманія Анастасія. Зная, что онъ не будетъ молчать, они старались возстановить императора противъ Антіохійскаго патріарха. Анастасій Синаитъ, прознавъ о случившемся въ церкви Константинопольской и ревнуя о чистотѣ вѣры Христовой, безбоязненно написалъ къ Іустиніану письмо. Въ посланіи своемъ къ царю онъ убѣдительно и ясно доказывалъ заблужденіе Іустиніана и всю неправильность лжеученія объ Іисусѣ Христѣ. Анастасій совѣтывалъ Іустиніану не уклоняться отъ святыхъ истинъ православія. Антіохійскій первосвятитель не ограничился посланіемъ только къ императору, а принялъ всѣ мѣры къ предупрежденію распространенія лжеученія по своей патріархіи. Для этого ко всему подвѣдомому духовенству ра-

зослалъ грамоты. Объясняя въ нихъ ложь, возникшую въ патріархіи Константинопольской относительно ученія о Сынѣ Божіемъ, онъ внушалъ остерегаться ереси. Въ самой же Антиохіи почти ежедневно говорилъ народу поученія, повторяя слова апостола Павла: «Если бы даже ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что было благовѣствовано, да будетъ анаѳема» (отлученъ отъ церкви) (къ Галат. гл. 1, ст. 8). И письмо къ царю, и грамоты къ духовенству, и поученія Анастасія были истолкованы Іустиніану въ превратномъ видѣ. Государь, не подозрѣвая истины, гнѣвался на первосвященника Антиохійскаго, и намѣревался съ нимъ поступить такъ же, какъ съ Евтихіемъ. Но милосердый Создатель не допустилъ совершиться беззаконію,—послалъ по душу Іустиніана. Онъ разболѣлся; передъ смертію созналъ свои заблужденія, отказался отъ нихъ, скончался въ православіи, и Господь прославилъ его нетлѣніемъ мощей.

Преемникъ Іустиніана, Іустинъ (565—578), давно питалъ злобу къ Анастасію Синаиту. Спустя нѣкоторое время (въ 572 году) по вступленіи на грекоримскій престолъ, Іустинъ послалъ Анастасія въ заточеніе, въ которомъ святитель пробылъ двадцать три года. Поводомъ къ такой несправедливости Іустина, сколько извѣстно, послужило слѣдующее обстоятельство. Іустинъ былъ очень сребролюбивъ. При избраніи Анастасія въ Антиохійскіе патріархи, Іустинъ, чрезъ приближенныхъ своихъ, намекалъ Анастасію на благодарность. «Не за деньги раздаются степени священства», отвѣчалъ Анастасій на такіе намеки, «а по благодати Духа Святаго». Неудовольствіе на блаженнаго патріарха Іустинъ тайлъ до самаго вступленія своего на престолъ. Достигнувъ власти, правитель Греко-римскаго царства не сразу обрушился гнѣвомъ на святителя, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, подыскивая подходящіе къ тому поводы. Нашлись злонамѣренныя люди и оклеветали Анастасія въ расхищеніи церковныхъ денегъ. Довольно. Разбирать не стали, и, какъ сказано выше, послали святителя въ заточеніе,

На мѣсто низведеннаго съ патріаршества Анастасія избранъ блаженный Григорій, игуменъ Фаранской обители, человѣкъ преизукрашенный добродѣтелями. По смерти сего патріарха, въ царствованіе уже благочестиваго императора Маркіана (582—602; пам. 28 ноября), Анастасій Синаитъ возвращенъ изъ заточенія, и снова

вступилъ въ управленіе Антиохійскою патріархією. Но не долго Анастасій пасъ Церковь Христову, по возвращеніи изъ заключенія: всего только шесть лѣтъ, и мирно отошелъ ко Господу, по однимъ писателямъ въ 599 году, а по другимъ въ 601.

Блаженный Григорій, преемникъ патріаршаго престола Антиохійской Церкви, по изгнаніи Іустиномъ Анастасія, какъ выше сказано, былъ игуменъ Фаранскаго монастыря (между горою Синаемъ, въ Аравіи, и Раифомъ, что на восточномъ берегу Краснаго моря). По свидѣтельству современныхъ духовныхъ писателей, это былъ мужъ, отличавшійся необыкновенными незлобіемъ, любовью къ ближнимъ, снисходительностію къ слабостямъ человѣческимъ и смиреніемъ. Онъ никогда не добивался почестей; но его Самъ Господь взыскалъ Своею милостію и превознесъ за святую жизнь. Святѣйшій патріархъ Іерусалимскій Софроній (634—644 г.; пам. 11 марта) пишетъ, что объ избраніи Григорія въ патріархи было открыто нѣкоторымъ праведникамъ заранѣе. Такъ однажды Григорій, еще въ бытность игуменомъ Фаранскимъ, отправился съ старцемъ Георгіемъ навѣстить одного отшельника Сергія, подвизавшагося въ пустынѣ у Мертваго моря (въ Палестинѣ). Сергій встрѣтилъ Григорія съ необыкновеннымъ почетомъ, самъ омылъ ему ноги, и оставилъ у себя ночевать. По уходѣ Григорія, старецъ Георгій любопытствовалъ, что за причина, что Сергій относился къ гостю своему съ почетомъ, приличнымъ развѣ только сану архіерейскому. «Не вѣдаю кто приходившій ко мнѣ гость, отвѣчалъ праведный отшельникъ, но знаю только, что я принималъ у себя патріарха. Ибо я видѣлъ его въ омофорѣ (архіерейскій нарамникъ) и съ евангеліемъ въ рукахъ». Предреченіе Сергія сбылось черезъ пять лѣтъ послѣ того. Блаженный Григорій управлялъ Антиохійскою патріархією съ 577—596 или 593 г. И этотъ святитель потерпѣлъ много непріятностей въ своей жизни, во время патріаршества. Злые люди очернили его предъ правительствомъ, взвели небылицы, якобы патріархъ ведетъ распутную жизнь. Но Господь не предалъ слугителя Своего въ конецъ въ руки враговъ его. Блаженный Григорій успѣлъ доказать свою невинность и посрамить клеветниковъ.

СВЯТЫЙ апостолъ Закхей, епископъ Кесаріи Палестинской.

Въ Евангеніи отъ Луки (гл. 19, ст. 1—11) повѣствуется, что въ то время, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ проходилъ Іерихономъ (въ Палестинѣ, на сѣверовостокѣ отъ Іерусалима), Его старался увидѣть сборщикъ податей Закхей. Малому ростомъ, за множествомъ народа, Закхею не удавалось увидѣть Христа, и потому онъ, забѣжавъ впередъ, взлѣзъ на дерево, мимо котораго Спасителю предстояло проходить. Господь, взглянувъ на дерево, приказалъ Закхею сойти, и объявилъ, что желаетъ посѣтить его домъ. Закхей сошелъ и съ великой радостію принялъ Іисуса въ дому своемъ. Окружавшіе Іисуса Христа возроптали, зачѣмъ Онъ зашелъ къ человѣку грѣшному, — каковыми считались у евреевъ сборщики податей. Закхей же, ставъ, сказалъ Господу: «Господи, половину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, и, если кого обидѣлъ, — возвращу вчетверо» (ст. 8). Іисусъ отвѣтилъ ему: «Нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что онъ сынъ Авраама, ибо Сынъ Человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшее» (ст. 9 и 10). По вознесеніи Господнемъ, Закхей сопровождалъ апостола Петру, который его поставилъ епископомъ Кесаріи Палестинской (на берегу Средиземнаго моря; нынѣ развалины, у турецкаго мѣстечка Кайсаріэ). Закхей скончался мирно, и извѣстенъ какъ проповѣдникъ ученія Христова.

СВЯТЫЙ мученикъ Гавріиль-младенецъ.

Евреи исконные враги христіанства. Нѣтъ той мерзости, которую бы они не учинили христіанамъ. По ученію, изложенному въ ихъ книгѣ «Талмудъ», — всѣ не исповѣдующіе іудейскую вѣру — язычники; ближнимъ у еврея считается только еврей одной съ нимъ вѣры. Всѣ же принадлежащіе къ другой вѣрѣ — какъ язычники, не заслуживаютъ отъ еврея никакого снисхожденія. По Талмуду — не грѣхъ язычниковъ убивать, обманывать, разорять, клятвopеступничать. Перекрестами евреи не гнушаются во-первыхъ потому, что въ большинствѣ перекресты-христіане только по названію, а втайнѣ

держатся іудейскаго закона. Во вторыхъ—въ перекрестахъ жида видятъ удобнѣйшее орудіе для нанесенія вреда христіанамъ. Нѣтъ породы омерзительнѣе евреевъ. Они распяли Богочеловѣка Господа нашего Іисуса Христа. Они пожелали видѣть освобожденнымъ лучше разбойника Варраву, чѣмъ Сына Божія. Они, въ слѣпой злобѣ на Христа, произнесли страшныя слова: «Кровь Его (Христа) на насъ и на чадахъ нашихъ» (т. е. на всемъ нисходящемъ потомствѣ). Если они сами себя не пожалѣли, если сами на себя наложили вѣчное проклятіе,—чего же намъ, христіанамъ, ожидать отъ евреевъ?—Одного вреда только. Какъ евреи ни силятся доказывать, что они не проливаютъ христіанской крови,—но это напрасно. Христіанская кровь вопіетъ къ небу. Напримѣръ, въ Минской губерніи, въ Слуцкомъ монастырѣ, почиваютъ мощи младенца Гавріила, замученнаго жидами. О мученической смерти невиннаго младенца извѣстно слѣдующее. Гавріилъ, сынъ православныхъ благочестивыхъ поселянъ, родился 20 марта 1684 (при царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, управлявшей Русскимъ государствомъ за малолѣтствомъ Петра Великаго и его брата, болѣзненнаго Іоанна). Родители Гавріила жили верстахъ въ тринадцати отъ мѣстечка Заблудова, въ деревнѣ Звѣркахъ. Въ то время, какъ и теперь, во всемъ Западномъ краѣ, жидовъ было видимо-невидимо. Положеніе православныхъ было весьма тяжелое, потому что Западный край и другія области принадлежали полякамъ-католикамъ. Католики-помѣщики также не долюбливали православныхъ и предоставляли евреямъ просторъ къ притѣсненію православныхъ. Деревня Звѣрки была въ арендѣ у жида Щутка.—Однажды, именно въ 1690 году, во время полевыхъ работъ, мать Гавріила, Анастасія, понесла мужу своему Петру въ поле обѣдъ. Мальчикъ остался одинъ. Арендаторъ Щутка воспользовался безпризорностью ребенка, приласкалъ его и увезъ къ себѣ домой. Тамъ Гавріила отвели въ темную комнату, *распяли*, пустили сперва изъ боку кровь, а потомъ кололи по всему тѣлу. Затѣмъ, бездыханное тѣло младенца выбросили въ поле. Это случилось 20 апрѣля. Но Господь не попустилъ тѣлу невиннаго ребенка быть истерзаннымъ хищными звѣрями и птицами. Собаки его охраняли въ продолженіи трехъ дней. Ребенокъ былъ найденъ, отвезенъ къ родителямъ и погребенъ. Черезъ тридцать лѣтъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ Гавріилъ, хотѣли

похоронить другаго младенца. При рытьѣ могилы найдены нетлѣныя мощи мученика Гавріила, и поставлены въ склепъ Заблудовской церкви. Въ 1755 (слѣдовательно въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; 1741—1761), 9 мая мощи перенесены въ Слуцкій православный монастырь (Минской губерніи), гдѣ и донинѣ пребываютъ.

21-го Апрѣля.

Святые мученики: епископъ Януарій, дьяконы: Фавстъ, Прокулъ и Соссій, чтецъ Дисидерій, и міряне Евтихій и Акутіонъ.

Во время гоненій отъ Римскихъ царей Діоклитіана и Максиміана (284—305), въ Италіи, въ Кампанійской области (на западной сторонѣ) взятъ былъ епископъ Януарій, за приверженность къ христіанству. Кампанійской областеначальникъ Тимоѳей, не добившись отъ Януарія согласія принести жертвы языческимъ богамъ, приказалъ святителя сжечь. Но, по милости Божіей, пламя не коснулось ни тѣла, ни одежды мученика. Народъ удивлялся и прославлялъ всемогущество Бога христіанскаго, а Тимоѳей чудо приписывалъ колдовству. Онъ приказалъ сперва вытягивать члены у Януарія, такъ что они вышли изъ своихъ суставовъ, потомъ бить до тѣхъ поръ, пока не обнажились кости. Діаконъ Фавстъ и чтецъ Дисидерій, глядя на муки страдальца, не могли удержаться отъ слезъ и горько заплакали. Язычникамъ было довольно и слезъ, чтобы плачущихъ счесть за христіанъ и схватить. Всѣхъ троихъ отвели въ тюрьму города Путеолы (нынѣ Пуцеола, на западъ отъ Неаполя, при Неаполитанскомъ заливѣ). Въ путеольской тюрьмѣ въ это время содержались уже дьяконы Прокулъ и Соссій и два мірянина—Евтихій и Акутіонъ, приговоренные къ растерзанію звѣрьми. И священномученикъ Януарій съ Фавстомъ и Дисидеріемъ также

осуждены были къ той же вазни. Въ назначенный день вывели всѣхъ осужденныхъ и выпустили на нихъ различныхъ хищныхъ звѣрей. Однако звѣри не прикоснулись къ мученикамъ, а какъ кроткія овцы припали къ ногамъ епископа Януарія. Тимоѳеѣй не поразился случившимся, а сталъ измышлять, что бы придумать къ погубленію мучениковъ. Но въ это время Господь поразилъ его за жестокосердіе слѣпотою, отъ которой избавилъ Тимоѳея Януарій, помолясь о врагѣ своемъ. Пять тысячъ язычниковъ, пораженные чудомъ и злобіемъ мученика къ мучителю, обратились къ Христу. Что же касается Тимоѳея, то этотъ закоренѣлый язычникъ остался не чувствительнымъ къ своему исцѣленію и не хотѣлъ признать величія и всемогущества Бога христіанскаго. Въмѣсто благодарности, Тимоѳеѣй началъ хулить Господа. Обращеніе ко Христу пяти тысячъ язычниковъ привело областеначальника въ неистовство. Всѣхъ новообращенныхъ пять тысячъ христіанъ, святителя Януарія, дьяконовъ Фавста, Провула, Соссія, чтеца Дисидерія и мірянъ Евтихія съ Акутіономъ, христоненавистникъ Тимоѳеѣй повелѣлъ обезглавить. Граждане окрестныхъ городовъ разобрали тѣла мучениковъ и похоронили въ городахъ своихъ. Тѣло святителя Януарія взяли неаполитанцы (Неаполь, на западномъ берегу Тиренскаго моря, у Неаполитанскаго залива) и съ почестями положили въ одной изъ неаполитанскихъ церквей. Святый священномученикъ и прочіе съ ними приняли вѣнцы мученическіе 21 апрѣля 305 года. Запекшуюся кровь, истекшую изъ ранъ святаго Януарія, вѣрующіе неаполитанцы собрали въ стевлянный сосудъ. Когда сосудъ этотъ ставятъ при главѣ священномученика, то запекшаяся кровь распускается и кипитъ. Мощи угодника Божія и страдальца Януарія прославлены многими чудесами. Такъ въ одно время, находящаяся близъ Неаполя огнедышущая гора Этна начала волноваться, изливать лаву (огненножидкое вещество, выбрасываемое изъ нѣдръ земныхъ). Лава потекла по направленію къ Неаполю и угрожала поглотить городъ. Неаполитанцы, въ ужасѣ, прибѣгли ко гробу святителя Януарія, и молили угодника Божія спасти Неаполь отъ великаго бѣдствія. Молитва ихъ была услышана, и Господь, по предстательству священномученика, даровалъ Неаполю и прилежащимъ къ Этнѣ городамъ избавленіе. Перестали изливаться потоки лавы и пепла, дѣйствіе огня прекра-

тилось—и огнедышущая гора пришла въ свое прежнее естественное состояніе.

22-го Апрѣля.

**Святой Θεодоръ, архимандритъ Сикеотскія обители,
епископъ Анастасіопольскій.**

У красавицы Маріи, жительницы городка Сикеона въ Галатіи, родился сынъ, названный во святомъ крещеніи Θεодоромъ (Галатія— бывшая область грекоримская, въ Азіатской Турціи, по обѣ стороны средняго теченія рѣки Кизиль-Ирмака, впадающей въ Черное море. Сикеона нынѣ не существуетъ. Этотъ городъ былъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тогдашней Анкиры, а теперешней Ангоры.) Отецъ Θεодора, Козьма, состоялъ въ числѣ придворныхъ чиновниковъ тогдашняго Грекоримскаго императора Іустиніана Великаго (527 — 565; пам. 14 ноября). О будущей судьбѣ младенца Марія предугнала еще во время своей беременности. Ей снилось, будто въ нее снизошла нѣкая большая звѣзда. Какъ всѣ женщины Марія любопытствовала спросить о видѣнномъ снѣ у нѣкоего праведнаго отшельника. Старецъ пояснилъ сонъ тѣмъ, что у Маріи родится сынъ, который будетъ знаменитъ не воинскими подвигами, но добродѣтелями и святостью жизни.

Мать намѣревалась сына посвятить воинской службѣ; но святой великомученикъ Георгій (см. ниже) явился во снѣ Маріи, и повѣстилъ: «Не трудись напрасно. Царь Небесный требуетъ твоего сына». Марія не поняла точнаго смысла словъ великомученика, и полагала, что Θεодоръ будетъ не долговѣченъ. По восьмому году Θεодора отдали учиться. Мальчикъ учился прекрасно, велъ себя благоправно, былъ кротокъ и благочестивъ.

Въ домѣ Маріи, жившей съ матерью своею и сестрою, имѣлъ пристанище нѣкій старецъ, человекъ праведной жизни и пост-

никъ. Оеодоръ замѣтилъ, что старецъ Великимъ постомъ питается только единожды въ день, и то вечеромъ, вкушая небольшой ломтикъ хлѣба съ водою. Мальчикъ вздумалъ подражать старцу. Возвращаясь изъ училища въ обѣденное время, Оеодоръ сталъ отказываться отъ пищи, и только вечеромъ съѣдалъ немного хлѣба съ водою. Когда же мать начала настаивать, чтобы Оеодоръ ѣлъ, то онъ, въ обѣденное время, пересталъ являться домой, и уходилъ въ церковь, а оттуда опять въ училище. Марія спрашивала, отчего онъ въ обѣденное время не возвращается домой; святой отрокъ отвѣтствовалъ обыкновенно, что не зналъ урока, и потому оставленъ былъ въ училищѣ доучивать. Церковь великомученика Георгія, которую посѣщалъ Оеодоръ, стояла на горѣ. Каждый разъ, когда онъ поднимался на гору, къ нему являлся свѣтлый юноша. Это былъ великомученикъ. Онъ, великомученикъ Георгій, самъ вводилъ Оеодора въ свой храмъ, и тамъ мальчикъ, во все обѣденное время, молился и читалъ Священное Писаніе. Наконецъ Марія узнала, что сынъ ея вовсе не оставляется въ училищѣ, а уходитъ въ церковь святаго Георгія. Мать и просила Оеодора, и грозила, но мальчикъ не унимался, продолжалъ уходить въ обѣденное время въ церковь и ѣсть по вечерамъ хлѣбъ съ водою. Отъ такого воздержанія, онъ похудѣлъ. Марія опасалась за его здоровье, но ничего не могла подѣлать.

Наконецъ Оеодоръ началъ уходить въ церковь и по ночамъ. Обыкновенно это происходило такъ. Въ извѣстный часъ являлся въ спальню великомученикъ Георгій, будилъ Оеодора и уводилъ въ церковь. Во время пути, святой Георгій охранялъ отрока отъ хищныхъ звѣрей и отъ всякой опасности. Мать начала замѣчать, что сынъ ея куда-то уходитъ по ночамъ, и стала слѣдить. Однажды, отправилась со слугами слѣдомъ за Оеодоромъ. Силою вывела его изъ церкви, строго наказала, и на слѣдующую ночь, чтобы онъ не ушелъ, привязала къ кровати. Но вдругъ матери Оеодора, бабкѣ и теткѣ явился великомученикъ Георгій во снѣ, и сказалъ: «Если вы еще станете запрещать Оеодору ходить въ церковь, — я отсѣку вамъ головы». Проснулись женщины, и стали пересказывать другъ другу сонъ, изумляясь, что всѣ три видѣли одно и то же и слышали одни и тѣ же слова. Видя въ случившемся перстъ Божій, ни мать, ни бабка, ни тетка уже болѣе не препят-

ствовали Θεодору ходить въ церковь и питаться когда и чѣмъ хочетъ.

По двѣнадцатому году, Θεодоръ однажды отправился въ ближнюю къ дому церковь. Тамъ, утомясь отъ молитвы, вздремнулъ и услышалъ голосъ Господень, возвѣщавшій: «Подвизайся, Θεодоръ, получишь награду въ царствѣ небесномъ. Я прославлю тебя между людьми». Съ тѣхъ поръ Θεодоръ еще болѣе началъ молиться, поститься, и разъ, въ продолженіи всего Великаго поста, затворясь въ отдаленной комнатѣ, пробылъ въ безмолвіи.

Скоро ненавистникъ рода человѣческаго, дьяволъ, позавидовалъ подвижничеству юнаго Θεодора и замыслилъ его погубить. Принявъ видъ одного изъ сотоварищей по училищу, бѣсъ пришелъ къ Θεодору и упросилъ его пойдти съ нимъ погулять. Во время прогулки дьяволъ поднялся съ Θεодоромъ на крутой обрывистый холмъ. «Когда-то ты въ училищѣ, сказалъ злой духъ, отличался смѣлостью. Ну-ка, покажи храбрость: спрыгни внизъ». — «Нѣтъ, боюсь, слишкомъ высоко», отвѣчалъ Θεодоръ. — «Полно трусить, продолжалъ искушитель, прыгай!» — «Хорошо, сказалъ Θεодоръ: попробуй ты сперва, а тамъ и я слѣдомъ спрыгну». — Бѣсъ прыгнулъ внизъ и, ставъ на ноги, началъ звать Θεодора къ себѣ. Святый удивился, и думалъ: откуда товарищъ набрался храбрости; вѣдь въ училищѣ отличался трусостью. Въ это время предъ Θεодоромъ предсталъ великомученикъ Георгій и, взявъ его за руку, промолвилъ: «Не слушай соблазнителя; вѣдь это не товарищъ твой, а злой духъ». И съ этими словами святой отвелъ Θεодора въ свою церковь.

Четырнадцать лѣтъ Θεодоръ вознамѣрился жить при церкви великомученика Георгія и совсѣмъ оставить домъ. Ни мать, ни тетка съ бабушкой уже не препятствовали желанію святаго отрока. Θεодоръ самъ выкопалъ подъ алтаремъ пещерку, и тамъ зажилъ, большую часть времени проводя въ церкви и питаясь только просви-рою подъ вечеръ.

Юношѣ-подвижнику всемогущій Господь соблаговолилъ даровать благодать чудотворенія и власти надъ злыми духами. Какой-то человѣкъ привелъ разъ своего бѣсноватаго сына въ церковь великомученика Георгія, и умолялъ Θεодора исцѣлить. Θεодоръ не зналъ что дѣлать и какъ помочь несчастному бѣсноватому, и пото-

му отказывался отъ такого дѣла. Тогда отецъ бѣсноватаго далъ Θεодору бичъ и сказалъ: «Рабъ Божій, не смущайся, начни бить сына моего бичемъ, и приговаривай: изыди, духъ злый, изъ этого отрока во имя Господа моего». Скромный Θεодоръ, зардѣвшись отъ смущенія, исполнилъ, что указывалъ отецъ бѣсноватаго. И дьяволъ оставилъ тотчасъ же недужнаго. Но, выходя, бѣсъ началъ стонать и вопить, жалуясь на судьбу свою, что вотъ, молъ, дѣло дошло до того, что нынѣ мальчики помышляютъ злыми духами.

Совершенствуясь въ подвигахъ, святой Θεодоръ рѣшился удалиться въ совершенное безмолвіе и уединеніе куда нибудь въ пустыню. О своемъ рѣшеніи онъ сообщилъ только одному дьякону, котораго упросилъ приносить ему время отъ времени хлѣбъ и воду. Когда дьяконъ изъявилъ согласіе исполнить желаніе, Θεодоръ удалился въ одну гору и тамъ сталъ жить въ собственноручно ископанной пещерѣ. Дьяконъ засыпалъ землею входъ въ пещеру снаружи, оставивъ только оконце, чрезъ которое подавалъ юношѣ отшельнику хлѣбъ и воду. Два года провелъ въ пещерѣ святой. Мать и родственники, да и народъ, привыкшіе видѣть Θεодора при церкви великомученика Георгія, горевали, не доумѣвая куда могъ дѣться Θεодоръ. Наконецъ печаль и сокрушенія матери разжалобили дьякона, и онъ открылъ гдѣ находится ея сынъ. Марія съ сестрою своею пожелала видѣть дорогое дѣтище. Пошли къ пещерѣ, откопали входъ, и что же увидѣли? — Еле-дышущаго, осунувшагося постника. Когда его вывели на свѣтъ, — глазамъ представилось ужасное зрѣлище. Во-первыхъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ мрачномъ подземельи, чистый воздухъ и дневной свѣтъ такъ повліяли, что Θεодоръ нѣсколько часовъ пробылъ безъ чувствъ. Во-вторыхъ, увидѣли, что голова подвижника покрылась струпьями. Горько всплакалась мать, глядя на послѣдствія такого самоумерщвленія сына. Его повели прежде всего въ церковь великомученика Георгія, при которой Θεодоръ и пожелалъ остаться, но никакъ не возвратиться домой, какъ намѣревалась сдѣлать мать. Спустя нѣсколько дней здоровье молодого подвижника восстановилось, и струпья съ головы исчезли.

Мѣстный епископъ, узнавъ о подвигахъ Θεодора, удивился, и возвелъ его сперва въ причетники, а потомъ, какъ достойнѣйшаго,

рукоположилъ во священника, не смотря на то, что Θεодору шелъ только восемнадцатый годъ. Спустя нѣкоторое время пресвитеръ Θεодоръ отправился на поклоненіе Гробу Господню во святыи градъ Іерусалимъ. Обойдя святыя мѣста, юный пресвитеръ посѣтилъ всѣ ближайшія къ Іерусалиму монастыри. И въ одномъ изъ нихъ, Хозевитской лаврѣ, что близъ рѣки Іордана, постригся въ монахи.

Возвратясь на родину, преподобный Θεодоръ остался жить опять при церкви великомученика Георгія, служа предъ престоломъ Божиимъ, и, по благодати Господней, цѣля болѣзни и изгоняя бѣсовъ.

Ревнуя благоугождать Богу, преподобный Θεодоръ всѣми средствами умерщвлялъ плоть свою. Такъ онъ приказалъ сковать клѣтку, величиною такую, чтобы въ ней можно было только стоять; но безъ верху. Эту клѣтку поставили на вершину пещеры при церкви великомученика Георгія. Преподобный часто запирался въ клѣткѣ и проводилъ цѣлые дни и ночи въ бодрствованіи и молитвѣ, претерпѣвая зной, морозъ, снѣгъ, дождь и всякія воздушныя перемѣны. Не довольствуясь симъ, Θεодоръ носилъ тяжелые желѣзные сапоги, такіе же нарукавники (поручи), и броню, вмѣстѣ рубашки, опоясывался желѣзною цѣпью и ходилъ съ желѣзнымъ посохомъ, на верху котораго былъ желѣзный крестъ. Жизнь проводилъ онъ такимъ образомъ: отъ Богоявленія (Крещенія) до Пасхи неизменно жилъ въ пещерѣ, обремененный сейчасъ сказанными желѣзами. Постъ Пасхи затворялся въ желѣзной клѣткѣ. Во весь Великій постъ вкушалъ только по субботамъ и воскресеньямъ немного овощей или черстваго хлѣба.

И Господня благодать не переставала изливаться на преподобнаго. Не только дикія хищныя животныя были послушны Θεодору, но и самыя бѣсы безмолвствовали и безсилѣли предъ нимъ. Жители одной мѣстности явились къ преподобному и умоляли избавить ихъ отъ наводженій дьявольскихъ. «Помоги намъ, отче, говорили они; мы не имѣемъ покоя отъ продѣлокъ злаго духа. Да и не люди одни, даже скотъ нашъ не въ безопасности, въ особенности послѣ солнечнаго захода. Бѣсы творятъ намъ всякія пакости». Преподобный отправился въ страшную мѣстность, приказалъ выкопать пе-

щеру, затворился и провелъ въ ней цѣлую зиму, въ обычныхъ подвигахъ, до Святой Пасхи. Бѣсы исчезли и, удаляясь, жалобно стонали, заявляя, что виною ихъ ухода Θεодоръ. Мѣстные жители такую возымѣли вѣру къ Θεодору, что брали землю отъ пещеры преподобнаго—и она обнаруживала цѣлебныя свойства въ болѣзненныхъ. Если бѣсы смирялись, то про хищныхъ животныхъ и говорить нечего. Напримѣръ, огромные медвѣдь и волкъ три года приходили къ Θεодору и принимали изъ его рукъ пищу. По пути же къ преподобному и отъ него эти хищники никому не дѣлали вреда. Самая одежда—и та обладала цѣлебными свойствами. Одинъ священникъ, страдая проказою, только что возложилъ на себя платье преподобнаго, какъ мгновенно выздоровѣлъ. Однажды привели къ Θεодору бѣсноватую женщину. Бѣсъ началъ кричать, устами больной, что онъ не самъ, своею волею, вошелъ въ женщину, но по приказу чародѣя Θεодора Караппоса. Преподобный изгналъ изъ женщины бѣса. Жители мѣстности, откуда была избавленная отъ злаго духа женщина, вскорѣ пришли къ Θεодору и умоляли угодника Божія спасти ихъ отъ саранчи. Преподобный отправился къ нимъ. Ночь провелъ въ мѣстной церкви, а на утро сперва обошелъ съ литіею всѣ поля и виноградники, гдѣ залегала саранча. Потомъ взялъ три саранчи, и началъ молиться объ избавленіи жителей отъ бѣды. Саранча поколѣла въ рукѣ преподобнаго. «Пойдемъ теперь, братія, въ церковь, возблагодаримъ Господа». Пошли. Θεодоръ совершилъ литургію. И на слѣдующее утро вся саранча подохла. Чародѣй Караппосъ, видя все случившееся, распалился завистью къ Θεодору и посылалъ злыхъ духовъ умучить преподобнаго до смерти. Но бѣсы днемъ не смѣли къ угоднику Божію приблизиться потому, что онъ безпрестанно держалъ молитву на устахъ. Ночью же зарились-было нечистые духи подступиться къ Θεодору, но каждый разъ ихъ опалялъ чудный пламень, исходившій отъ устъ угодника Божія. «Не можемъ ничего съ нимъ подѣлать!» жаловались Караппосу бѣсы. Тогда Караппосъ умыслилъ отравить преподобнаго. Онъ послалъ ему въ подарокъ начиненную ядомъ рыбу. Θεодоръ, когда наступило время вкушенія пищи, по обычаю, съ молитвою сталъ ѣсть, и остался цѣлъ и невредимъ. Караппосъ пришелъ въ ужасъ, сжегъ свои чародѣйскія книги, крестился и былъ добрый сынъ Церкви Христовой.

Нѣсколько ранѣе сего случая, къ Θεодору пришель въ великомъ горѣ завѣдывающій хозяйствомъ (экономъ) одной изъ сосѣдней къ Сикеону церквей. Онъ послалъ слугу собирать деньги за наемъ церковныхъ имѣній. Слуга собралъ деньги, но бѣжалъ съ ними. «Помоги, отче, вопіялъ экономъ. Пусть лучше бѣглець возьметъ все мое состояніе, только бы возвратилъ деньги церковныя». — «Иди съ Богомъ, отвѣтствовалъ Θεодоръ. Господь милостивъ. Только дай слово не дѣлать похитителю никакого зла». Экономъ общался. Преподобный помоллся, — и похититель вскорѣ былъ обрѣтенъ въ весьма странномъ состояніи. Связанный молитвою угодника Божія, онъ топтался на одномъ мѣстѣ, но не могъ двигаться ни впередъ, ни назадъ. Самому же похитителю казалось, что онъ бѣжитъ. Похитителя взяли и отвели къ эконому, который, отобравъ украденное, отпустилъ негодяя.

Около церкви великомученика Георгія, гдѣ спасался преподобный Θεодоръ, стали селиться благочестивые люди, желавшіе жить подъ руководствомъ Θεодора, и подвизаться на путяхъ добродѣтелей. Съ теченіемъ же времени здѣсь учредилась цѣлая обитель Сикеотская, и Θεодоръ былъ избранъ ея архимандритомъ. Появились новые храмы, а существовавшая церковь великомученика Георгія заново перестроена и весьма увеличена.

Для Сикеотской обители потребовались священные сосуды, и архимандритъ Θεодоръ отправилъ дьякона въ Константинополь купить серебряные сосуды. Между купленными драгоценностями, одинъ сосудъ отличался необыкновенною красотою и художественностью отдѣлки. Но архимандритъ, взглянувъ на него, сказалъ дьякону и всѣмъ бывшимъ при этомъ: «Сосудъ дѣйствительно хорошо и искусно сдѣланъ, но онъ нечистъ и оскверненъ. А чтобы вамъ доказать, что говорю правду, помолимся сперва, а потомъ посмотримъ». Помолились. Послѣ сего всѣ взглянули на сосудъ, и увидѣли, что онъ черенъ какъ уголь. Но едва покупавшій его дьяконъ взялъ въ руки, чтобы отвезти обратно въ Константинополь и промѣнять на другой, какъ почернѣйшій сосудъ оялъ просвѣтлѣлъ. Прибывъ въ столицу Греческаго царства, дьяконъ тотчасъ же отправился въ золотыхъ дѣлъ мастеру, у котораго покупалъ сосудъ, и рассказалъ о случившемся. Золотыхъ дѣлъ мастеръ сталъ припоминать, отъ кого

онъ приобрѣлъ сосудъ, и оказалось, что драгоценность эта куплена отъ одной развратницы. Прозорливость и чудо, совершившееся съ сосудомъ, такъ подѣйствовали на золотыхъ дѣлъ мастера, что онъ пожертвовалъ новый сосудъ и другія серебряныя и золотыя вещи для Сикеотской обители.

Вздумалось архимандриту Сикеотской обители вторично побывать въ Іерусалимѣ, какъ разъ въ то самое время, когда въ Палестинѣ стояли сильные жары и бездожіе. Напрасно совершались молитвенныя пѣнія о ниспосланіи дождя и прохлады. Жары не унимались и дождя не было. Нѣкоторые изъ жителей галатійскихъ, бывшихъ въ то время въ Іерусалимѣ, съ увѣренностью толковали, что будь здѣсь Θεодоръ Сикеотъ, — его молитву Господь услышалъ бы. И потому велика была радость іерусалимлянъ, когда они узнали, что преподобный архимандритъ въ скорости прибудетъ во святыи градъ. Едва онъ прибылъ и появился въ Іерусалимскомъ храмѣ, какъ Θεодора со всѣхъ сторонъ окружили и монахи и міряне съ просьбами помолиться о дождѣ и прохладѣ. Долго преподобный отпѣкивался, считая себя недостойнымъ. Но тѣ настаивали. Смиранный Θεодоръ уступилъ просьбамъ. Совершена была литія и потомъ пошли за городъ съ крестнымъ ходомъ. Здѣсь за городомъ, въ присутствіи множества народа, преподобный Θεодоръ, съ распростертыми къ небу руками, началъ молиться. И на безоблачномъ доселѣ небѣ появилось маленькое облачко, которое скоро разрослось въ громадную тучу. Вслѣдъ затѣмъ, не успѣлъ еще крестный ходъ достигнуть города, какъ пошелъ проливной дождь, не перестававшій продолжительное время.

Пришлось воеводѣ греческихъ войскъ Маврикію, возвращаясь изъ похода противъ персовъ, слѣдовать чрезъ Галатію. Благочестивый Маврикій не преминулъ посѣтить преподобнаго Θεодора Сикеота. Угодникъ Божій благословилъ воеводу и предрекъ ему царскій престолъ, что и исполнилось въ 582 году (Маврикій царствовалъ съ 582 — 602 г.; пам. 28 ноября). Принявъ правленіе царствомъ Греческимъ, благочестивый Маврикій послалъ Θεодора просить, чтобы онъ помолился Царю Царствующихъ о ниспосланіи на царство благословенія. вмѣстѣ съ тѣмъ Маврикій приказалъ спросить у преподобнаго не желаетъ-ли онъ чего отъ царя. Θεодоръ отпра-

вилъ въ Константинополь одного изъ учениковъ своихъ съ письмомъ къ императору. Въ этомъ посланіи къ царю Маркіану Θεодоръ благодарилъ государя за милостивое вниманіе, и пояснилъ, что монастырь ни въ чемъ не нуждается, кромѣ хлѣба *для раздачи немущимъ*. Таково было нелюбостяжаніе и смиреніе угодника Божія! Онъ не проситъ ни почестей, ни злата себѣ, а только хлѣба для прокормленія бѣдныхъ! Уже это одно безмѣрное состраданіе къ ближнему составляетъ высокую добродѣтель, достойную всякаго почета. Императоръ повелѣлъ изъ запасовъ Галатійской области отпускать Сикеотскому монастырю ежегодно значительное количество пшеницы, и послалъ, кромѣ того, въ даръ драгоценные церковные сосуды.

Наконецъ, Господу угодно было, возвеличить еще болѣе раба Своего, архимандрита Θεодора Сикеота, возведеніемъ на святительскій престолъ. Въ городѣ, нынѣ не существующемъ уже, Анастасіополь, умеръ епископъ. Граждане отправились къ митрополиту Анкирскому (Анголускому), которому подчинялась епископія Анастасіопольская, и единогласно просили назначить имъ епископомъ архимандрита Сикеотскаго Θεодора. Митрополитъ съ великою радостью изъяснилъ согласіе исполнить желаніе анастасіопольцевъ. Но преподобный Θεодоръ, бѣгая славы, ни за что не хотѣлъ принять сана епископскаго. Онъ затворился въ своей пещерѣ при храмѣ Георгія Побѣдоносца, и не хотѣлъ ни отвѣчать, ни выходить къ собравшимся анастасіопольцамъ. Граждане рѣшились силою добыть себѣ желаннаго епископа. Они ворвались въ пещеру, извели оттуда Θεодора и, какъ бы подъ присмотромъ, отвезли преподобнаго въ Анкиру (Анголусу) къ митрополиту, для посвященія. Видя волю Господню, Θεодоръ не посмѣлъ уже сопротивляться, и согласился принять жезлъ епископскій. Время отъ времени новопоставленный святитель посѣщалъ Сикеотскую обитель, и отдыхалъ здѣсь отъ трудовъ по управленію паствою. Въ третій разъ, наконецъ, отправился святой Θεодоръ въ Іерусалимъ. Обходя, какъ простой монахъ, окрестныя обители, онъ прибылъ въ монастырь святаго Саввы Освященнаго († 532; пам. 5 декабря). Здѣсь попросилъ у настоятеля келію, и пробылъ въ ней отъ Рождества до Пасхи, никѣмъ не тревожимый. Никто не подозрѣвалъ въ скромномъ инокѣ препрославленнаго подвижника, чудотворца и святителя Θεодора. Тишина монастырскаго уединенія настолько

правила смиреной душѣ угодника Божія, что онъ вознамѣрился было болѣе не возвращаться въ свою епархію. Но вотъ въ одну ночь предъ Θεодоромъ предсталъ великомученикъ Георгій, и, подавая ему посохъ, сказалъ: «Торопись домой; не подобаетъ медлить болѣе». — «Не пойду на родину, отвѣчалъ святитель, потому что тягочусь саномъ епископскимъ.» — «Я скоро освобожу тебя отъ епископства, возразилъ Георгій; но теперь спѣши въ епархію, тамъ сокрушаются и оскорбятъ о тебѣ».

Покорный волѣ Божіей, святитель возвратился во-свояси. Пробывъ на архіерейскомъ престолѣ всего одиннадцать лѣтъ, онъ служилъ на пользу духовную и тѣлесную не только своей паствѣ, но и всѣмъ ближнимъ и дальнимъ, нуждавшимся въ его помощи. «Во-истину, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, знаменитый составитель Житій Святыхъ, сей преподобный на престолѣ архіерейскомъ, какъ свѣча на свѣщникѣ (подсвѣчникѣ), поставленъ будучи, свѣтомъ міру явился, безчисленными чудесами и предивною жизнію своею просвѣщая и удивляя поднебесную». Современникъ же Θεодора Сикеота, пустынножитель Антіохъ († 634; пам. 24 дек.) говоритъ о святителѣ: «Я не видалъ иного такого святаго мужа и даже не слышалъ ничего подобнаго доселѣ».

Какъ ни добродѣтеленъ былъ Θεодоръ, какъ ни угоденъ Богу, но не миновалъ злобы и зависти человѣческой. Среди приближенныхъ къ святителю нашлись тайные враги, которые задумали извести его. Злодѣямъ удалось, по поущенію Божію, преподнести отраву. Дѣйствіе яда оказалось столь сильнымъ, что святой Θεодоръ трое сутокъ лежалъ недвижимъ и безгласенъ. По городу уже распространился слухъ, что епископъ умираетъ. Но Господь не допустилъ совершиться лихому дѣлу. Онъ прославилъ угодника Своего и посрамилъ человѣконенавистниковъ, враговъ святителя. По прошествіи трехъ сутокъ, святой Θεодоръ удостоился несказаннаго счастья. Недвижимо лежащему на одрѣ болѣзни архіерею явилась Сама Пресвятая Богородица. Она повѣдала Θεодору причины его болѣзни, и наименовала низкихъ людей, которые поднесли ему отраву. вмѣстѣ съ тѣмъ Царица Небесная дала Θεодору три какія-то зерна, и сказавъ: «Съѣшь эти зерна, и болѣзнь твоя пройдетъ», стала невидима. Архіерей Божій съѣлъ три чудныя зерна, и тотчасъ

же выздоровѣлъ. Поднявшись исцѣленнымъ съ постели, онъ, въ умиленіи сердца, палъ на колѣни и благодарилъ Господа Іисуса Христа и Его Пречистую Матерь за неисчетныя къ нему милости. Злодѣевъ же отравителей Θεодоръ не только не обличилъ, но никому не сказалъ о нихъ, и молился—да не поставитъ Богъ злодѣяній ихъ въ грѣхъ.

Угодникъ Божій чуждъ былъ любостыжательности, не собиралъ богатствъ и сокровищъ. Такъ, напримѣръ, по установленному обычаю, на продовольствіе архіерея отпускалось ежедневно по золотому. Изъ трехсотъ шестидесяти пяти золотыхъ въ годъ, Θεодоръ тратилъ только сорокъ, а остальные отдавалъ на нужды церковныя. Всѣ получаемые посторонніе доходы и подарки отъ паствы онъ тратилъ на помощь бѣднымъ.

По прошествіи одиннадцати лѣтъ святительства, Θεодоръ получилъ извѣщеніе свыше, что можетъ исполнить давнишнее свое желаніе—удалиться изъ Анастасіополя и возвратиться въ Сикеотскую обитель. Возблагодаривъ Господа за новую милость, святыи упросился на покой и, свободный отъ заботъ по управленію епархіей, водворился въ Сикеотскомъ монастырѣ. Здѣсь, пребывая въ безмолвіи, непрестанной молитвѣ, постѣ и подвигахъ, святитель часто служилъ литургіи. Нѣкоторые изъ сослужащихъ удостоивались видѣть явное дѣйствіе благодати Духа Святаго при священнодѣйствіи Θεодора. На Святые Дары обыкновенно благодать Духа Святаго нисходила въ видѣ сіяющаго багряновиднаго (темнокраснаго) покрывала. При этомъ лицо Θεодора принимало чудное выраженіе и озарялось неизъяснимымъ божественнымъ свѣтомъ. Однажды, въ день святаго мученика Антіоха (пострад. при Діоклитіанѣ; пам. 16 іюля), святитель совершалъ Божественную литургію. Когда наступило время возношенія Даровъ, и Θεодоръ, поднявъ дискось со Святымъ Агнцемъ, произнесъ: «Святая Святымъ»,—Божественный Агнецъ Самъ Собою поднялся въ высоту на воздухъ, и потомъ опустился въ обычное мѣсто, на дискось. Это чудо видѣли всѣ священнослужители, окружавшіе престоль.

Благочестивый царь Греческій Маркіанъ и святѣйшій патріархъ Константинопольскій Киріакъ (599—606), издавна слышавшіе о святости жизни Θεодора Сикеота, пожелали его видѣть у себя. Святыи

исполняя волю царскую и патриаршую, отправился въ Царьградъ. Какъ путь до столицы, такъ и самое пребываніе въ Константинолѣ ознаменовались рядомъ чудотвореній, совершенныхъ святителемъ по благодати Духа Святаго. Царь и патриархъ приняли Θεодора съ великимъ почетомъ. И во второй разъ, въ послѣдствіи, пришлось быть угоднику Божію въ Цареградѣ, но уже при другомъ царѣ, злочестивомъ Фокѣ (602—610). Въ этотъ послѣдній разъ онъ приглашенъ былъ патриархомъ, святымъ Θεомомъ (См. Избр. Жит. Св. Марта 21). Разъяснивъ, какъ уже извѣстно изъ разсказа о святомъ Θεомѣ, значеніе сокрушенія хоругвей во время крестного хода, Θεодоръ Сикеотъ оставался въ Цареградѣ до кончины патриарха. Возвратясь на родину, святой прожилъ всего только три года. Незадолго предъ блаженной кончиной угодника Божія, два раза въ сонномъ видѣніи являлся ему великомученикъ Георгій. Въ первый разъ Побѣдоносецъ подалъ Θεодору посохъ и звалъ съ собою въ далекій путь. Во второй разъ Георгій явился верхомъ, имѣя другаго коня въ поводу. «Сядись, Θεодоръ, изрекъ великомученикъ святителю, и поѣзжай за мной». Изъ этихъ видѣній подвижникъ Христовъ Θεодоръ проразумѣлъ близкую кончину свою. Собравъ учениковъ своихъ, угодникъ Божій съ великою радостію сообщилъ имъ объ отшествіи своемъ ко Господу, и даже назначилъ самое время—именно по прошествіи праздникова Пасхи. 22 апрѣля 613 года, въ третій годъ царствованія императора Ираклія (610—641), великій подвижникъ и чудотворецъ, съ радостною улыбкою на лицѣ и благодарственною молитвою на устахъ, предалъ святую душу свою въ руцѣ Божіи. Въ IX вѣкѣ нетлѣнныя мощи святителя Θεодора Сикеота перенесены были въ Царьградъ.

23 Апрѣля.

Святые: великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій, царица Александра и мученики Анатолій, Протолеонъ, Аѳанасій и Гликерій.

Изъ жизни св. Θεодора Сикеота уже извѣстно нѣсколько чудесныхъ дѣяній Георгія Побѣдоносца. Здѣсь же предлагается наиболѣе подробный рассказъ объ этомъ великомученикѣ.

Въ царствованіе Римскаго императора - язычника Діоклитіана (284—305), въ римскомъ войскѣ находился двадцатилѣтній тысяченачальникъ Георгій, необыкновенно храбрый и красивый. Уроженецъ Каппадокійскій (Каппадокія—въ Малой Азіи, срединная область между Евфратомъ и озеромъ Тусчелія), онъ былъ сынъ знатныхъ, богатыхъ и благочестивыхъ родителей. Отца, скончавшагося мученикомъ за Христа, Георгій лишился еще въ дѣтствѣ. Мать-же, овдовѣвъ, переселилась изъ Каппадокіи въ Палестину, въ городъ Лидду (нынѣ Люддъ, на юговостокъ отъ гор. Яффы). Въ то время, въ которое совершаются событія настоящаго рассказа, родительницы Георгія также не было въ живыхъ, и молодой тысяченачальникъ оставался полновластнымъ распорядителемъ богатствъ, имѣній и множества рабовъ.

Въ началѣ 303 года по Р. Хр., Георгій находился въ городѣ Никомидіи (нынѣ Искія, у Мраморнаго моря), въ свитѣ императора Діоклитіана, стремившагося искоренить христіанство въ Римской имперіи. Что это была за ужасная пора,—тому служитъ свидѣтельство нѣкоторыхъ, современныхъ Діоклитіану писателей. Напримѣръ, Лактанцій (ум. въ 325 г.), говоритъ:.. «Если бы у меня была сотня устъ и желѣзная грудь, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, вынесенныхъ христіанами». Другой, Евсевій (267—338), бытописатель церковный, выражается такъ: «Я самъ видѣлъ какъ желѣзо притуплялось и ломалось, и сами убійцы (христіанъ), утомившись, поочередно мѣняли другъ друга»!

Въ присутствіи Георгія собрался въ Никомидіи богомерзкій совѣтъ язычниковъ, на которомъ опредѣлено не давать никакой по-

щадь христіанамъ. Возмутилось благородное, благочестивое сердце Георгія отъ такого безчеловѣчнаго рѣшенія Діоклитіана совокупно съ его сановниками. Какъ безстрашно выступалъ юный тысяченачальникъ Георгій предъ рядами непріятельскими въ битвахъ за царя земного, такъ нынѣ безстрашно рѣшился онъ выступить съ обличеніемъ предъ врагами Христа. Увѣренный, что изобличеніе языческихъ заблужденій и защита христіанства не пройдутъ ему даромъ, Георгій приготовился къ смерти. Прежде всего, всѣ бывшія при немъ сокровища, золото и серебро и богатая одежда онъ роздалъ бѣднымъ, а слугъ отпустилъ на свободу. Объ имѣніяхъ же, находившихся въ Палестинѣ, на родинѣ, и оставшихся рабахъ своихъ Георгій также распорядился, отписавъ управителю—имѣнія продать и деньги раздать бѣднымъ, а рабамъ даровать свободу. Послѣ сего, въ одинъ изъ дней, когда собрался нечестивый совѣтъ язычниковъ, подъ предсѣдательствомъ Діоклитіана, Георгій явился въ засѣданіе. «Долго-ли, государь, и вы, его совѣтчики, будете возставать противъ христіанъ, началъ говорить Георгій. Доколѣ кровь неповинныхъ проливаться будетъ? Вы всѣ поставлены заботиться о благѣ подданныхъ Римскаго царства, а между тѣмъ являетесь ихъ палачами. И за что? За то, что нѣкоторые изъ принадлежащихъ Римской державѣ—христіане—не хотятъ кланяться вашимъ пустымъ, безсмысленнымъ идоламъ. За то, что они чутъ единого, истиннаго, всемогущаго, вѣчнаго Бога, во Святой Троицѣ славимаго, Творца, небу и земли. Образумьтесь-же, и присоединитесь къ христіанамъ. Если-же сего не хотите,—по крайней мѣрѣ оставьте въ покоѣ христіанъ, и не смущайте ихъ покоя». Смѣлая, благородная рѣчь юнаго тысяченачальника, какъ громъ, поразила сановниковъ и Діоклитіана. Не находя что возражать Георгію, Діоклитіанъ поручилъ сановнику Магненцію переговорить съ Георгіемъ. «Кто тебя побудилъ, спросилъ Магненцій, на такія дерзновенныя рѣчи?» — *Георгій*. Истина.—*Магненцій*. Что это за истина?—*Георгій*. Истина—Самъ Іисусъ Христосъ, гонимый вами.—*Магненцій*. Да ты развѣ христіанинъ?—*Георгій*, Да, я рабъ Христа, Бога моего. На Него надѣюсь, и пришелъ сюда свидѣтельствовать объ Истинѣ.—Послѣ сего самъ Діоклитіанъ, сказалъ: «И прежде и нынѣ всегда считалъ тебя и считаю храбрымъ и мужественнымъ. Хотя теперь мужество и смѣлость

твои вовсе не къ мѣсту, но, сожалѣя твою молодость, я снисхожу къ тебѣ. Совѣтую оставить пустыя бредни, присоединиться къ намъ, чѣмъ защищать непокорливыхъ и ненавистныхъ христіанъ. Принеси же жертвы милостивымъ богамъ, и удостоишься отъ насъ наивысшей награды.»—«Твои награды, государь, возразилъ Георгій, ничтожны въ сравненіи съ наградой вѣчною отъ Царя Небеснаго, Которому служу. И потому не трудись прельщать меня и склонять къ беззаконію. Ни что, ни даже самая смерть не заставятъ меня отвергнуться Христа и поклониться бездушнымъ идоламъ». Озлобился Діоклитіанъ и приказалъ оруженосцамъ, копьями изгнавъ Георгія изъ собранья, отправить въ тюрьму, и тамъ забить ему ноги въ колодки, а на грудь взвалить громадный камень. До утра страдалецъ лежалъ подъ тяжестью камня, и въ этомъ истязаніи не переставалъ молиться Богу. Съ наступленіемъ дня, мученика вызвали въ царю.—«Ну, что, спросилъ мучитель Георгія: одумался, раскаялся»? Георгій, еле-дыша отъ боли въ груди, чуть не раздавленной камнемъ, съ трудомъ, но внятно отвѣтилъ: «Никакія муки, повторяю, не заставятъ меня отречься отъ Христа, и скорѣе ты утомишься отъ мучительства, чѣмъ я отъ мукъ». Тогда Діоклитіанъ приказалъ доставить мучилищное колесо, подъ которымъ укрѣплены были доски съ набитыми въ нихъ, сильно отточенными остріями въ видѣ ножей, крючковъ и иглъ. Георгія раздѣли, привязали къ колесу и начали вертѣть надъ досками. Острія всевозможныхъ видовъ терзали, рвали, кололи тѣло мученика; кровь полилась ручьями, плоть отпадала кусками. Георгій, молясь мысленно Богу, точно не чувствовалъ боли, не испускалъ ни единого стога, и казался спящимъ. Діоклитіанъ, думая, что мученикъ уже умеръ, обрадовался, и воскликнулъ: «О, Георгій, гдѣ твой Богъ! Онъ не пришелъ тебя спасти отъ мукъ и смерти!» И съ этими словами отправился въ капище Аполлона, бога краснорѣчія, стихотворства и музыки. Но вотъ небо покрылось тучами, раздались страшные громовые удары, и многіе слышали голосъ съ неба: «Не бойся, Георгій,—Я съ тобою». Вслѣдъ затѣмъ у колеса явился ангелъ въ видѣ прекраснаго и свѣтоноснаго юноши. «Радуйся!» привѣтствовалъ ангелъ страдальца, и возложилъ на него руку. Никто не посмѣлъ коснуться колеса, пока видимъ былъ ангелъ. Съ его отшествіемъ мученикъ обазлся

отвязаннымъ отъ колеса, и всталъ на землю совершенно здоровый и исцѣленный отъ ранъ. Онъ началъ словословить Творца Небеснаго. Воины, бывшіе у мучилищнаго колеса, пришли въ великій ужасъ отъ всего видѣннаго, и побѣжали въ храмъ Аполлоновъ съ извѣщеніемъ о случившемся. Слѣдомъ за ними явился во храмъ и Георгій, и предсталъ предъ царемъ. Діоклитіанъ изумился, и вообразилъ не привидѣніе-ли это. Но мученикъ громко воскликнулъ:—«Я Георгій!» Пораженные чудомъ, два сановника Анатолій и Протолеонъ—исповѣдали себя христіанами, и тотчасъ же, по приказанію Діоклитіана, обезглавлены. Супруга Діоклитіана, царица Александра, находившаяся въ капищѣ, видя чудесно исцѣленнаго Георгія и слыша о явленіи ангела у мучилищнаго колеса, хотѣла-было заявить себя христіанкою. Но одинъ изъ вельможъ удержалъ царицу отъ сего и увелъ тотчасъ во дворецъ. Діоклитіанъ же приказалъ Георгія бросить въ яму съ негашенною известью, и засыпать. Идучи туда святой не переставалъ молиться вслухъ и просить у Господа помощи къ перенесенію мукъ. «Пошли ангела, Господи, да сохранитъ меня во славу имени Твоего!» восклицалъ Георгій. Связаннаго мученика бросили въ яму съ известью и засыпали. По прошествіи трехъ дней Діоклитіанъ повелѣлъ откопать яму и выбросить оттуда бездыханное тѣло Георгія.—Злочестивецъ былъ вполне увѣренъ,—что Георгій сгорѣлъ въ извести. Какъ же удивились рабочіе-землекопы, увидѣвъ мученика совершенно здоровымъ и невредимымъ. Злочестивый царь, узнавъ объ этомъ чудѣ, приказалъ привести къ себѣ святаго. Діоклитіанъ сталъ спрашивать Георгія, какимъ колдовствомъ избавился онъ отъ смерти.—«Не колдовствомъ, отвѣтствовалъ великомученикъ, но всемогущею силою Бога моего, Которому служу. Сокрушаюсь о вашей духовной слѣпотѣ». Послѣ этого принесли желѣзные сапоги съ набитыми внутри, острыми, длинными гвоздями. Діоклитіанъ приказалъ раскалить сапоги, обуть въ нихъ Георгія и потомъ гнать палками по городу вплоть до тюрьмы. Претерпѣвая ужасныя страданія, великомученикъ просилъ у Бога помощи къ перенесенію мукъ. Господь внялъ моленію Своего раба, и святой, въ ту же ночь, исцѣленъ былъ отъ язвъ на ногахъ. На утро царь позвалъ Георгія, утѣшаясь заранѣе зрѣлищемъ искалѣченнаго страдальца. Но, увы, мечтанія язычника смѣнились

великимъ удивленіемъ, когда онъ увидѣлъ, что Георгій шель быстро, ступалъ твердо, какъ будто наканунѣ ноги его не подвергались никакимъ уязвленіямъ. Тѣмъ не менѣе, желая насмѣяться надъ Георгіемъ, онъ спросилъ: «Ну что, Георгій, хороши-ли были твои сапоги?»—«Прекрасные»! отвѣтствовалъ великомученикъ.—«Перестань же говорить дерзости, будь кротокъ и принеси жертву богамъ, да не лишишься въ мукахъ жизни», убѣждалъ Діоклитіанъ, Но Георгій посмѣялся рѣчамъ язычника. И мучитель велѣлъ бить его сперва по лицу, а потомъ безпощадно по всему тѣлу воловьими жилами. Отъ сѣченія жилами летѣли вырванные изъ тѣла окровавленные куски мяса; но святой не измѣнялся въ лицѣ: оно было свѣтло и покойно. «Нѣтъ, здѣсь не мужество дѣйствуетъ, воскликнулъ Діоклитіанъ, а волшебство». Вельможа Магненцій посовѣтовалъ царю призвать извѣстнаго въ то время чародѣя Аѳанасія. «Онъ, говорилъ вельможа, непременно преодолѣетъ Георгія, и тотъ смирится и раскроетъ всѣ свои чары». Пришелъ Аѳанасій. Ему поручили или уничтожить силу волхвованій Георгія, или же его извести. Чародѣй общался то и другое на слѣдующій день. Георгія отвели въ тюрьму подъ усиленный караулъ, изъ боязни, какъ-бы онъ не ушелъ. Великомученикъ всю ночь провелъ на молитвѣ. «Яви, Господи, взывалъ онъ, милость Твою на мнѣ, да прославится имя Твое всесвятое повсюду»!

Съ наступленіемъ слѣдующаго дня для Діоклитіана со свитою приготовлено было мѣсто на возвышеніи одной изъ городскихъ площадей, суда ради надъ Георгіемъ. Царь прибылъ и возсѣлъ на уготованномъ мѣстѣ. Явился и Аѳанасій съ двумя сосудами. Онъ сказалъ Діоклитіану: «Пусть приведутъ сюда Георгія. Заранѣе предсказываю, что онъ убѣдится въ неотразимомъ могуществѣ нашихъ боговъ и превосходствѣ моей силы. И если желаешь, государь, чтобы осужденный сталъ послушенъ, пусть сперва изопьетъ изъ одного сосуда. Если же нужно покончить съ нимъ навсегда — пусть выпьетъ изъ другаго. Привели великомученика. «Ну, Георгій, сказалъ Діоклитіанъ, теперь конецъ твоимъ волхвованіямъ. Пей»! И Георгію дали пить изъ одного сосуда. Онъ выпилъ—остался невредимъ, и насмѣхался надъ замыслами враговъ. Тогда подали воину Христову другой сосудъ

съ сильнѣйшею отравою. Георгій пилъ и изъ этого сосуда, и ядъ не произвелъ никакого дѣйствія. Изумились Діоклитіанъ и съ нимъ Аѳанасій, и всѣ бывшіе. «Открой намъ, спросилъ Георгія царь въ чемъ заключается сила твоего чародѣйства; какъ ты можешь оставаться постоянно цѣль?»—«Не думай, отвѣчалъ Діоклитіану страдалецъ, что человѣкъ самъ собою можетъ выносить мученія. Христосъ хранитъ вѣрующаго въ Него и призывающаго имя Его всесвятое на помощь. Безъ воли Господней ни одинъ волосъ съ головы не спадетъ. Онъ же научаетъ не страшиться избивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить (Лук. 21, ст. 27). Слѣдуетъ только вѣровать въ Господа, ибо Онъ самъ изрекаетъ: «Вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ» (Іоан. 14; ст. 12).—«А что же твой Господь творитъ?»—спросилъ усмѣхаясь Діоклитіанъ. «Онъ слѣпымъ даетъ прозрѣніе; прокаженныхъ исцѣляетъ; по Его волѣ хромые избавляются отъ хромоты; глухіе слышатъ; изъ бѣсноватыхъ выходитъ злой духъ; мертвые оживаютъ».—«Что ты скажешь на это?» обратился мучитель къ Аѳанасію.—«Удивляюсь притворству этого лицемера, отвѣтствовалъ Аѳанасій. Все, что онъ наговорилъ,—чистая ложь. Мы, пользующіеся благодѣяніями всемогущихъ боговъ, никогда не видывали, чтобы они воскрешали мертвыхъ. Но если Георгій здѣсь всенародно объявилъ, что его Богъ творитъ всевозможныя чудеса,—такъ пусть докажетъ это на дѣлѣ. Пусть онъ именемъ своего Бога воскреситъ мертваго. Да вотъ—невдалекѣ кладбище. Отсюда видна одна могила, въ которой недавно зарытъ знакомый мнѣ человѣкъ. Пускай Георгій воскреситъ его, и мы признаемъ тогда справедливость его словъ и всемогущество его Бога». Царь согласился. Съ Георгія сняли оковы. Великомученикъ палъ на колѣни и долго молился. Потомъ всталъ и, обратясь по направленію къ кладбищу, громко произнесъ: «Боже—Владыка вѣковъ, Боже—всѣхъ милостей и Владыка всякой силы, не посрамляющій уповающихъ на Тебя, Господи Іисусе Христе, услыши раба Твоего смиреннаго. Дай знаменіе этимъ невѣрующимъ и сомнѣвающимся въ Твоемъ всемогуществѣ, воскреси мертвеца на посрамленіе враговъ Имени Твоего всесвятаго и во славу Твою и Твоего Отца и Пречистаго Духа. Покажи предстоящимъ здѣсь, что есть Богъ Единный по всей землѣ. Пусть познаютъ Тебя, Господа всемогущаго».

наго, Которому повинуются все во вселенной и слава Котораго пребываетъ во вѣки аминь». При послѣднемъ словѣ, слышался необыкновенный шумъ и всколебалась земля. Насыпь на могилѣ, на которую указалъ Аѳанасій, обвалилась и разверзлась, и изъ раскрывшагося гроба всталъ и вышелъ мертвецъ. Всѣ до единого свидѣтели воскрешенія пришли въ ужасъ. Волхвъ (чародѣй) Аѳанасій, пораженный происшедшимъ, припалъ къ ногамъ Георгія и исповѣдалъ себя христіаниномъ. Діоклитіанъ же и другіе его прислѣшники, злобствуя противъ христіанъ, никакъ не хотѣли видѣть въ воскрешеніи мертвеца—всемогущества Бога христіанскаго. Они начали разсуждать, что вовсе не случилось дѣйствительнаго воскрешенія мертваго, а просто Георгій силою чаръ своихъ напустилъ тумана, и вышедшій изъ гроба есть не болѣе какъ обманъ зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, Діоклитіанъ, услышавъ, что Аѳанасій увѣровалъ во Христа, приказалъ и его и воскрешеннаго мертвеца обезглавить, что тотчасъ же и исполнено. Георгія же опять заковали въ цѣпи и заключили въ темницу, въ надеждѣ, что онъ поразмыслитъ и обратится въ язычество.

Такъ прошло нѣсколько дней. Во все это время множество народа толпилось у темницы. Платили деньги тюремщикамъ, чтобы только увидѣть великомученика. Припадая къ ногамъ Георгія, язычники, послѣ бесѣды съ нимъ, убѣждались въ истинности христіанства, и присоединялись къ исповѣдникамъ всесвятаго имени Христа Спасителя. Кромѣ обращенія язычниковъ въ христіанство, пребываніе Георгія въ темницѣ ознаменовалось еще многими исцѣленіями недужныхъ и чудесами. Одинъ земледѣлецъ, по имени Гликерій, въ слезахъ и въ отчаяніи приблизился въ великомученику, взывая: «Помоги мнѣ, великій страдалецъ, я совсѣмъ разоренъ. Единственное богатство мое—пара воловъ. Имъ обрабатываю землю и кормлюсь. Но одинъ изъ воловъ во время работы свалился въ пропасть и разбился. Теперь я не могу обрабатывать участка земли, и долженъ голодать съ семьей. Помоги мнѣ!» Сжалился великомученикъ надъ Гликеріемъ, и, съ кроткою улыбкою, сказалъ: «Утѣшься, другъ мой, Христосъ, Господь мой, оживилъ твоего вола. Иди съ миромъ». Гликерій повѣрилъ — и, возвратясь къ пашнѣ, нашелъ разбившагося вола уже живымъ. Въ великой радости Гликерій возвра-

тился въ темницу къ Георгію, и, въ виду народа, разсказалъ о совершившемся чудѣ. «Великъ Богъ христіанскій и славенъ угодникъ Его Георгій!» восклицалъ въ избыткѣ сердца Гликерій. Воины-язычники, услышавъ такія слова, схватили Гликерія и привели къ Діоклитіану, какъ отступника отъ древней римской вѣры. Царь, не приступая ни къ какимъ разспросамъ, отдалъ приказъ отрубить голову Гликерію. Вслѣдъ затѣмъ приступили къ Діоклитіану нѣкоторые изъ сановниковъ. «Долго ли еще Георгій будетъ возмущать и совращать въ христіанство нашихъ единовѣрцевъ, говорили они. Своими чарами онъ привлекаетъ къ себѣ множество народа, который тысячами отстываетъ отъ древне-римской вѣры и становится послѣдователемъ ученія христіанскаго. Умоляемъ тебя, государь, покончить съ этимъ злодѣемъ. Вызови его, и если онъ еще будетъ сопротивляться принести жертвы милостивымъ богамъ, то не медли предать его смерти».

Діоклитіанъ позвалъ сановника Магненція и приказалъ приготовить къ слѣдующему утру мѣсто близъ храма языческаго бога Аполлона (см. выше), для окончательнаго всенароднаго суда надъ Георгіемъ. Ночь, предшествующую суду, Георгій, по обыкновенію, всю провелъ на молитвѣ. Утомленный бдѣніемъ, великомученикъ задремалъ и узрѣлъ во снѣ Господа. Явившійся Христосъ Спаситель возложилъ вѣнецъ на Георгія, и, цѣлуя, изрекъ: «Не бойся, будь мужественъ, ибо сподобишься Царствія Небеснаго со Мною. Не падай же духомъ, скоро получишь воздаяніе за труды». Встрепенулся святой; въ горячей молитвѣ возблагодарилъ Бога за откровеніе объ исходѣ изъ міра страданій, и позвалъ своего слугу. Вѣрный рабъ припалъ съ рыданіями къ ногамъ великомученика и проклиналъ жестокосердіе язычниковъ. «Не плачь, другъ мой, сказалъ Георгій. Благодареніе Господу: скоро мученія мои окончатся, и я предстану предъ всемогущимъ Судією царей и народовъ. Тебѣ же завѣщаю, смиренное тѣло мое, по кончинѣ, отправить въ Палестину, на мою родину». Послѣ сего, обнявъ дружески слугу, великомученикъ простился съ нимъ и отпустилъ. На утро Діоклитіанъ прибылъ на судилище и приказалъ привести Георгія. Сдерживая злобу, лицемерный мучитель началъ ласково бесѣдовать съ великомученикомъ. «Георгій, началъ онъ, я питаю къ тебѣ самыя добрыя намѣренія. Боги свидѣтели тому, что щажу тебя ради твоихъ разума,

мужества, юности и красоты. Я готовъ сдѣлать тебя соучастникомъ своимъ по управленію царствомъ, лишь бы ты пожелалъ почитать боговъ нашихъ. Подумай, и дай отвѣтъ». *Георгій*. Благодарю, государь, за милости ко мнѣ; но ихъ надлежало оказать сперва, а не теперь, когда я испыталъ на себѣ всевозможныя жестокости. *Діоклитіанъ*. Послушай меня, какъ роднаго отца, и за всѣ муки я вознагражу тебя всевозможными почестями. *Георгій*. Если такъ, то войдемъ въ храмъ, я хочу видѣть боговъ, тобою и народомъ твоимъ почитаемыхъ. — Несказанно обрадовался мучитель послѣднимъ словамъ великомученика, и съ торжествомъ, въ сопровожденіи всѣхъ сановниковъ, отправился съ Георгіемъ въ храмъ Аполлона. Язычники огласили воздухъ радостными криками, и превозносили Діоклитіана похвалами за одолѣніе упорства Георгія. Въ храмѣ воцарилась необыкновенная тишина. Всѣ впились глазами въ Георгія, въ ожиданіи, какъ онъ приступитъ къ жертвоприношенію. Георгій подошелъ къ истукану Аполлона, протянулъ къ нему руку, и, какъ бы живому существу, задалъ вопросъ: «Желаешь ли ты отъ меня принять жертву, какъ богъ?» При этомъ великомученикъ сотворилъ крестное знаменіе. Демонъ, обитавшій въ идолѣ, громко крикнулъ: «Я вовсе не богъ, и ни кто изъ насъ не можетъ быть богомъ. Богъ только Одинъ, Тотъ Самый, Которому ты служишь и поклоняешься. Мы же отступники отъ Него, и по злобѣ прельщаемъ людей». — *Георгій*. Какъ же вы, злолюбивые духи, человѣконенавистники, осмѣливаетесь оставаться здѣсь, при мнѣ, служителѣ и почитателѣ Бога Истиннаго? — Въ отвѣтъ на эти слова послышался шумъ, въ воздухѣ распространился необычайный звукъ и печальные голоса начали исходить изъ идоловъ. Затѣмъ всѣ идолы попадали съ своихъ основаній и разбились въ дребезги. Жрецы и нѣкоторые изъ заклятыхъ язычниковъ съ яростью бросились на Георгія и начали бить, крича Діоклитіану: «Скорѣй погуби этого чародѣя, иначе мы всѣ отъ него погибнемъ!» Крики и вопли изъ храма пронеслись по цѣлому городу, среди языческаго населенія, и достигли супруги Діоклитіана, царицы Александры.

Александра, до сихъ поръ втайнѣ исповѣдывавшая христіанство, слыша о случившемся съ идолами, не пожелала болѣе таиться и, въ святой ревности о Богѣ, поспѣшила въ храмъ, гдѣ пребывалъ Георгій

Увидѣвъ великомученика связаннымъ и не имѣя возможности къ нему приблизиться, она начала громогласно возглашать: «Боже Георгіевъ, помоги мнѣ, ибо Ты Единъ всесиленъ!»

Когда нѣсколько стихло народное волненіе на поводу паденія идоловъ, Діоклитіанъ приказалъ привести къ себѣ Георгія, и, въ припадкѣ ярости, крикнулъ: «Такъ ли ты, презрѣнный, благодаришь меня за милости? Такъ ли слѣдуетъ почитать боговъ?» Великомученикъ спокойно и смѣло отвѣчалъ: «Чѣмъ же я виноватъ, если такъ привыкъ почитать твоихъ боговъ. Образумься самъ, и убѣдись въ ничтожествѣ ихъ. Боги твои не только безсильны помочь себѣ, но и не могутъ выносить присутствія рабовъ Христа». Въ это время, съвозъ толпы народныя, пробралась царица Александра, и, припавъ къ ногамъ Георгія, во всеуслышаніе исповѣдала Христа Бога Истиннаго, и поносила языческія заблужденія. Удивился Діоклитіанъ поступку своей супруги, и спросилъ ее: «Что съ тобою, царица, случилось, иль ты прельстилась хитростями чародѣя Георгія и отказываешься отъ всесильныхъ боговъ?» Царица отвернулась отъ Діоклитіана и не пожелала отвѣчать. Приведенный въ ярость презрѣніемъ къ себѣ супруги, Діоклитіанъ обезумѣлъ отъ злобы и воскликнулъ: «Злѣйшаго врага нашего, Георгія, послѣдователя Распятаго Христа, хулителя безсмертныхъ боговъ и меня, повелѣваю, вмѣстѣ съ царицею Александрою, обезглавить!» Воины, подущаемые жрецами и сановниками-язычниками, тотчасъ схватили связаннаго Георгія и повлекли за-городъ на посѣченіе мечемъ. За нимъ повели и благовѣрную царицу Александру. Она во всю дорогу къ мѣсту казни творила тайную молитву, вознося по временамъ очи свои къ небу. Нѣжная и слабая тѣлосложеніемъ, благовѣрная Александра утомилась наконецъ, не могла болѣе идти, и въ одномъ мѣстѣ попросила позволенія присѣсть отдохнуть. Стража согласилась. Она сѣла, прислонилась головою къ стѣнѣ, и предала духъ свой Господу, Царю царей, Спасителю нашему. Георгій, увидѣвъ царицу скончавшуюся, радостно возблагодарилъ Создателя за милость къ царицѣ. Прибывъ на мѣсто казни, великомученикъ воскликнулъ: «Благословляю Тебя, Господи Боже мой, за посрамленіе враговъ моихъ. Благодарю, что избавилъ душу мою, какъ птицу, отъ сѣтей ловцовъ беззаконныхъ. Пріими душу мою нынѣ и всели въ обители со всѣми

благоугодившими Тебѣ, Господи; прегрѣшенія же мои прости!» Окончивъ эти слова, Побѣдоносецъ Христовъ съ улыбкою небесной радости преклонилъ голову свою подъ мечъ, и былъ обезглавленъ 23 апрѣля 303 года. Мощи святаго великомученика, согласно завѣщанія его, были отправлены изъ Никомидіи на родину, въ Палестину, въ городъ Лидду (см. выше). Впослѣдствіи глава великомученика Георгія перенесена въ Римъ (въ Италію).

Кромѣ приведеннаго о страданіяхъ и чудесахъ, совершавшихся при жизни великомученика, Георгій побѣдоносецъ и по смерти своей донынѣ не перестаетъ, по дарованной ему Творцомъ благодати, помогать вѣрующимъ, прибѣгающимъ къ нему съ теплою вѣрою и молитвою. Описывать всѣ чудеса его не представляется никакой возможности по ихъ многочисленности. Поэтому слѣдуетъ ограничиться упоминовеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Нѣкогда въ одномъ изъ сирійскихъ городовъ (Сирія—югозападная часть нынѣшней Азіатской Турціи, между Средиземнымъ моремъ и рѣкою Евфратомъ), граждане вознамѣрились построить каменный храмъ во имя великомученика и побѣдоносца Георгія. Каждый изъ жителей, безъ различія состоянія, спѣшилъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, что-либо пожертвовать на построение храма. Въ той странѣ трудно было доставать камень. Его привозили моремъ изда- лека. Когда потребовались каменные столбы внутрь храма, то нѣкоторые благочестивые люди отправились въ разныя мѣстности за покупкою ихъ. Средства одной вдовы были таковы, что она могла купить только одинъ столбъ. Привезла она его на морской берегъ, къ корабельной пристани, и крѣпко запечалилась. У ней не хватало денегъ на отправку столба къ мѣсту. Увидѣвъ своего градоначальника, который нанялъ цѣлый корабль для отвоза вѣсколькихъ каменныхъ столбовъ, купленныхъ имъ въ храмъ Георгія, вдова просила градоначальника захватить и ея столбъ. Но гордый вельможа съ презрѣніемъ отвернулся отъ небогатой вдовы. Горько всплакнулась бѣдняжка, и не знала что дѣлать. Долго плакала она и печалилась. Наконецъ заснула, тутъ-же на берегу. Во снѣ она увидѣла подѣхавшаго къ ней Георгія, «Что плачешь?» спросилъ онъ ее. Вдова повѣдала великомученику свое горе. Побѣдоносецъ слѣзъ съ коня, и сказалъ: «Гдѣ хочешь, чтобы твой столбъ

былъ поставленъ?»—«На правой сторонѣ церкви», отвѣчала та. Георгій подошелъ къ столбу и пальцемъ написалъ на немъ: «Этотъ столбъ вдовицы поставить вторымъ, на правой сторонѣ церкви». Потомъ, обратясь къ вдовѣ, произнесъ: «Помоги мнѣ». Съ этими словами великомученикъ началъ скатывать столбъ къ берегу. Вдова, по приказу святаго, стала ему помогать. И, удивительное дѣло, столбъ показался ей чрезвычайно легкимъ, несмотря на свою величину. Громадная каменная глыба Георгіемъ и вдовою была сброшена въ море. Проснулась вдова отъ такого видѣнія, и не нашла стоба на берегу: онъ куда-то исчезъ. Возложивъ все упованіе на Господа Бога и Его угодника Георгія Побѣдоносца, вдова отправилась домой. Тѣмъ временемъ, раньше чѣмъ она достигла роднаго города и раньше чѣмъ туда прибылъ корабль съ столбами градоначальника, ея столбъ очутился уже на мѣстѣ, на морскомъ берегу. Удивился градоначальникъ прибытію вдовицына столба ранѣе своихъ столбовъ. Удивленіе его еще болѣе возрасло, когда онъ увидѣлъ на камнѣ какъ-бы высѣченную, надпись, гласившую, что столбъ вдовы долженъ быть поставленъ вторымъ съ правой стороны церкви. Градоначальникъ спросилъ вдову, какъ успѣла она такъ быстро доставить столбъ, и кто сдѣлалъ надпись на немъ. Та рассказала какъ было дѣло. Устыдился градоначальникъ своему жестокосердію, и просилъ у вдовы прощенія. Столбъ былъ поставленъ въ храмъ Побѣдоносца на томъ самомъ мѣстѣ, куда назначилъ его угодникъ Божій.

По прошествіи многихъ лѣтъ городомъ этимъ завладѣли безбожные аравитяне. Одинъ аравитянинъ съ пріятелемъ вошелъ во храмъ святаго Георгія Побѣдоносца любопытства ради. Здѣсь онъ увидѣлъ священника, молившагося предъ образомъ великомученика. «Вотъ сумасшедшій-то», сказалъ одинъ изъ аравитянъ другому, молится и кланяется расписанной доскѣ. Дай-ка я прострѣлю эту доску. Натянувъ лукъ, аравитянинъ пустилъ стрѣлу въ икону Георгія. Стрѣла не коснулась изображенія великомученика, а поднялась кверху и, оттуда упавъ, вонзилась въ руку безбожнаго аравитянина. Рука страшно разболѣлась, вспухла, и аравитянинъ не находилъ у врачей никакой помощи. У расхворавшагося аравитянина находилась въ услуженіи христіанка. Узнавъ

причину болѣзни своего господина, прислужница осудила его поступокъ и заявила, что это наказаніе отъ Георгія. «Пустяки, возразилъ аравитянинъ, какъ возможно, чтобы я получилъ наказаніе отъ изображенія на доскѣ какого-то воина». — «Я человѣкъ неграмотный, продолжала рабыня, и не могу какъ слѣдуетъ всего объяснить тебѣ, господинъ. Но призови нашего священника, онъ расскажетъ все въ подробности». Аравитянина взяло любопытство, и онъ пригласилъ священника. — Вотъ какой разговоръ произошелъ между ними. *Аравитянинъ*. Хотѣлось-бы мнѣ знать, какую силу имѣетъ доска, или икона, которой у васъ поклоняются. — *Священникъ*. Мы, христіане, доскамъ не кланяемся, а только Единому всемогущему Творцу Богу; изображеннаго же на доскѣ великомученика Георгія я просилъ только быть ходатаемъ о мнѣ предъ Господомъ. *Аравитянинъ*. Кто такое Георгій? *Священникъ*. Георгій былъ, подобно намъ съ тобою, такой-же человѣкъ. Но, за свою приверженность Богу и Господу нашему Іисусу Христу, онъ потерпѣлъ отъ язычниковъ муки и за то получилъ благодать творить чудеса и знаменія. Мы-же, любя великомученика, почитаемъ его икону и, взирая на нее, все равно какъ-бы взираемъ на самого угодника Божія, лобызаемъ изображеніе, какъ-бы лобызали его самого. Господь изображенія своихъ угодниковъ прославляетъ чудодѣйственною силою. Вотъ и съ тобою тоже случилось. Стрѣляя въ икону Побѣдоносца Георгія, ты этимъ самымъ оскорбилъ самого угодника, на ней изображеннаго. И святой наказалъ тебя. *Аравитянинъ*. Что-же мнѣ дѣлать? видишь, я умираю. Какъ исцѣлится мнѣ, повѣдай? — Священникъ посоветовалъ аравитянину поднять изъ церкви икону Георгія, принести къ себѣ въ домъ, и зажечь предъ нею лампаду. «На утро-же, сказалъ священникъ, помажь раненую руку масломъ изъ лампы. Господь нашъ, по молитвѣ великомученика, пошлетъ тебѣ исцѣленіе». Аравитянинъ послушался священника, исполнилъ его наставленіе, и рука оздоровѣла. Исцѣленный прославилъ Бога христіанскаго и Его угодника Побѣдоносца Георгія, и пожелалъ креститься. Прочіе безбожные аравитяне, узнавъ о переходѣ въ христіанство своего единовѣрца, напали на него и изрубили въ куски.

Въ заключеніе разсказа о жизни Побѣдоносца Георгія, упомянемъ о чудесномъ убіеніи имъ страшнаго змѣя.

Недалеко отъ города Лидды, гдѣ первоначально покоились мощи Георгія, есть на берегу Средиземнаго моря городъ Вирить (нынѣшній Бейрутъ). Близъ этого города нѣкогда существовало озеро, въ которомъ гнѣзился страшный чудовищный змѣй, не дававшій никому—ни людямъ, ни животнымъ прохода: всѣхъ пожиралъ. Городъ этотъ былъ населенъ язычниками. Долго терпѣли граждане бѣды отъ чудовища. Наконецъ собрались къ Виритскому князю и стали просить, чтобы онъ изыскалъ способъ какъ нибудь умиловитъ страшнаго змѣя. Тотъ посоветовался съ жрецами. «Боги намъ открыли, дали отвѣтъ жрецы, что, для умиловленія страшилища, ему слѣдуетъ ежедневно приносить въ жертву дѣтей. Князь оповѣстилъ о томъ виритцамъ. Съ тѣхъ поръ ежедневно къ Виритскому озеру граждане приводили дѣтей своихъ по очереди. Змѣй выходилъ изъ логовища и пожиралъ несчастныхъ. Наконецъ дошла очередь и до князя. Хотя у него была единственная дочь, но онъ боялся преступить вѣлѣнія безмысленныхъ жрецовъ, да и опасался мятежа народнаго, въ случаѣ если не отдастъ въ жертву чудовищу своего дорогаго дѣтища. Вывели княжну къ озеру. Бѣдняжка, полумертвая отъ страха, ожидала своей печальной участи. Родители же, горько плача и стеля, ждали издали появленія змѣя. Вдругъ княжна увидѣла приближающагося къ ней на бѣломъ конѣ, съ копьемъ въ рукахъ, статнаго, красиваго молодаго воина. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ воинъ княжну. Несчастливая княжна, заливаясь слезами, разсказала о предстоящей ей участи. «Уѣзжай, прибавила она: а не то змѣй скоро выйдетъ изъ озера, и пожретъ тебя. Зачѣмъ же тебѣ безъ нужды погибать?» «Не бойся, отвѣтствовалъ великомученикъ Георгій — это былъ онъ — я, во имя Господа моего, Бога истиннаго, не только останусь живъ, но и тебя спасу отъ змѣя.» — Княжна не вѣрила и продолжала уговаривать Георгія удалиться отъ озера и не губить себя. Но Георгій остался ждать выхода чудовища. Наконецъ, княжна, увидѣвъ, что змѣй началъ выходить изъ воды, крикнула: «Бѣги, змѣй идетъ!» Великомученикъ и Побѣдоносецъ

Георгій осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и, съ словами: «Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа», помчался на змѣя, потрясая копьемъ. Приблизясь къ страшилищу, уже раскрывшему широко пасть, святой съ необыкновенною силою вонзилъ ему въ горло копье. Копье прошло насквозь и пригвоздило голову змѣя къ землѣ. Конь всадника началъ топтать змѣя копытами. Затѣмъ Георгій повелѣлъ вняжнѣ поясомъ связать страшилище и вести въ городъ. Какъ послушная собака, змѣй послѣдовалъ за вняжною. Народъ, смотрѣвшій на происходившее, въ страхѣ бросился бѣжать во всѣ стороны. «Не бойтесь, воскликнулъ вслѣдъ убѣгавшимъ Георгій, но уповайте на Господа Іисуса Христа, и вѣруйте въ Него, ибо Онъ послалъ меня избавить васъ отъ змѣя!» Когда страшилище очутилось среди города, великомученикъ зарубилъ его своимъ мечемъ, и сталъ невидимъ. Трупъ змѣя былъ вытащенъ за городъ и сожженъ. Князь и весь народъ, числомъ свыше двадцати пяти тысячъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, увѣровали во Христа и крестились. На мѣстѣ гибели змѣя создана была прекрасная церковь въ честь Пресвятыя Богородицы и во имя чудотворца великомученника и Побѣдоносца Георгія.

Къ этому, наконецъ, необходимо напомнить, что изображеніе Георгія Побѣдоносца издревле находится въ гербѣ Россійскаго государства. Со времени Іоанна III Васильевича Великаго (1462—1505) изображеніе великомученника Георгія помѣщается въ государственномъ гербѣ, на груди двуглаваго орла. Кромѣ того, Императрицею Екатериною II (1762—1796), въ 1769 году, учрежденъ знакъ отличія (орденъ) имени Великомученника, за воинскія доблести. Это — бѣлый крестъ, а въ срединѣ его изображеніе Побѣдоносца Георгія.

24 Апрѣля.

Святой мученикъ Савва Стратилать (воевода) и съ нимъ семьдесятъ воиновъ.

Въ царствованіе Римскаго императора язычника Авреліана (270—275) повсемѣстнаго гоненія христіанъ не было; тѣмъ не менѣе, от-

дѣльные случаи проявленія ненависти язычниковъ къ исповѣдникамъ имени Христа Спасителя случались, и христіане запечатлѣвали кровью преданность свою святой вѣрѣ. Къ числу такихъ мучениковъ относится Савва Стратилать (воевода). Онъ былъ иностранецъ и пожалуй варваръ, какъ называли обыкновенно римляне всѣхъ иноплеменниковъ, жившихъ на границахъ Римской имперіи и иногда нападавшихъ на области тогдашняго всемірнаго царства Савва, по происхожденію, принадлежалъ къ воинственному германскому племени готовъ, жившихъ на сѣверѣ Римскаго царства. Только личныя заслуги и воинскія доблести доставили Саввѣ высокій воинскій чинъ. Какъ иноплеменникъ и, во-вторыхъ, какъ христіанинъ, Савва весьма естественно не могъ нравиться истымъ знатымъ римлянамъ, и они искали всевозможныхъ случаевъ въ погибели ненавистнаго воеводы. Глубоко преданный христіанству, постникъ, добродѣтельный, святой Савва обладалъ даромъ благодати Божіей,—изгонять злыхъ духовъ. Кромѣ того, воинъ Христовъ безбоязненно посѣщалъ темницы, гдѣ заключены были христіане; помогалъ имъ щедрою рукою, утѣшалъ и утверждалъ въ терпѣніи. Наконецъ Стратилать оклеветанъ былъ предъ Авреліаномъ, какъ супротивникъ законамъ римскимъ. Авреліанъ приказалъ воеводу предать суду язычниковъ. Савва Стратилать, представъ на судъ, безбоязненно исповѣдалъ себя христіаниномъ, воиномъ Христовымъ, и отказался отъ воинскаго сана Римскаго государства. Это дерзновеніе привело судей-язычниковъ въ неистовство. Савву Стратилата привѣсили къ мучилищному столбу и начали безъ милосердія бить, а раны опалать огнемъ. Не довольствуясь симъ, злодѣи бросили мученика въ котелъ съ кипящею смолою. Но Господь посрамилъ язычниковъ. Святой Савва вышелъ изъ kloкочущаго смолою котла здоровъ и невредимъ. Семьдесятъ воиновъ, бывшихъ при мученіяхъ воеводы, увидѣвъ это чудо, признали всемогущество Бога христіанскаго и объявили себя христіанами. Ослѣпленные злобою, языческіе судьи тотчасъ же приказали обезглавить этихъ семьдесятъ новыхъ христіанъ. Блаженнаго же страдальца Савву заключили въ темницу. Молясь въ заключеніи, мученикъ утѣшенъ былъ явленіемъ, въ полночь, Самого Христа Спасителя, укрѣпившаго Савву обѣщаніемъ царства небеснаго. Изведенный по утру

предъ нечестивое судилище, послѣ напрасныхъ попытокъ свлонить въ язычество, Савва Стратилать былъ утопленъ 24 апрѣля 272 года по Р. Х.

Преподобная Елисавета, чудотворица Цареградская.

Подробнаго описанія жизни этой подвижницы не имѣется, вѣроятно оно погибло среди смутъ и различныхъ нестроений несчастной Греческой имперіи, окончившей свое существованіе переходомъ подъ власть турокъ. Даже доподлинно о времени ея жизни различные писатели расходятся. Одни относятъ кончину преподобной Елисаветы къ первой половинѣ шестаго столѣтія по Р. Хр., именно къ 530 году, въ царствованіе Іустиніана (527—565). Другіе же полагаютъ, что Елисавета жила позже. Какъ-бы тамъ ни было, но русскіе поклонники по Святымъ мѣстамъ—Стефанъ около 1350 г. и іеродіаконъ Зосима въ 1402 г.—свидѣтельствуютъ, что, обозрѣвая Святыни цареградскія, они ходили на поклоненіе мощамъ чудотворицы Елисаветы. Изъ имѣющихся же краткихъ свѣдѣній объ этой угодницѣ Божіей извѣстно, что матери ея заранѣе было предвозвѣно свыше, что рожденная отроковица будетъ избранный сосудъ благодати Божіей. Съ дѣтства отданная на служеніе Господу въ Цареградскую обитель, преподобная впослѣдствіи была настоятельницею женскаго монастыря въ Константинополѣ во имя св. мучениковъ и безсребренниковъ Козьмы и Даміана († 284; пам. 1 іюля). Обитель эта учреждена императоромъ Іустиномъ (518—527).

До самой блаженной кончины своей преподобная пребывала въ строгомъ подвижничествѣ, молитвѣ и постѣ. И въ лютую зиму и въ палящій лѣтній зной у ней была одна и та же одежда—грубая власяница. Питаніемъ ей служили зелень и овощи. Ни хлѣба, ни масла, а тѣмъ болѣе вина никогда не употребляла. Нѣсколько разъ въ своей жизни постилась по сорока дней, не вкушая никакой пищи. Ночью она обыкновенно вставала на молитву, и при этомъ ее осіявалъ необычайный свѣтъ небесный. Подавая подчиненнымъ сестрамъ примѣръ строгой жизни, смиренія, неуклоннаго исполненія заповѣдей Божіихъ, уставовъ церковныхъ и монастырскихъ, игуменья Ели-

савета еще при жизни получила отъ Господа благодатный даръ исцѣленій и чудотвореній. Такъ, между прочимъ, повѣствуется, что преподобная молитвою умертвила страшнаго змія, исцѣлила женщину, страдавшую долгое время кровотеченіемъ, и имѣла власть надъ злыми духами. Равнымъ образомъ и по смерти, отъ мощей преподобной Елисаветы источались исцѣленія. Кромѣ всего сказаннаго, Елисавета отличалась необыкновеннымъ милосердіемъ и сострадательностью, помогала бѣднымъ и вдовамъ, питала сиротъ и защищала притѣсняемыхъ отъ обидъ.

25-го Апрѣля.

Святой Апостолъ и Евангелистъ Маркъ.

Святой Апостолъ и Евангелистъ Маркъ—грекъ, уроженецъ Ливійскій (Ливія—сѣверная часть Африки, на востокъ отъ Египта до залива Большаго Сирта), изъ города Кирены (нынѣ Кренна). Евангелиста Марка не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ апостоломъ отъ семидесяти Маркомъ-Іоанномъ, родомъ іудея, изъ Іерусалима. Святой Евангелистъ обращенъ ко Христу апостоломъ Петромъ и сопутствовалъ сему верховному апостолу въ Римъ. Здѣсь онъ, по просьбѣ римлянъ, просвѣщенныхъ святымъ крещеніемъ, написалъ Евангеліе на греческомъ языкѣ, которое «похвали апостолъ Петръ и церкви предаде». Святой Маркъ проповѣдывалъ Евангеліе по берегамъ Адриатическаго моря и въ Египтѣ. Рукоположенный въ первые епископы Александрійскіе (у Средиземнаго моря, на берегу, въ Египтѣ), святой Маркъ отсюда отправился на проповѣдь слова Божія на западъ отъ Египта, въ тогдашнюю область Ливію. Повсюду насаждая христіанство, онъ рукополагалъ здѣсь епископовъ, священниковъ и церковнослужителей. Силою краснорѣчія и чудотвореній, Евангелистъ дѣло распространенія христіанства велъ успѣшно. Изъ Ливіи, по повелѣнію Божію, святой Маркъ опять направился въ Александрію.

При входѣ въ городъ, у Апостола порвалась сандалія. (Въ древности, вмѣсто теперешнихъ сапоговъ или башмаковъ, въ большинствѣ привязывали къ ногамъ ремнями однѣ подошвы. Эти подошвы и назывались сандаліями). Маркъ обратился къ одному сапожнику починить сандалію. Тотъ принялся за починку; но, во время работы, сильно укололъ шиломъ руку. Апостолъ, соболѣзнуя о сапожникѣ, плюнулъ на землю, и этою землею (брєніємъ) помазалъ язвину, произнеся: «Во имя Іисуса Христа, живущаго во вѣки, будь здравъ». И язвы какъ не бывало. Обрадованный сапожникъ, видя предъ собою не простаго, грѣшнаго человѣка, началъ просить Апостола Марка, чтобы онъ посѣтилъ его домъ, отдохнулъ и раздѣлилъ съ нимъ и его семействомъ трапезу (обѣдъ или ужинъ). Маркъ согласился. Во время разговоровъ, сапожникъ спросилъ Марка: «Отче, кто ты, откуда, и почему слова твои имѣютъ такую чудодѣйственную силу?» — «Я рабъ Господа Іисуса Христа, Сына Божія», отвѣчалъ апостолъ. «Хотѣлось-бы видѣть Сына Божія», продолжал сапожникъ. — «Изволь, я тебѣ Его покажу», сказалъ Маркъ, и началъ проповѣдь о Христѣ, и обо всемъ, что предречено о Немъ пророками. Удивленный проповѣдью и чудесами проповѣдника, Ананія — такъ было имя сапожнику — крестился со всѣмъ своимъ домомъ. Съ нимъ крестилось и множество народа. Язычники, слыша о дѣятельности Апостола Марка, возмутились и намѣревались убить его. Но Маркъ, узнавъ объ умыслѣ язычниковъ, ушелъ въ западную часть Ливіи — Киренаику, и прожилъ тамъ два года. Все это время провелъ Маркъ въ обращеніи невѣрныхъ ко Христу и утвержденіи обращенныхъ уже въ вѣрѣ. Проходя по городамъ и селеніямъ, Апостолъ повсюду поставлялъ епископовъ, священниковъ, дьяконовъ и прочихъ церковно-служителей. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ возвратился въ Александрію, и весьма обрадовался, что у приведенныхъ имъ ко Христу вѣрующихъ уже устроилась церковь и число христіанъ умножилось. Живя среди своей паствы, святой Маркъ не почилъ отъ трудовъ благовѣстія, но продолжалъ проповѣдь слова Божія среди александрійцевъ, и подтверждалъ истинность и святость вѣры христіанской различными чудесами. Церковь Александрійская такимъ образомъ съ каждымъ днемъ росла и приумножалась. Язычники, признавая Апостола чародѣемъ и человѣкомъ вред-

нымъ, совращающимъ гражданъ въ какую-то новую вѣру, окончательно согласились погубить Марка. На Святой недѣлѣ въ воскресенье, когда епископъ Александрійскій, Апостоль и Евангелистъ Маркъ совершалъ литургію, язычники ворвались въ церковь. Во множествѣ набросились они на святаго Апостола. Накинувъ на шею веревку, злодѣи поволокли Евангелиста по землѣ, вплоть до тюрмы, куда и засадили впредь до того времени, пока не измыслятъ какою смертью долженъ умереть мученикъ. Апостоль едва уже дышалъ; все тѣло его было въ ранахъ; онъ ослабѣлъ отъ значительной потери крови, біясь о камни по пути къ темницѣ. Въ полночь произошло землетрясеніе, и ангелъ Господень предсталъ предъ страдальцемъ въ темницу. Онъ коснулся Марка и сказалъ: «Рабъ Божій Маркъ, имя твое вписано на небеса въ числѣ первыхъ святыхъ египетскихъ, ты причисленъ къ числу Апостоловъ. Архангелы примутъ душу твою, и мощи твои будутъ сохранены на землѣ». — «Благодарю Тебя, Господи, Іисусе Христе», воскликнулъ радостно святой Маркъ: «пріими душу мою съ миромъ, и не лиши меня Своей благодати»! Едва мученикъ произнесъ эти слова, какъ явился Самъ Христосъ и изрекъ: «Миръ тебѣ, Маркъ, Евангелистъ Мой»! — «Миръ и тебѣ, Господи мой, Іисусе Христе», отвѣчалъ въ несказанной радости Апостоль. Господь сталъ послѣ сего невидимъ. На утро жестокосердые язычники во множествѣ собрались къ темницѣ, вывели Марка, и опять, накинувъ ему на шею веревку, поволокли по землѣ. Въ невыносимыхъ мукахъ, Евангелистъ молился, благодарилъ Бога, и, наконецъ, воскликнувъ: «Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой», — скончался. Увидѣвъ бездыханнымъ мученика, злодѣи вознамѣрились сжечь честное тѣло Евангелиста, разложили и разожгли громаднѣйшій костеръ. Но Господь не допустилъ совершиться богомерзкому дѣлу. Внезапно наступилъ мракъ; солнце скрыло свои лучи; началось землетрясеніе; загремѣлъ громъ; сильный дождь съ градомъ обрушился на землю и продолжался до самаго вечера. Язычники въ страхъ разбѣжались и оставили тѣло мученика. Костеръ погасъ. Во время землетрясенія разрушилось нѣсколько зданій, и многіе изъ язычниковъ-жителей были задавлены обломками. Пользуясь этимъ, вѣрующіе взяли тѣло Апостола и Евангелиста Марка, и благочестно погребли. Мученическая кон-

чина перваго епископа Александрійскаго послѣдовала 25 апрѣля 68 года по Р. Хр., въ царствованіе злочестиваго царя Римскаго Нерона (54—68), въ томъ-же году позорно, какъ трусъ, прекратившаго жизнь свою самоубійствомъ. Нынѣ мощи Апостола и Евангелиста Марка, съ 828 года, почиваютъ въ Италіанскомъ королевствѣ, въ городѣ Венеціи, что при Адриатическомъ морѣ. Святый Евангелистъ Маркъ изображается на иконахъ со львомъ.

Преподобный Сильвестръ Обнорскій.

Одинъ изъ учениковъ преподобнаго Сергія Радонежскаго (1391; пам. 25 Сент., 5 Юн.), по имени Сильвестръ, по любви къ подвижничеству, съ благословенія своего великаго учителя (Сергія) ушелъ въ вологодскіе лѣса, и тамъ, въ глуши, поселился на рѣкѣ Обнорѣ. Въ совершенномъ одиночествѣ, не видя людей—такъ глухо было мѣсто, Сильвестръ прожилъ весьма продолжительное время. Но вѣдь огонь горитъ за тѣмъ, чтобы свѣтитъ и грѣть, какъ ни долго иногда таится незамѣтная искра. Такъ и праведники. Какъ долго ни скрываются они въ тиши уединенія, но не для однихъ себя они живутъ. Они должны вести другихъ на путь спасенія и исправленія. И потому рано или поздно Господь открываетъ міру Своихъ угодниковъ. Такъ случилось и съ преподобнымъ Сильвестромъ. Одинъ прохожій сбился съ дороги, зашелъ въ глушь Обнорскаго лѣса, и увидѣлъ келью, а близъ нея отшельника. Разговорились. Между прочимъ прохожій сообщилъ, что надъ этимъ мѣстомъ онъ видѣлъ часто то лучи, то облачный столбъ. Изъ дальнѣйшей бесѣды прохожій узналъ, что Сильверстъ уже давно не видалъ ни людей, ни хлѣба, и питается травами и кореньями. Эта встрѣча была началомъ извѣстности преподобнаго. Скоро послѣ того къ Сильверсту одни стали приходить за поученіями, совѣтами и наставленіями, а другіе, по любви къ пустыножителству, стали селиться близъ него. Явилась потребность въ созданіи храма. Преподобный отправился въ Москву и испросилъ благословенія у святителя Алексѣя († 1378 г.; пам. 12 Февраля, 2 Мая) на построеніе храма въ честь Воскресенія Христова. Перво-святитель не только далъ благословеніе на построеніе храма, но и

назначилъ Сильвестра игумноу вновѣ возникающей обители. Такимъ образомъ учредился первый Обнорскій Воскресенскій монастырь. Обитель умножалась братією и приходящими въ нее временно; поэтому преподобный, для безмолвія, удалялся иногда въ самую чашу Обнорскаго лѣса. Здѣсь ископалъ онъ три колодца, изъ которыхъ одинъ и донынѣ существуетъ. Равнымъ образомъ въ этомъ лѣсу и донынѣ сохраняется мѣсто, куда Сильверстъ выходилъ изъ своего уединенія и безмолвія для бесѣды и поученій народу. На этомъ мѣстѣ стоитъ часовня, куда въ день памяти преподобнаго ежегодно бываетъ крестный ходъ.

Преподобный Сильверстъ скончался 25 апрѣля въ 1379 году, во дни великаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича Донскаго (1362—1389), при митрополитѣ Московскомъ святомъ Кипріанѣ (1380—85—1406; пам. 16 сент. и 27 мая). Мощи угодника Божія положены были въ основанной имъ обители, а нынѣ, за упраздненіемъ ея, въ приходской церкви Воскресенія Христова. Отъ гроба преподобнаго Сильвестра и донынѣ истекаютъ исцѣленія. Онъ еще издревле, въ исходѣ тысячапятисотыхъ годовъ, именовался чудотворцомъ.

26 Апрѣля.

Священномученикъ Василій, епископъ Амасійскій;
святая дѣва Глафира.

Восточно-римскій императоръ Ликиній (311—324), женатый на родной сестрѣ Западно-римскаго императора Константина Великаго (306—337), Констанціи, отличался развратною жизнью, что причиняло не мало скорби супругѣ его. Однажды Ликиній у Констанціи увидѣлъ необыкновенно красивую дѣвушку-прислужницу, итальянку Глафиру. Развратнику непременно хотѣлось завладѣть Глафирою. Съ этою цѣлью онъ поручилъ постельничему своему Венигну склонить бѣдную дѣвушку на грѣхъ. Презрѣнный Венигнъ взялся

устроить дѣло. Но высокоцѣломудренная Глафира отвергла позорныя предложенія, и не позарилась на обѣщанныя почести и богатства. Однако же Глафира знала, что этимъ дѣло не кончится, и развратный Ликиній такъ или иначе осквернитъ ее. Возложивъ все упованіе на благость Божію, Глафира прибѣгла къ царицѣ Констанціи. Ей повѣдала свое горе и просила укрыть ее куда нибудь отъ рукъ нечестивца. Больно пришлось царицѣ выслушивать рассказъ Глафиры. Ревность закипѣла въ женскомъ сердцѣ. Но благоразуміе взяло верхъ надъ чувствомъ. Въ особенности же Констанцію радовало желаніе Глафиры уйдти куда нибудь отъ царскаго двора. Въ этомъ царица видѣла, что Глафира не притворяется, искренне цѣломудренна, не хвастается предъ нею предподчтеніемъ Ликинія, и не стремится быть ея соперницею. Выслушавъ Глафиру, Констанція дала дѣвушкамъ много денегъ, драгоценностей, снабдила всякаго рода имуществомъ и, съ довѣренными лицами, велѣла тотчасъ же отправляться въ Арменію (на с.-в. Малой Азіи). Строго-на-строго заказала царица довѣреннымъ лицамъ, назначеннымъ сопровождать Глафиру, разглашать о ея отъѣздѣ.

Путники добрались до города Амасіи (нынѣ турецкій городъ въ Малой Азіи, на рѣкѣ Іешиль-Ирмакъ, впадающей въ Черное море). Глафирѣ очень понравился красивый городъ. «Если здѣсь есть христіане, сказала она своимъ путникамъ, то останемся тутъ». Вскорѣ странники встрѣтили человѣка, жившаго у амасійскаго домовладѣльца-христіанина Квинтія. Разговорились съ нимъ, и онъ отвелъ Глафиру съ ея спутниками къ самому благочестивому Квинтію. Квинтій любезно принялъ пришельцевъ и предоставилъ въ распоряженіе блаженной Глафиры нѣсколько комнатъ. Квинтій находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ епископомъ Василиемъ. Божіемъ соизволеніемъ, Василій, вскорѣ по прибытіи Глафиры въ Амасію, посѣтилъ Квинтія. Встрѣтясь съ Глафирою, епископъ разговорился. Та передала Василю причину своего прибытія въ Амасію, безъ всякой утайки. На общемъ совѣтѣ Квинтій и Василій порѣшили, что Глафирѣ и ея спутникамъ до поры - до - времени не слѣдуетъ открыто показываться въ городѣ. «Какъ бы градоначальникъ не узналъ, что здѣсь остановились христіане, и не приключилось оттого бѣды», говорили Василій и

Квинтій. Глафира, узнавъ, что епископъ строитъ въ Амасіи соборную церковь, отдала ему всѣ деньги и сокровища, полученные отъ царицы. Послѣ сего она отписала Констанціи о мѣстѣ своего пребыванія, и просила царицу еще, отъ своихъ щедротъ, пожертвовала на постройку храма. Обрадовалась Констанція письму Глафиры, благодарила Бога, что Онъ помогъ ей избавиться отъ посягавшихъ на ея цѣломудріе. Отославъ епископу Василию значительное количество денегъ на построение церкви Божіей, царица поручила Глафиру покровительству и защитѣ святителя.

Прошло не мало времени. Послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, Ликиній пришелъ къ мысли, что вѣрно Глафира, сбѣжавъ куда-нибудь, умерла. Но каково его было удивленіе, когда онъ вдругъ узналъ, что предметъ его грѣховныхъ желаній находится въ Амасіи. Обстоятельство обнаружилось такъ. Постельничій Венигъ случайно нашелъ какъ-то письмо Глафиры къ царицѣ. Вмѣсто того, чтобы радоваться несовершенію грѣха и стать на сторону царицы, презрѣнный Венигъ, ради подачки, немедленно побѣждалъ показать письмо Глафиры своему развратному повелителю, Ликинію. Ликиній тотчасъ послалъ приказъ Амасійскому градоначальнику взять подъ стражу Глафиру и епископа Василия, и закованными отправить въ Никомидію (нынѣ Исмидъ), мѣсто пребыванія царя. Но Господу, Хранителю угнетенныхъ сиротъ, угодно было, чтобы царское повелѣніе не застало Глафиры въ живыхъ. Въ промежутокъ времени, пока Ликиній узналъ о ней и посылалъ повелѣніе градоначальнику, святая цѣломудренная дѣва скончалась. Теперь вся злоба разъяреннаго язычника обрушилась на епископа Василия. Василия повели въ цѣпяхъ въ Никомидію. За нимъ слѣдомъ отправились два дьякона Пароеній и Θεотимъ. Много пришлось святителю вытерпѣть скорбей и поношеній отъ невѣрныхъ во время пути. По прибытіи въ Никомидію, Василия тотчасъ же заключили въ темницу, а дьяконы остановились, близъ темницы, у одного благочестиваго страннолюбца Елпидифора. Елпидифоръ, при посредствѣ денегъ, добился отъ тюремнаго начальства свободнаго себѣ и дьяконамъ во всякое время доступа къ святителю. Пользуясь такою свободою, дьяконы и Елпидифоръ каждую ночь проводили съ Василиемъ въ тюрьмѣ, въ непрестанныхъ молитвахъ. Однажды во время пѣнія

стиха изъ псалма 138: «Аще вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя, Господи», (ст. 9), Василій повторилъ эти слова три раза, со слезами и простирая руки къ небу.

Парѣеній и Θεотимъ, видя это, помыслили, что Василій слабѣетъ духомъ предъ предстоящими мученіями. По окончаніи псалмопѣній, Василій сказалъ дьяконамъ: «Напрасно смущаетесь помыслами обо мнѣ. Знайте, что въ эту ночь Самъ Господь открылъ мнѣ и родъ моей смерти, и то, что грѣшное тѣло мое къ вамъ возвратится. Отправляйтесь въ Амасію, и скажите вѣрующимъ, чтобы выбрали вмѣсто меня себѣ епископа. Не плачьте. Ты же, Елпидифоръ, обратился святой къ страннопріимцу, побереги Парѣенія и Θεотима до времени. Господь вознаградитъ тебя. Идите съ миромъ!» По отшествіи дьяконовъ и Елпидифора, святителя потребовали къ Ликинію. Разумѣется, первое слово было о Глафирѣ. Развратникъ ставилъ Василию въ вину, какъ онъ смѣлъ укрывать у себя Глафиру и не донесъ ему о ней. Святитель такъ безбоязненно и вразумительно отвѣтилъ Ликинію по поводу Глафиры, что тотъ, пристыженный, не могъ ничего говорить и только приказалъ снова отправить Василия въ тюрьму. Главному же судѣ потомъ поручилъ обѣщать Василию санъ старшаго жреца, если онъ отречется отъ Христа. Святой, конечно, насмѣялся такому предложенію. «Я велю тебя обезглавить и бросить въ море, сказалъ судья, и посмотрю тогда, придетъ ли твой Христосъ на помощь. Лучше повинуйся волѣ Ликинія и угоди ему».—«Я безсмертному Богу моему и Царю стараюсь угождать, отвѣтствовалъ Василій, и никакихъ угрозъ и казни не боюсь». Послѣ сихъ словъ судья изрекъ смертный приговоръ: бить Василия нещадно, а потомъ обезглавить и бросить тѣло въ море. Исповѣдникъ Христовъ терпѣливо вынесъ побои, и, потомъ, ведомый на казнь, пѣлъ псалмы. Страннопріемецъ Елпидифоръ съ дьяконами, слѣдуя за осужденнымъ на смерть, успѣлъ за деньги у стражи выпросить позволеніе поговорить съ Василиемъ предъ казнью. Придя на морской берегъ, святитель преклонилъ колѣни, благодарилъ Творца за вѣнецъ мученическій, молилъ объ истребленіи язычества и распространеніи христіанства. Окончивъ молитву, святитель перецѣловалъ Елпидифора и дьяконовъ, и преподалъ имъ благословеніе. Послѣ

сего онъ былъ обезглавленъ. Страдальческую кончину Василій принялъ въ послѣднихъ числахъ марта 322 года по Р. Хр.

По отсѣченіи мученику головы, Елпидифоръ предлагалъ-было палачамъ деньги, чтобы они не бросали тѣла Василія въ море, а отдали ему. Но тѣ не согласились, боясь наказанія. Бездыханнаго Василія палачи вывезли на море и тамъ бросили голову въ одну сторону, а тѣло—въ другую.

Въ ту же ночь Елпидифору во снѣ явился ангелъ Господень, и сказалъ: «Епископъ Василій прибылъ въ Синопъ, и тамъ васъ ожидаетъ» (Синопъ—на берегу Чернаго моря, въ Малой Азіи). Взявъ съ собою достаточно золота, Елпидифоръ съ обоими дьяконами отправился въ Синопъ, куда и прибылъ 26 апрѣля. Но наканунѣ, приближаясь къ городу, Елпидифоръ усердно молился Богу, дабы ниспослано было знаменіе гдѣ отыскать тѣло священномученика. И вотъ явился ему ангелъ во снѣ, и сказалъ: «По правую сторону города забросьте сѣти, и тамъ найдете сокровище». На утро Елпидифоръ пошелъ съ дьяконами на морской берегъ, по правую сторону Синопа, и увидѣлъ рыбаковъ. «Забрасывайте сѣти, сказалъ онъ рыбакамъ, и все, что поймаете, будетъ наше». Сговорившись въ цѣнѣ, рыбаки забросили сѣти сперва для Пареевнѣ — ничего не вытащили. Забросили на другаго дьякона—тоже. Забросили на Елпидифора—и рыбаки тотчасъ же почувствовали въ сѣтяхъ что-то грузное. «Вотъ счастливецъ-то!» говорили они, глядя на Елпидифора. Наконецъ сѣти подняты были на поверхность водную, и рыбаки ужаснулись: вмѣсто рыбы, они увидѣли человѣческое тѣло. Въ испугѣ хотѣли-было странную добычу бросить опять въ море. Но Елпидифоръ не допустилъ, а велѣлъ сѣти вытащить на берегъ, потому что въ нихъ обрѣталось тѣло священномученика Василія. При этомъ обнаружилось чудное проявленіе милости Божіей: глава страдальца срослась съ туловищемъ, и только узкій прамъ на шеѣ указывалъ, что она когда-то была усѣчена. Облобызалъ Елпидифоръ и дьяконы благоухающія мощи святителя Василія, и въ дорогомъ гробѣ ихъ повезли въ Амасію, гдѣ и погребли, съ торжествомъ, въ устроенномъ священномученикомъ храмѣ.

Вскорѣ погибъ и нечестивый Ликиній. Въ сраженіи съ Констан-

тиномъ Великимъ, при Хризополѣ (нынѣ Скутари, на малоазійскомъ берегу, у Константинопольскаго пролива), въ 324 г. Ливиній былъ разбитъ, и въ слѣдующемъ году умерщвленъ. Послѣ сего Константинъ сдѣлался единовластнымъ обладателемъ Грекоримской имперіи.

Святой Стефанъ, просвѣтителъ Перми.

Въ юго-восточной части Архангельской губерніи и восточной части Вологодской губерніи живутъ зыряне—народъ финскаго племени. Нынѣ зыряне—православные; но нѣкогда были язычники. Въ древности вся мѣстность, гдѣ жили зыряне, а также часть Вятской и Пермской губерній извѣстны были подъ общимъ названіемъ Перми, или Біарміи. Зыряне донынѣ еще имѣютъ свой особый языкъ, хотя многіе знаютъ и русскій. Начала христіанству между ними положено святымъ Стефаномъ. Именно, въ восемнадцать лѣтъ своей многотрудной дѣятельности онъ привелъ ко Христу зырянъ, жившихъ по рѣкамъ Вычегдѣ и Выми, или такъ называемую Малой Пермь.

Стефанъ былъ замѣчательнѣйшимъ человекомъ по необыкновенному уму, трудолюбію, образованности и въ особенности проповѣдничеству христіанства между дикими тогда зырянами. Святой Стефанъ родился въ Великомъ Устюгѣ (нынѣ уѣздный гор. Вологодской губерніи). Отецъ его, Симеонъ, былъ причетникомъ устюжскаго соборнаго храма. Имя матери—Маріи. О рожденіи угодника Божія предсказано было задолго. Прокопій Юродивый († 1303 г., нам. 8 іюля), подвизавшійся въ Устюгѣ, разъ увидѣлъ трехлѣтнюю дѣвочку Марію. Человѣкъ Божій поклонился малюткѣ въ ноги и воскликнулъ: «Вотъ мать великаго Стефана, епископа и учителя Пермскаго». Эта-то дѣвочка Марія, столь отличенная преподобнымъ Прокопіемъ, и была впослѣдствіи супругою причетника Симеона и матерью святителя Стефана Пермскаго.

Въ весьма раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ Стефанъ оказалъ необычайную склонность къ ученію и понятливость, не свойственную дѣтямъ его возраста. Еще мальчикомъ Стефанъ сдѣлался уже соборнымъ чтецомъ. Помимо занятій причетническихъ, какая-то неодолимая сила влекла Стефана къ зырянамъ. Устюгъ былъ городъ богатый, торговый. Зырянъ сюда всегда наѣзжало много. Стефанъ пользовался всякимъ свободнымъ часомъ, чтобы потолковать съ

зырянами. Знакомился съ ними, прислушивался къ ихъ говору, присматривался къ нравамъ, и, въ концѣ концовъ, успѣлъ въ совершенствѣ выучиться зырянскому языку. Въ это время, знакомясь съ зырянами и обучаясь ихъ языку, Стефану и въ голову еще не приходило мысли изъ знанія зырянскаго языка извлечь какую либо пользу. Только впоследствии всѣ разгада-ли, что это творились по внушенію Бога, избравшаго Стефана исполнителемъ Своей всесвѣтой воли, ради просвѣщенія зырянъ спасительнымъ свѣтомъ христіанства. Исполненіемъ служебныхъ обязанностей и изученіемъ зырянскаго языка Стефанъ далеко не удовлетворялся. Не чувствуя ни малѣйшей склонности къ мірскимъ развлеченіямъ, юный причетникъ все свободное время отдавалъ на чтеніе Священнаго Писанія, твореній Святыхъ Отцовъ и другихъ душеспасительныхъ и полезныхъ книгъ, какія можно было только достать въ Устюгѣ. Желая большаго просвѣщенія, Стефанъ удалился въ Ростовъ, гдѣ была епископія, и въ монастырѣ Св. Григорія Богослова († 390 г.; пам. 19, 25 и 30 янв.) постригся. Здѣсь Стефанъ явился не только строгимъ исполнителемъ всѣхъ требованій монашеской жизни, но и многихъ превзошелъ въ благочестіи, постничествѣ, смиреніи, послушаніи и трудолюбіи. Для большаго уразумѣнія нѣкоторыхъ трудныхъ выраженій церковнославянскаго языка, на которомъ изложено у насъ Священное Писаніе и совершается богослуженіе, Стефанъ изучилъ греческій языкъ. Такимъ образомъ, живя въ монастырѣ, юный инокъ весь погрузился въ молитву, подвиги, ученіе, чтеніе и душеспасительныя бесѣды съ знатоками Священнаго Писанія и истинъ православной вѣры. И этихъ сокровищъ знанія Стефану оказывалось не достаточно. Онъ желалъ всю жизнь свою принести въ жертву Богу, во славу Его всесвѣятаго Имени. Стефанъ молилъ Создателя указать ему путь въ тому. Однажды, стоя на молитвѣ, Стефана осѣнила мысль посвятить себя на проповѣдь Евангелія коснѣющимъ въ заблужденіяхъ язычникамъ. Со слезами возблагодарилъ Стефанъ Господа за указаніе пути для подвиговъ. Но кого просвѣщать христіанствомъ? Конечно тѣхъ, кого Стефанъ зналъ, съ кѣмъ могъ объясняться, безъ переводчиковъ, на ихъ природномъ языкѣ. Стало быть надлежало заняться зырянами. Разъ остановившись на зырянахъ, Стефанъ призналъ, что од-

ной устной проповѣди мало, необходимо, чтобы и богослуженіе совершилось на ихъ языкѣ. Надлежало, чтобы и послѣ него дѣло распространенія христіанства не останавливалось, и другіе могли его продолжать. А для всего этого требовалось, чтобы и богослужебныя книги и Священное Писаніе переведены были на зырянской языкѣ. Но у зырянъ не существовало письменности, слѣдовательно не существовало и зырянской азбуки. И вотъ будущій ревнитель и проповѣдникъ православія изобрѣтаетъ азбуку зырянскую. Потомъ начинаетъ неумоимо трудиться надъ переводомъ нѣкоторыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкѣ. Изобрѣсти азбуку, перевести и собственною рукою все переведенное переписать (книгопечатанія еще не было)—трудъ тяжелый. Но молодой инокъ—уже іеродіаконъ,—при помощи Божіей, все преодолѣлъ и исполнилъ. Приготовившись, такимъ образомъ, къ предстоящему подвигу, преподобный, послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Ростовѣ, отправился въ Москву испросить у митрополита разрѣшенія и благословенія на проповѣдь. Въ то время, за кончиною св. Алексѣя митрополита († 1378; пам. 12 февр.), Московскою митрополіею управлялъ Коломенскій епископъ Герасимъ. Герасимъ, выслушавъ іеродіакона Стефана, не только благословилъ его, но и посвятилъ въ іеромонахи, снабдилъ антиминсами, св. мѣромъ, частицами мощей и другими священными предметами. Великій же князь Дмитрій Ивановичъ Донской (1362—1389) далъ проповѣднику охранныя грамоты.

Осенью 1379 года іеромонахъ Стефанъ отправился въ страну дикую, пустынную, къ язычникамъ зырянамъ, состоявшимъ подъ властью русскою. Первое зырянское населеніе, куда прибылъ преподобный Стефанъ,—было Пырвасъ, нынѣшній Котласъ, при сліяніи рѣкъ Сѣверной Двины и Вычегды, верстахъ въ шестидесяти отъ Устюга. Здѣшніе зыряне приняли Стефана дружелюбно во-первыхъ потому, что Стефанъ могъ съ ними обѣясняться свободно на зырянскомъ языкѣ, а во-вторыхъ—пырвасскіе жители были не такъ дики, какъ прочіе. Они, живя невдалекѣ отъ Устюга, часто имѣли сношенія съ русскими. Когда-же Стефанъ заговорилъ о всемогуществѣ Творца-Бога христіанскаго и о нечестіяхъ язычества, то попервоначалу зыряне пришли въ ярость. Они хотѣли-было сжечь

Стефана. Но его безбоязненность, убѣдительность рѣчи, кротость такъ подѣйствовали на жителей Пырнаса, что они всѣ крестились. И Стефанъ учредилъ здѣсь храмъ. Только самые закоренѣлые язычники удалились изъ Пырнаса въ селеніе Гамъ. Направляясь въ Гамъ, на пространствѣ двухсотъ верстъ преподобный всюду проповѣдывалъ Евангеліе, ставилъ кресты и часовни. Въ Гамѣ, гдѣ была кумирница (языческая молельня) и жили главные жрецы, проповѣдникъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны жителей, подстрекаемыхъ жрецами. Но Стефанъ задался мыслью или умереть, или настоять на своемъ — водворить здѣсь христіанство. Для этого онъ рѣшился сжечь кумирницу. Онъ очень хорошо зналъ, что такой поступокъ озлобитъ противъ него гамцевъ. Тѣмъ не менѣе, возложивъ все упованіе на Бога, преподобный не скрылся, а остался дожидаться язычниковъ у сожженной кумирницы. Вѣсть о пожарѣ, конечно, разнеслась скоро между жителями Гама, и они, во множествѣ, собрались въ заповѣдную рощу, гдѣ находилась сгорѣвшая кумирница. Каково-же было удивленіе, когда у дымившихся остатковъ кумирницы зыряне увидѣли Стефана, спокойно сидѣвшаго, по близости, на возвышеніи. Съ дубинами и топорами они накинулись-было на преподобнаго. Казалось, слѣдовало ожидать, что гамцы искрошатъ въ куски Стефана. Но все дѣло ограничилось угрозами и ругательствами. Гамцы удивились, во-первыхъ, безграничной неустрашимости Стефана; во-вторыхъ — его кротости, съ которою онъ отвѣчалъ на ихъ брань; въ третьихъ, убѣдительности спокойной рѣчи проповѣдника. Преподобный разъяренному народу совѣтовалъ образумиться и подумать хорошенько: если ихъ боги всемогущи, — отчего-же они не могли себя защитить и свою кумирницу, и не покарали его, Стефана, тутъ же, на мѣстѣ смертью или другомъ какимъ-либо сильнымъ наказаніемъ. Въ душу многихъ гамцевъ запало сознаніе: а что, вѣдь русскій правду говоритъ. Дѣйствительно, еслибы наши боги были всемогущи, то не допустили бы пришельцу издѣваться надъ нами. Въ четвертыхъ, иные вдругъ стали разсуждать: убить-то русскаго легко, да какъ-бы самимъ не впасть въ бѣду, — вѣдь онъ не простой, мелкій человѣкъ, а посолъ отъ Московскаго князя, да еще съ охранными грамотами. Изъ-за одного придется всѣмъ отвѣчать головою

Вотъ эти-то благоразумные, хотя и немногочисленные гамцы удержали отъ преступленія своихъ односельчанъ. Нѣкоторая, малая, впрочемъ, часть гамцевъ крестилась. Большинство же осталось вонсѣть въ заблужденіи. Но и за малое число увѣровавшихъ преподобный Стефанъ благодарилъ Господа. Онъ направился дальше, и остановился при сліяніи рѣкъ Вычегды и Выми, гдѣ нынѣ стоитъ Усть-Вымъ. Здѣсь жили наиболѣе изъ вліятельныхъ зырянъ. Большая часть усть-вымскихъ жителей сдалась на убѣдительныя рѣчи Стефана и крестилась. Благодарный за милость Божію, Стефанъ при устьи Выми построилъ храмъ въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и началъ совершать богослуженіе на зырянскомъ языкѣ. Церковная служба на понятномъ для зырянъ языкѣ имѣла благодѣтельныя послѣдствія. Жители приходили слушать богослуженіе и убѣждались въ его превосходствѣ предъ своими невѣжественными обрядностями. На дикарей много дѣйствовало и сравнительное благолѣпіе христіанской церкви. Одни крестились; другіе-же хоть и оставались язычниками, но стали смотрѣть на Стефана снисходительнѣе. Здѣсь преподобный устроилъ себѣ келью близъ одной громадной, въ три обхвата, березы. Къ березѣ этой язычники относились съ особеннымъ благоговѣйнымъ страхомъ, какъ-бы къ святынь какой. И на поклоненіе ей зыряне собирались по часту и помногу. Стефанъ, всякій разъ при такихъ сборищахъ, выходилъ изъ своей келіи и проповѣдывалъ зырянамъ слово Божіе. Желая, наконецъ, уничтожить безсмысленное обожаніе березы, преподобный срубилъ ее и сжегъ. И здѣсь, какъ нѣкогда при сожженіи кумирницы, язычники бросились-было на угодника Божія, съ намѣреніемъ убить. Но онъ утишилъ злобу тѣмъ, что повторилъ почти то же, что и въ Гамѣ, о ничтожествѣ языческихъ боговъ, не умѣющихъ защищать себя. Въ Усть-Вымѣ Стефанъ оставался сравнительно долгое время, и довель язычниковъ до того, что они сами стали приходить къ нему креститься, уничтожать своихъ идоловъ, и ихъ украшенія—дорогіе мѣха—приносить къ преподобному. Но онъ себѣ ничего не бралъ изъ приносимыхъ украшеній идольскихъ, а все предавалъ огню. И только своему прислужнику, изъ зырянъ, позволялъ иногда приносимыя полотна отъ идоловъ брать для обертки ногъ. Язычники, видя, что боги не наказываютъ ни Стефана, ни его прислужника за

обращеніе полотень на обвертки ногъ, убѣждались въ безсиліи и доловъ и въ истинности вѣры христіанской. И христіанство въ Усть-Вымѣ съ каждымъ днемъ расло. Здѣсь Стефанъ построилъ еще двѣ церкви. При храмѣ Благовѣщенія завелъ училище, съ цѣлю подготовленія нѣкоторыхъ изъ способнѣйшихъ зырянъ на должности священническія и дьяконскія. — Въ селеніи Княжь-погостѣ жилъ одинъ изъ главнѣйшихъ жрецовъ, имѣвшій необыкновенное вліяніе на зырянъ-язычниковъ. Онъ назывался Памъ. Памъ, услышавъ о распространеніи новой вѣры среди своихъ единоплеменниковъ, началъ возбуждать народъ противъ Стефана, и всюду распустилъ слухъ, что идетъ въ Усть-Вымъ вызвать на состязаніе и уничтожить вводителя новой вѣры. Зыряне-язычники и другіе — еще не окрѣпшіе христіане — повѣрили старику, считавшемуся великимъ и сильнымъ колдуномъ. Они во множествѣ, со всѣхъ сторонъ, начали собираться въ Усть-Вымѣ — насладиться зрѣлищемъ какъ Памъ смѣшаетъ съ грязью русскаго наставника. Большинство убѣждено было, что побѣдителемъ останется Памъ. Старый хитрецъ вступилъ въ споръ съ Стефаномъ, и этотъ послѣдній разбилъ въ пухъ и прахъ Паму на словахъ. Чувствуя себя побѣжденнымъ, онъ вздумалъ ошеломить преподобнаго необычайностью предложенія. «Я пройду сквозь огонь и воду, и останусь цѣлъ, боги меня охраняютъ, заявилъ громогласно Памъ. Посмотримъ, пройдешь ли ты». — Онъ думалъ, что Стефанъ откажется отъ предложенія, считая невозможнымъ его выполнить. Но каково было удивленіе стараго язычника и всѣхъ зырянъ, когда преподобный не отказался отъ состязанія. «Я не властенъ ни надъ огнемъ, ни надъ водою; но Богъ христіанскій великъ; пойдемъ чрезъ огонь и воду», смиренно отвѣчалъ Стефанъ. Послѣ этого, онъ приказалъ зажечь одно, одиноко стоявшее строеніе, и вырубать на рѣкѣ два проруба. Когда все было готово, преподобный взялъ за руку Паму и сказалъ: «Пойдемъ въ огонь». Затрясся отъ страха наглый обманщикъ, и сталъ умолять смѣлаго Стефана не тащить его въ огонь. То же самое, при всемъ честномъ народѣ, Памъ отказался спуститься въ воду чрезъ одинъ прорубъ и подняться на ледъ чрезъ другой. «Видите, обратился преподобный къ народу. Самъ же вызвался, и теперь отказывается. Чего, по вашему, заслуживаетъ такой человѣкъ?»

«Убить!» крикнулъ весь народъ. — «Нѣтъ, убивать незначѣмъ — грѣхъ. Но чтобы онъ впредь не развращалъ васъ своими бреднями, его слѣдуетъ удалить изъ вашей стороны». Народъ похвалилъ добросердечіе и милосердіе Стефана, выгналъ Пама изъ предѣловъ зырянскихъ, и еще въ большемъ числѣ сталъ обращаться въ христіанство.

Въ 1383 году, преподобный отправился въ Москву. Отдавъ отчетъ объ успѣхахъ своей дѣятельности великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому и митрополиту Пимену (1385—1390), Стефанъ просилъ о назначеніи епископа въ Пермскій край, въ виду того, что крестившихся было уже свыше тысячи. Великій князь и митрополитъ съ любовью и глубокимъ уваженіемъ выслушали проповѣдника, и на общемъ совѣтѣ признали Стефана достойнымъ епископскаго сана. Въ томъ же году возведенный въ епископы во Владимірѣ, святитель съ богатыми дарами и большими преимуществами отъ государя вернулся въ Усть-Вымь. Здѣсь онъ учредилъ каѳедру, — начало Пермской епархіи. На пути въ Усть-Вымь, первый архіерей Пермскій заѣхалъ на свою родину, въ Великій Устюгъ. Встрѣча устюжанами была торжественная. Не только городскіе жители, но изъ окрестностей собралось множество народа. Не смотря на зимнее время, всѣ вышли далеко за городъ встрѣчать владыку. Съ крестнымъ ходомъ, колокольнымъ звономъ, при радостныхъ крикахъ, святитель вступилъ въ Великій Устюгъ. Въ мѣстномъ соборномъ храмѣ, гдѣ нѣкогда состоялъ смиреннымъ, незначительнымъ причетникомъ, епископъ Стефанъ отслужилъ молебствіе. Выходя изъ собора, святой Стефанъ поклонился до земли на томъ мѣстѣ соборной паперти, гдѣ когда-то преподобный Прокопій Юродивый предрекъ его матери, что она будетъ родительницею первоепископа Пермскаго. По прибытіи въ Усть-Вымь, гдѣ зыряне встрѣтили владыку съ великою радостью и даже цѣловали его одежду, святитель занялся устройствомъ епархіи. Благовѣщенскую церковь онъ назначилъ соборною каѳедральною, а при Архангельской учредилъ монастырь, — первый въ Пермскомъ краѣ, существовавшій до 1764 года. Изъ учрежденнаго въ Усть-Вымѣ училища способнѣйшихъ зырянъ Стефанъ посвящалъ въ священники и дьяконы, а другихъ въ церковники. Затѣмъ предпринялъ обзоръ епархіи, всюду устроая храмы и утверждая крестившихся въ православіи.

Во время обозрѣнія епархіи, святитель только въ селеніи Гамѣ былъ огорченъ: здѣсь не только христіанство не увеличилось, но и тѣ, которые когда-то крестились, возвратились къ язычеству. «Слѣпой народъ, воскликнулъ святой, съ скорбію. Пусть будетъ Гамъ слѣпой!» И слова Стефана сбылись: донинѣ волость эта именуется «Слѣпой Гамъ». Но что всего удивительнѣе:—съ тѣхъ поръ и по настоящее время гамскіе жители рождаются въ большинствѣ близорукими, подслѣповатыми, и слывуть «слѣпородами». Таково значеніе слова угодника Божія. Въ другомъ же мѣстѣ, въ селѣ Тулимѣ, въ 25 верстахъ отъ Яренска, одна благочестивая женщина, замѣтя у владыки худую обувь, поднесла ему новыя портянки. Святой, взявъ ихъ, благословилъ добрую женщину, и предрекъ, что мѣстность эта будетъ торговою:—такъ и сбылось.

Въ 1385 году дикое племя вогуловъ, подстрекаемое своими жрецами, сдѣлало набѣгъ на зырянскую страну. Народъ въ страхѣ бѣжалъ въ Усть-Вымь. Владыка, пославъ гонца въ Устюгъ за ратною силою, распорядился укрѣпить Усть-Вымь валами. А потомъ, услышавъ о приближеніи вогуловъ, безбоязненно, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ зырянъ, и духовенства, со крестами, поплылъ на встрѣчу дикарямъ, по рѣкѣ Вычегдѣ. Увидивъ лодку святителя, на вогуловъ нашель ужасъ: они разбѣжались, и съ той поры, пока живъ былъ угодникъ Божій, ни разу не осмѣливались нападать на зырянскія поселенія. Какъ впослѣдствіи дознано было, ужасъ на вогуль нашель оттого, что лицо святителя имъ показалось необыкновенно грознымъ, отъ его архіерейскаго облаченія исходило пламя, а самъ онъ какъ бы металъ въ нихъ огненные стрѣлы.

На слѣдующій годъ владыка Пермскій оказалъ незабвенную услугу своей паствѣ. При наступившемъ голодѣ, Стефанъ явился питателемъ голодающихъ, отпускалъ изъ своихъ запасовъ хлѣбъ даромъ, а потомъ закупалъ въ Устюгѣ и Вологдѣ. И наконецъ исходатайствовалъ у великаго князя прощенія за этотъ несчастный годъ недоимокъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ государь щедро вознаградилъ епископію за ея помощь народу, приславъ въ Усть-Вымь богатые дары, значительныя деньги и приписавъ къ Архангельскому монастырю нѣсколько деревень. Независимо отъ помощи въ голодное время, владыка помогалъ зырянамъ и сѣменами, и деньгами на покупку

домашняго скота. Вообще онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ для просвѣщеннаго святою вѣрою народа.

Такъ, напримѣръ, когда новгородскіе выходцы приходили въ придѣлы зырянскіе, притѣсняли и грабили жителей,—святитель самъ отправился въ Новгородъ, и успѣлъ выхлопотать запрещеніе новгородскимъ выходцамъ касаться зырянъ.

Въ тринадцать лѣтъ своего епископства, святой Стефанъ построилъ множество церквей и четыре монастыря.

Владыка Пермскій Стефанъ пользовался великимъ почетомъ и значеніемъ какъ у первосвятителей земли Русской, такъ и у великаго князя Дмитрія Донскаго и его преемника Василя Дмитріевича (1389—1425). Онъ нѣсколько разъ былъ вызываемъ въ Москву, для обсужденія церковныхъ дѣлъ, какъ человѣкъ опытный и ученый. Въ одно изъ путешествій въ Москву, въ 1390 года, онъ, за спѣшностью, не могъ посѣтить своего друга, преподобнаго Сергія Радонежскаго (†1391; пам. 25 сент. и 5 іюля). Остановившись на пути, Стефанъ прочелъ молитву «Достойно», потомъ обернулся въ ту сторону, гдѣ находится обитель Троице-Сергіева, поклонился, благословилъ и сказалъ: «Миръ тебѣ, духовный братъ мой!» Преподобный Сергій сидѣлъ въ то время за трапезою съ братіею. Проразумѣвъ привѣтствіе Стефана издалека, угодникъ Божій всталъ, сотворилъ молитву, и, поклонившись до земли, произнесъ: «Радуйся и ты, папастырь Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою!» На вопросъ изумленной братіи, Сергій преподобный отвѣтилъ, что въ это самое время епископъ Пермскій Стефанъ, ѣдучи въ Москву, «поклонился Святой Троицѣ, и насъ, смиренныхъ, благословилъ».

Въ послѣдній разъ, въ 1396 г., вызванный въ Москву святымъ митрополитомъ Кипріаномъ (1380—85; 1390—1406; пам. 16 сент. и 27 мая), Стефанъ получилъ откровеніе свыше, что онъ изъ Москвы уже не возвратится болѣе назадъ. Оповѣстивъ о томъ паству, святой съ большею частью ея долго бесѣдовалъ, наставляя быть крѣпкими въ вѣрѣ. Затѣмъ, благословивъ всѣхъ и устроивъ насколько возможно дѣла епархіи, великій подвижникъ отправился въ путь. Его отъѣздъ сопровождался повсемѣстнымъ плачемъ жителей. Въ Москвѣ, вскорѣ по прибытіи, онъ заболѣлъ и скончался въ праздникъ Преполовенія, 26 апрѣля 1396 г. Стефанъ погребенъ, съ великими почестями, въ при-

сутствіи великаго князя, митрополита, въ церкви *Спаса на Бору* въ кремль, гдѣ и донынѣ повоюется его святая мощи подъ спудомъ. Служба святителю составлена еще въ 1472 г. при Іоаннѣ III Васильевичѣ Великомъ (1462—1505).

27-го Апрѣля.

Святый священномученикъ Симеонъ, епископъ Іерусалимскій, сродникъ Господень по плоти, Апостолъ отъ 70-ти.

Этотъ Апостолъ отъ семидесяти и святитель былъ племянникъ праведнаго Іосифа Обручника (пам. въ нед. св. отецъ предъ Рожд.), именно сынъ брата его Клеопы (пам. 4 янв. и 39 окт.). А какъ праведный Іосифъ считался отцомъ (мнимымъ) Іисуса Христа, то отсюда и произошло наименованіе Симеона сродникомъ Господнимъ по плоти. Свидѣтель чудесъ Спасителя, онъ былъ послѣдователемъ ученія Христова и, по Вознесеніи Его, причисленъ къ лику Семидесяти Апостоловъ. Послѣ проповѣди слова Божія, Симеонъ, по мученической кончинѣ перваго епископа Іерусалимскаго Іакова (33—61 или 62; пам. 4 янв., 23 окт.), избранъ на престолъ іерусалимскій, въ царствованіе Римскаго императора Веспасіана (70—79). Слѣдовательно, Симеонъ былъ свидѣтелемъ разоренія Іерусалима римлянами. Въ царствованіе Траяна (98 — 117) два еретика, по ненависти къ святителю, донесли римскому правительству на Симеона, какъ на исповѣдывающаго новую вѣру—христіанскую, такъ и на то, будто онъ происходитъ отъ царскаго рода Давида. Римскіе правители въ то время преслѣдовали исповѣдниковъ новой вѣры и старались искоренить всякій намекъ на существованіе между евреями потомковъ царскаго рода Давида. Въ виду этого, доносъ былъ принятъ во вниманіе, и престарѣлый Симеонъ, имѣвшій въ то время около ста двадцати пяти лѣтъ отъ роду, былъ схваченъ, и распятъ на крестѣ, около 107 года по Р. Х.

Святой Стефанъ, епископъ Владиміро-волинскій.

Любимецъ и постриженецъ преподобнаго отца нашего Θεодосія Печерскаго (1074; пам. 3 мая и 14 авг.), святой Стефанъ состоялъ въ Кіевопечерскомъ монастырѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ сего угодника Божія. Онъ пользовался такимъ довѣріемъ Θεодосія, что преподобный поручалъ ему проповѣдь слова Божія. Предъ кончиною своею, преподобный Θεодосій избралъ Стефана себѣ въ преемники. Ставъ игуменомъ, Стефанъ продолжалъ дѣло своего предшественника: окончилъ строеніе Печерской церкви, построилъ близъ новаго храма кельи и перевелъ братію изъ стараго монастыря, находившагося сажень двѣсти отъ этой церкви. Въ старомъ монастырѣ остались лишь немногіе изъ братіи для погребенія умирающихъ и ежедневнаго совершенія литургіи за усопшихъ братій. Затѣмъ Стефаномъ оба монастыря обнесены деревянною стѣною. Вскорѣ послѣ того, почему-то монахи возненавидѣли своего игумена, такъ что онъ принужденъ былъ удалиться изъ монастыря. Незлобивый и добродѣтельный Стефанъ не ропталъ, но съ смиреніемъ переносилъ несчастіе, молясь за своихъ враговъ. Многіе изъ кіевской знати, у которыхъ Стефанъ состоялъ духовникомъ, искренне сожалѣя о невинномъ страдальцѣ, оказывали ему достаточную помощь. При посредствѣ своихъ духовныхъ дѣтей-почитателей, преподобный, невдалекѣ отъ Кіево-печерскаго монастыря, устроилъ особую обитель во имя Пресвятой Богородицы, въ память Положенія ризы ея во Влахернѣ (такъ называется одна мѣстность въ Константинополѣ; пам. совершается 2-го іюля). Во вновь устроенномъ, названномъ по мѣстности, Кловскимъ монастырѣ введенъ уставъ кіево-печерскій. Чрезъ нѣкоторое время Стефанъ избранъ былъ въ епископы Владиміро-волинскіе (Волинской губ.)—именно въ 1091 г., при великомъ князѣ Кіевскомъ Всеволодѣ (1078—1093). Въ томъ же 1091 г. Господь судилъ Стефану прибыть въ Кловскій монастырь, незадолго до перенесенія мощей преподобнаго Θεодосія изъ пещеры въ новосозданный храмъ (14 августа). Наканунѣ перенесенія мощей святитель видѣлъ надъ пещерою великій свѣтъ. Онъ тотчасъ же отправился, думая, что не совершается ли ужъ самое перенесеніе. При прибли-

женіи же Стефанъ увидѣлъ — будто горить у пещеры множество свѣтъ. Но этотъ свѣтъ исчезъ, когда угодникъ Божій подошелъ въ самой пещерѣ. На утро, онъ, въ числѣ прочихъ епископовъ, участвовалъ при перенесеніи мощей своего учителя изъ пещеры въ ново-созданный храмъ. Послѣ сего духовнаго торжества, святитель отправился въ свою епархію, гдѣ, черезъ весьма непродолжительное время, отошелъ ко Господу, именно 27 апрѣля 1093 г., преизукрашенный всякими добродѣтелями. Кончина святаго Стефана послѣдовала во дни великаго князя Кіевскаго Святополка (1093—1113).

28-го Апрѣля.

Святые Апостолы отъ семидесяти Іасонъ и Сосипатръ; мученики: Керкира дѣвица, Саторній, Іаки-схолъ, Фавстіанъ, Януарій, Марсалій, Евфрасій, Маммій, Зинонъ, Евсевій, Неонъ и Виталій.

Святые Апостолы отъ семидесяти Іасонъ и Сосипатръ были ученики верховнаго апостола Павла († 67, п. 29 іюня) и упоминаются имъ въ посланіи къ римлянамъ. «Привѣтствуютъ васъ, говорилъ онъ римлянамъ, Іасонъ и Сосипатръ, сродники мои» (гл. XVI, см. 21). Іасонъ былъ уроженецъ города Тарса (нынѣ турецкій Терсусъ, на рѣкѣ Терсусъ-чаѣ, впадающей въ Средиземное море, на югѣ передней Азіи). Сосипатръ происходилъ изъ греческой области Ахаіи (Ахаія прилежала къ Коринѣскому заливу, на сѣверѣ Морей, въ нынѣшнемъ Греческомъ королевствѣ). Оба они были рукоположены во епископовъ—Іасонъ въ родномъ городѣ Тарсѣ, а Сосипатръ—въ Иконіи (нынѣ турецк. городъ Конія, между озерами Блейшеромъ и Тусчеліа, въ срединѣ Азіатской Турціи). Управляя своими епархіями, святители приумножали Церковь Христову, и, независимо сего, проповѣдывали Слово Божіе и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, прибывъ на островъ Керкиру (нынѣ Корфу, одинъ изъ

Іонійскихъ острововъ, на юго-западѣ Балканскаго полуострова, принадлежитъ Греціи), святые Іасонъ и Сосипатръ водворили здѣсь христіанство и построили прекрасную церковь во имя первомученика Стефана († въ I вѣкѣ; пам. 4 янв., 27 декабря, 2 авг., 15 сент.). Такая дѣятельность Апостоловъ крѣпко не понравилась нѣкоторымъ вліятельнымъ язычникамъ Керкиры. Они сдѣлали доносъ на Іасона и Сосипатра правителю острова Керкиливу. Керкилинъ велѣлъ схватить проповѣдниковъ ученія Христова и посадить въ темницу, гдѣ въ то время находилось семь разбойниковъ: Саторній, Іакисхоль, Фавстіанъ, Іануарій, Марсалий, Евфрасій и Маммій. Апостолы обратили этихъ преступниковъ ко Христу и крестили. Просвѣщенные святымъ крещеніемъ, Саторній и шесть его сотоварищей, за приверженность къ христіанству, закончили жизнь свою мученическимъ подвигомъ. Правитель острова приказалъ ихъ сварить въ котлѣ, наполненномъ кипящею смолою, сѣрою и воскомъ. Наставники-же святыхъ семи мучениковъ, Іасонъ и Сосипатръ, закованные въ тяжелыя кандалы, на время оставлены въ тюрьмѣ. Страданія мучениковъ видѣла изъ своего терема дочь правителя острова, Керкира. Ужаснулась она жестокосердію язычниковъ и безстрашію христіанъ. «Значить, Богъ христіанскій истиненъ, думалось Керкирѣ, если во имя Его люди повидають древнюю вѣру, переходятъ въ христіанство и безбоязненно идутъ на муки». Въ этой мысли она раздала всѣ свои драгоценныя одежды и украшенія нищимъ и объявила себя христіанкою. Керкилинъ пытался-было и ласками и угрозами вернуть дочь свою къ язычеству, но успѣха въ томъ не имѣлъ никакого. Въ озлобленіи, онъ потерялъ всякое родительское чувство и позабылъ о стыдѣ. Заключивъ Керкиру въ особое помѣщеніе, Керкилинъ отдалъ дочь свою на оскверненіе арабу. Но Господь охранилъ цѣломудріе юной дѣвы. Когда арабъ приблизился къ мѣсту заключенія Керкиры, откуда ни возмись огромный медвѣдь. Звѣрь напалъ на араба и началъ терзать. Святая видѣла случившееся съ арабомъ, изъ окна своего заключенія. Именемъ Христовымъ отогнала она медвѣдя, исцѣлила раны несчастнаго, и обратила его ко Христу. Арабъ отказался отъ преступнаго намѣренія исполнить волю жестокосердаго Керкилина, и началъ громогласно взывать: «Я христіанинъ»!.. За это, по приказанію пра-

вителя острова, арабъ преданъ былъ смерти. Послѣ сего злодѣй-отецъ велѣлъ обложить дровами мѣсто заключенія своей дочери и поджечь. Огонь охватилъ зданіе, и оно погибло въ пламени, святая-же дѣва осталась невредимою. Чудо это видѣли многіе изъ островитянъ,—и увѣровали во Христа. Наконецъ Керкиру повѣсили къ мучилищному столбу и начали душить дымомъ и разстрѣливать стрѣлами. Въ этихъ мукахъ мученица скончалась. Устрашенные такимъ варварствомъ, христіане, жители острова Керкиры, разбѣжались по окрестнымъ островамъ изъ боязни неистоваго гнѣва Керкилина. Мучитель отправился на поиски за бѣглецами, но въ пути получилъ должное возмездіе за злодѣянія: онъ утонулъ въ морѣ. Вздохнули свободно керкирцы и возвратились къ роднымъ пепелищамъ. Слава Господа, покаравшаго мучителя, христіане освободили изъ темницы Іасона и Сосипатра, и святые Апостолы продолжали проповѣдь Слова Божія. Христіанство по острову распространилось. Новый правитель Керкиры, также язычникъ, хотѣлъ помѣшать проповѣди святыхъ Апостоловъ. По его приказанію, Іасонъ и Сосипатръ взяты подъ стражу и потомъ брошены въ кипящую смѣсь смолы, воска и сѣры. Но смѣсь сгорѣла, а Апостолы остались живы и невредимы, между тѣмъ какъ многіе изъ стоявшихъ по близости язычниковъ были попалены. Видѣвшіе совершившееся чудо увѣровали во Христа, а вмѣстѣ съ ними и самъ правитель острова. Іасонъ и Сосипатръ крестили народъ и правителя Керкиры, который, при святомъ крещеніи, наименованъ былъ Севастіаномъ. Крестилось и семейство Севастіана. Чрезъ нѣкоторое время у Севастіана заболѣлъ и умеръ сынъ. Апостолы помолились объ умершемъ, и онъ ожилъ. Возрадовался несказанно Севастіанъ милости всемогущаго Бога и сталъ ревностнѣйшимъ помощникомъ Апостоловъ въ дѣлѣ утвержденія христіанства на островѣ. При его помощи Іасономъ и Сосипатромъ устроено было на острову нѣсколько храмовъ Божіихъ. Совершивъ много чудесъ во славу имени Христа Спасителя и потрудившись до конца жизни во благовѣстіи Слова Божія, святые Апостолы Іасонъ и Сосипатръ мирно скончались въ глубокой старости, въ I вѣкѣ по Р. Хр., на островѣ Керкирѣ (Корфу).

Сими-же апостолами просвѣщены святымъ крещеніемъ керкиряне Зинонъ, Евсей, Неонъ и Виталій, которые своими соотечественниками-язычниками сожжены были за ревность о Христѣ. Память всѣхъ, упоминаемыхъ святыхъ Православная Церковь чествуетъ 28 апрѣля.

Святой Кириллъ, епископъ Туровскій.

Этотъ святитель родился въ древней Руси, въ городѣ Туровѣ, на рѣкѣ Припети, впадающей съ лѣвой стороны въ Днѣпръ. Нынѣ Туровъ мѣстечко Минской губеніи. Родители святаго Кирилла были благочестивые и богатые. Но богатство не привлекало будущаго святителя. Въ раннемъ возрастѣ онъ обнаруживалъ любовь къ уединенію, прилежалъ къ чтенію Священнаго Писанія, и, въ послѣдствіи, ушелъ въ туровскую Борисоглѣбскую обитель, и тамъ постригся. Не довольствуясь строгимъ исполненіемъ монашескихъ уставовъ, Кириллъ, подвижничества ради, подражая древнимъ столбникамъ, заключился въ столбъ, гдѣ и провелъ нѣкоторое время въ непрестанномъ постѣ, молитвахъ, бдѣніяхъ и богомысліи. Искусный въ Священномъ Писаніи, образецъ высокой монашеской жизни, Кириллъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Къ нему стекались отовсюду, и «многимъ, говорится въ Прологѣ, на пользу бысть, и славенъ бысть по всей странѣ той, и многа божественная писанія изложивъ». По смерти одного изъ Туровскихъ епископовъ, святой Кириллъ долженъ былъ покинуть свое уединеніе. Туровскіе князь и граждане умолили его принять санъ епископскій, вмѣсто скончавшагося. Своими поученіями, святостью жизни и просвѣщеніемъ святитель сталъ извѣстенъ великому князю Владимірскому, благовѣрному Андрею Георгіевичу Боголюбскому (1157—1174 г., пам. 29 іюня и 4 іюля). Князь этотъ сдѣлался ревностнымъ почитателемъ епископа Туровскаго, сочиненія котораго Андрею доставляли истинное наслажденіе. А писалъ святой Кириллъ очень много. Изъ числа многихъ произведеній святителя нынѣ извѣстны около двѣнадцати словъ (проповѣдей), двадцать четыре мо-

литвы и покаянный канонъ (покаяння церковныя пѣснопѣнія). Въ 1182 году, Кириллъ, весьма незадолго до своей кончины, ушелъ на покой. Но и отсюда не переставалъ писать разнымъ лицамъ наставленія. 28 апрѣля 1183 г. святой Кириллъ скончался, во дни Кіевскаго великаго князя Святослава Всеволодовича (1177 — 1195). Молитвы и канонъ святителя и доннѣ цѣнятся высоко, по глубинѣ мысли и трогательности выраженій. Прологъ (собраніе краткихъ житій святыхъ) такъ говоритъ въ заключительныхъ словахъ о святомъ Кириллѣ Туровскомъ: «Пріидите днесъ (нынѣ), братіе, похвалимъ сего святителя, глаголюще: радуйся, святителю честный и учителю, златословенный учитель намъ въ Россіи возсіа паче всѣхъ. Радуйся, иже святымъ и пресвѣтлымъ ученіемъ своимъ концы російскія просвѣтилъ еси благоразуміемъ».

29-го Апрѣля.

Святые мученики Θεогній, Руфъ, Антипатръ, Θεостихъ, Артема, Магнъ, Θεодотъ, Θавмасій и Филимонъ Кизическіе.

На Малоазіатскомъ берегу Мраморнаго моря, на перешейкѣ нынѣшняго полуострова Корпудоса, въ древности существовалъ городъ Кизикъ. Нынѣ о бытности города свидѣтельствуютъ однѣ лишь развалины. Въ этомъ городѣ, въ царствованіе Римскаго императора Діоклитіана (284 — 305), во время гоненій на христіанъ, пострадали святые Θεогній, Руфъ, Антипатръ, Θεостихъ, Артема, Магнъ, Θεодотъ, Θавмасій и Филимонъ, уроженцы различныхъ странъ. Въ ту пору многіе христіане, изъ боязни жестокихъ казней и по привязанности къ жизни, уходили изъ городовъ и селъ, и скрывались въ горахъ, лѣсахъ и пропастяхъ земныхъ. Другіе, слабые вѣрою, отрекались отъ христіанства вполне или только наружно. Поименованные же исповѣдники имени Христа Спаси-

теля, безбоязненно оставаясь въ городѣ, открыто, во всеуслышаніе обличали языческія заблужденія, и упадавшихъ духомъ едино-вѣрцевъ утверждали въ правовѣріи. За это всѣ девять святыхъ были схвачены язычниками. Ихъ по нѣскольку разъ то заключали въ темницу; то выводили и склоняли къ отреченію отъ христіанства; то предавали различнымъ и многократнымъ жестокимъ истязаніямъ, за непокорливость и хуленіе древне-римскихъ боговъ. Мученики выносили мужественно и поруганія, и язвы, но оставались непреклонны въ преданности Богу Истинному. Въ концѣ концовъ, всѣ девять братьевъ по вѣрѣ и по мукамъ были обезглавлены. Впослѣдствіи, благовѣрный царь Константинъ (324—337) одолѣвъ, при помощи Божіей, своихъ противниковъ и содѣлался единовластнымъ обладателемъ Греко-римскаго царства. Обязанный побѣдамъ единственно силѣ Честнаго Животворящаго Креста, императоръ объявилъ вѣру христіанскую господствующею и наконецъ самъ крестился. Въ его царствованіе мощи девяти мучениковъ были изнесены изъ земли, и, найденныя нетлѣнными, переложены въ новый гробъ и поставлены въ храмъ, посвященный имени сихъ угодниковъ Божіихъ. Чудеса, источавшіяся изобильно отъ мощей мучениковъ, имѣли спасительное дѣйствіе на жителей Кизикъ. Будучи свидѣтелями видимаго всемогущества Творца въ цѣленіяхъ недуговъ, совершавшихся при мощахъ просіявшихъ нетлѣніемъ страдальцевъ, всѣ язычники кизическіе обратились въ христіанство.

30-го Апрѣля.

Святой Апостоль Іаковъ Заведеевъ.

Святой Апостоль Іаковъ Заведеевъ—родной братъ Іоанна Божеслова. Оба они были дѣти рыбака Заведее и Соломіи. О призваніи Христомъ Іакова и Іоанна на апостольство говорится въ Евангеліи Маттея (Гл. IV, ст. 21—22). У евангелиста же Марка (гл. III, ст. 17) повѣствуется, что Господь Іакова и Іоанна наименовалъ «Во-

анергесъ», что значить сыны громовъ, въ знаменіе, вѣроятно, ихъ ревности и смѣлости къ проповѣди спасительнаго ученія. Апостоль Іаковъ и Іоаннъ Богословъ вмѣстѣ съ Петромъ были свидѣтелями воскресенія дочери Іаировой, Преображенія Господня и моленія Спасителя въ саду Геосиманскомъ. Апостоль Іаковъ Заведеевъ первый изъ двѣнадцати апостоловъ мученически скончался за Христа. Объ этомъ событіи повѣствуется слѣдующее. По сошествіи Святаго Духа на апостоловъ, Іаковъ Заведеевъ отправился на проповѣдь Слова Божія въ различныя страны и, между прочимъ, въ Испанію (юго-западная оконечность Европы). Насадивъ здѣсь христіанство, Іаковъ возвратился въ Іерусалимъ, и смѣло продолжалъ ученіе о Христѣ, доказывая іудеямъ всю гнусность ихъ поступка съ Богочеловѣкомъ, и изобличая ихъ заблужденія. Послѣ неудачныхъ споровъ съ нимъ, презрѣнные хриstopродавцы наняли, за дорогую плату, нѣкоего ученаго остроумца Ермогена посрамить въ спорѣ святаго Іакова. Но Ермогенъ вмѣстѣ съ ученикомъ Филитомъ не выполнили порученія богоубійцъ: боговдохновенный Іаковъ, силою слова своего, разбилъ всѣ мудрованія Ермогена и Филита. Они признались въ ничтожествѣ своихъ знаній, покаялись въ заблужденіяхъ и добровольно потребовали крещенія. Презрѣннымъ евреямъ крѣпко пришлось не понутру совершившееся съ Ермогеномъ и Филитомъ. Ярясь на Апостола Іакова, они, за деньги, отыскали человѣка, по имени Іосію, который согласился лжесвидѣтельствовать объ Іаковѣ предъ данникомъ римскимъ—Іудейскимъ царемъ Иродомъ-Агриппою. Этотъ Иродъ былъ внукъ того Ирода, который нѣкогда избилъ виѳлеемскихъ младенцевъ. Свирѣпый прислужникъ римскихъ властей, съ цѣлію привлечь къ себѣ іудеевъ, Иродъ, въ угоду имъ, какъ извѣстно, въ 42 году по Р. Х., гналъ христіанъ. Низкому льстецу римлянъ и послушному орудію вліятельныхъ іудеевъ, чтобы удержаться на престолѣ, оставалось одно—исполнять безпрекословно желанія римлянъ и евреевъ. Онъ такъ и поступалъ. Едва предъ нимъ предсталъ слуга Божій,—послѣдователь и распространитель ученія Христова Іаковъ, какъ презрѣнный Иродъ, безъ всякихъ разсужденій, приказалъ обезглавить Апостола. Выслушавъ смертный приговоръ, Іаковъ оставался спокойнымъ и не переставалъ свидѣтельствовать о Спасителѣ міра. Спокойствіе, сила слова, смѣлость сильно

подѣйствовали на лжесвидѣтеля Іосію. Онъ созналъ свой грѣхъ, кинулся къ ногамъ Іакова и началъ умолять о прощеніи. Получивъ прощеніе, Іосія увѣровалъ и началъ славить Христа, за что и приговоренъ къ обезглавленію. Апостола Іакова и Іосію одновременно повели на казнь. Идучи на смерть, Іаковъ исцѣлилъ при пути лежавшаго разслабленнаго. Предъ самымъ совершеніемъ казни Іосія еще разъ умолялъ Апостола о прощеніи. Незлобивый служитель Божій обнялъ Іосію, поцѣловалъ и сказалъ: „Миръ тебѣ“. Затѣмъ оба преклонили головы, и были усѣчены 30 апрѣля 45 года по Р. Хр. Мощи Апостола Іакова, по волѣ Божіей, были перенесены въ Испанію, гдѣ и покоются въ городѣ Компостельи. При нашествіяхъ аравитянъ на Испанію, святой Іаковъ Заведеевъ оказывалъ испанцамъ неоднократно помощь, и съ тѣхъ поръ жители этой страны чтутъ Апостола Іакова своимъ покровителемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Аганія, мчнца, 16 апр.	574
Агаѳоподъ, дьяконъ, мчнк., см. Θεодульъ чтець.	
Акакій, епскп. Мелитинскій, 17 апр.	579
Акутіонъ, мчнк., см. Януарій епископ.	
Александра, прца, см. Георгій побѣдоносець.	
Александръ, мчнк., см. Терентій.	
Амфіанъ, мчнк., 2 апр.	509
Анастасій Синаитъ, 20 апр.	595
Анатолій, см. Георгій побѣдоносець.	
Аѳанасій, см. Георгій побѣдоносець.	
Антипа, свщмчнк., 11 апр.	549
Антипатръ, мчнк., см. Θεогній.	
Антоній Виленскій, мчнк., 14 апр.	567
Аристархъ, апстль отъ 70, 15 апр.	570
Артема, мчнк., см. Θεогній.	
Артемонъ, свщмчнк., 13 апр.	557
Африканъ, мчнк., см. Терентій, 10 апр.	546
Аѳанасія, прпдбная, 12 апр.	553
Вадимъ, прпдбнмчнк., 9 апр.	544
Варсонофій, епскп. Тверской, 11 апр.	551
Василій, епскп. Амасійскій, свщмчнк., 26 апр.	635
Виталій, мчнк., см. Іасонъ апстль.	
Гавріилъ-младенець, мчнк., 20 апр.	598
Георгій Исповѣдникъ, 7 апр.	529
Георгій Побѣдоносець, влкмчнк., 23 апр.	614
Глафира, свят. дѣва, см. Василій Амасійскій.	
Гликерій, см. Георгій Побѣдоносець.	
Григорій, птррхъ Антиохійскій, см. Анастасій Синаитъ	
Дисидерій, мчнк., см. Януарій епископъ.	
Евсевій мчнк., см. Іасонъ апстль.	
Евстаѳій Виленскій, см. Антоній.	
Евтихій, птррхъ цареградскій, 6 апр.	523
Евтихій, мчнк., см. Януарій епископъ.	
Евфрасій, мчнк., см. Іасонъ апстль.	
Евѳимій Суздальскій, прпдбн., 1 апр.	506
Евѳимій Корельскій, прпдобн., 18 апр.	590
Едесій, мчнк., см. Амфіанъ.	
Елисавета Цареградская, прпдбн., 24 апр.	630
Закхей, апостоль отъ 70, 20 апр.	598
Зинонъ, мчнк., см. Терентій.	
Зинонъ, мчнк., см. Іасонъ апстль.	
Зосима Ворбозомскій, прпдбн., 4 апр.	518
Зосима Соловецкій, прпдбн., 17 апр.	582
Ирина, мчнца, см. Аганія.	
Исихій, блжнный, см. Евтихій патріархъ.	
Іакисхоль, мчнк., см. Іасонъ апстль.	
Іаковъ Заведеевъ, апстль, 30 апрѣля.	656

	Стр.
Іануарій, епскп., свщмчнк., 21 апр.	610
Іануарій, мчнк., см. Іасонъ апстлѣ.	
Іасонъ, апстл. отъ 70, 28 апр.	651
Іоаннъ Виленскій, см. Антоній.	
Іоаннъ Новый, мчнк., 18 апр.	588
Іосифъ Пѣснопѣвецъ, 4 апр.	514
Іеркира, двца, мчнца, см. Іасонъ апостлѣ	651
Кириллъ, епскпъ Туровскій, 28 апр.	654
Магнъ, мчнк., см. Θεогній.	
Максимъ, мчнк., см. Терентій.	
Маммій, мчнк., см. Іасонъ апстлѣ.	
Марія Египетская, прпдбная, 1 апр.	497
Маркъ Евангелистъ, 25 апр.	631
Марсалий, мчнк., см. Іасонъ апстлѣ.	
Мартинъ Исповѣдникъ, 14 апр.	562
Мстиславъ, кнзь, 15 апр.	570
Неонъ, мчнк., см. Іасонъ апстлѣ.	
Никита Исповѣдникъ, 3 апр.	510
Ниль Сорскій, прпдбн., 7 апр.	535
Нифонтъ, епскп. Новгородск., 8 апр.	539
Отрій, епскп. Мелитинскій, 17 апр.	580
Поминій, см. Терентій.	
Прокуль дьяконъ, мчнк., см. Іануарій епископъ.	
Протолеонъ, см. Георгій Побѣдоносецъ.	
Пудъ, апстл. отъ 70; см. Аристархъ.	
Руфъ, мчнк., см. Θεогній.	
Савва Стратилать, мчнк., 24 апр.	628
Саторній, мчнк., см. Іасонъ апстлѣ.	
Сильвестръ Обнорскій, прпдбн., 25 апр.	634
Симеонъ, апстл. отъ 70-ти, 27 апр.	649
Сосипатръ, апстл. отъ 70-ти см. Іасонъ апстлѣ.	
Соссій, дьяконъ, мчнк., см. Іануарій епископъ.	
Стефанъ Пермскій, епскп., 26 апр.	640
Стефанъ, епскп. Владиміровольнскій, 27 апр.	650
Терентій, мчнк., 10 апр.	546
Трифонтъ, птррх. Цареградскій, 19 апр.	591
Трофимъ, апстл. отъ 70, см. Аристархъ.	
Фавстіанъ, мчнк., см. Іасонъ апстлѣ.	
Фавстъ дьяконъ, мчнк., см. Іануарій епископъ.	
Филимонъ, мчнк., см. Θεогній.	
Хіонія, мчнца, см. Агапія.	
Фавмасій, мчнк., см. Θεогній.	
Θεогній, мчнк., 29 апр.	655
Θеодора, кнгня, 16 апр.	578
Θеодоръ, мчнк., см. Терентій.	
Θеодоръ Сикеотъ, епскп., 22 апр.	602
Θеодотъ, мчнк., см. Θεогній.	
Θеодулъ, чтець, мчнк., 5 апр.	519
Θеостихъ, мчнк., см. Θεогній.	

	Цѣна. Съ пер.
20. Военные очерки. Разказы изъ минувшей войны.	20 к. 25 к.
21. Въ охотникахъ на Кавказѣ	30 » 35 »
22. Анекдоты о Петрѣ Великомъ	20 » 25 »
Зауръ-Бекъ. Разказъ изъ Кавказской жизни.	10 » 15 »
23. Кавказская война и ея герои. Очеркъ войны	12 » 15 »
24. Объ Отечественнѣйшей войнѣ	10 » 15 »
25. Славная оборона Петропавловскаго порта противъ Англо-Фран- цузскаго флота въ 1854 г.	10 » 12 »
26. Подвиги воинскихъ чиновъ въ мирное время	15 » 20 »

V. Земля. Вода и Воздухъ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ издано и издается цѣлый рядъ небольшихъ книжекъ, вполне доступныхъ пониманію всякаго грамотнаго человѣка, въ которыхъ описывается природа и

РАЗНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Вышедшія доселѣ книжки всѣ съ рисунками и состоятъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1. Равнины и пустыни. Съ 8 рис.	15 к. 20 в.
2. Луговья и песчанья степи. Съ 9 рис.	20 » 25 »
3. Горы и горная природа. Съ 9 рис.	25 » 30 »
4. Вулканы и землетрясенія. Съ 18 рис.	25 » 30 »
5. Воздухъ, насъ окружающій. Съ 4 рис.	20 » 25 »
6. Тепло и холодъ. Съ 2 рис.	15 » 20 »
7. Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ. Съ 7 рис.	20 » 25 »
8. Свѣтъ и что отъ него происходитъ. Съ 15 рис.	25 » 30 »
9. Вода въ трехъ видахъ. Съ 6 рис.	20 » 25 »
10. Вода въ воздухѣ.	20 » 25 »
1. Источники и рѣки	20 » 25 »
2. Моря и океаны	20 » 25 »
3. Громъ и молнія	20 » 25 »
4. Человѣкъ и природа. Съ 64 рис.	50 » 60 »

VI. Три царства природы.

Подъ этимъ названіемъ издается рядъ книжекъ съ описаніемъ произведеній земли. Здѣсь излагаются нравы животныхъ, свойства, вредъ и польза какъ животныхъ, такъ металловъ и минераловъ. Преимущественно вниманіе будетъ обращено на Россію. Донынѣ вышли книжки:

1. Соль. Съ 6 рис.	15 к. 20 в.
2. Чай, его польза и употребленіе. Съ 8 рис.	10 » 15 »
3. Другъ и недругъ человѣка. Собака и Волкъ.	20 » 25 »
4. Полезныя и вредныя насѣкомыя. Съ 100 рис.	60 » 75 »
5. Охота на звѣрей. Съ рисунками	50 » 60 »

VII. Повѣсти и разказы.

1. Киргизская степь. Солдатскій разказъ Львовича	20 к. 25 к.
2. Солдатскіе разказы о Туркестанскомъ краѣ	20 » 25 »
3. На походѣ. Разказъ Иванова.	20 » 25 »
4. Повѣсти и разказы. Карзунова.	20 » 25 »
5. Подъ Плевной.	10 » 15 »
6. Данила Ивановъ	10 » 15 »
7. Счастливый человѣкъ	30 » 35 »
8. Кладъ.	12 » 15 »
9. Подъ старость радость. Соловьева.	20 » 25 »
10. Дикіе люди жаркой страны	30 » 35 »
11. Инструментъ. Повѣсть. Кукольника	10 » 15 »
12. Новый годъ. Повѣсть. Его-же	10 » 15 »
13. По общей воинской повинности. Соловьева	15 » 20 »

	Цѣна. Съ пер
14. Новобранецъ Камлатовъ	15 к. 20 р.
15. Подъ Свѣтлый день. Соловьева	15 » 20 »
16. Турчанка Галя. Бутовскаго	15 » 20 »
17. Злая судьбина. Тхоржевскаго	15 » 20 »
18. Въ омутѣ. Соловьева	15 » 20 »
19. На вомощь братьямъ славянамъ. Комедія	20 » 25 »
20. Приемышъ. Разсказъ Карзунова	10 » 12 »
Сафронычъ. Его-же	10 » 12 »
21. Боевыя и народныя пѣсни.	15 » 20 »
22. Лиза Бѣломорка	10 » 15 »
23. Бѣглый	10 » 15 »
24. Членовредитель	15 » 20 »
25. Чужое добро— одно страданіе и гибель	15 » 20 »
26. Три разсказа	15 » 20 »
27. Невеселая повѣсть.	15 » 20 »
28. Бархатникъ и лапотникъ	10 » 15 »
29. Фима. Историческій разсказъ изъ русской исторіи	20 » 25 »
30. Пари	5 » 7 »
31. Приключеніе Алжирскаго пирата	10 » 12 »
32. Въ плѣну у Индѣйцевъ.	10 » 12 »
33. Сусла Ивановичъ. Бутовскаго.	10 » 12 »
34. Въ снѣгахъ. Тхоржевскаго	20 » 25 »
35. Двѣ доли. Его-же.	10 » 12 »

VIII. Изданія съ рисунками раскрашенными:

НАРОДЫ РОССІИ.

1. Бѣлорусы и поляки	20 к. 25 р.
2. Латыши и литовцы	20 » 25 »
3. Казанскіе татары.	20 » 25 »
4. Крымскіе татары.	20 » 25 »
5. Черкесы и абхазцы.	20 » 25 »
6. Мордва и черемисы.	20 » 25 »
7. Финны, эсты и карелы	20 » 25 »
8. Тунгузы и юкагиры	20 » 25 »
9. Якуты	20 » 25 »

Славянскіе народы.

1. Русины. Безъ рисунковъ	10 к. 15 р.
2. Болгары. Безъ рисунковъ	10 » 15 »

IX. Описаніе нашихъ морей и рѣкъ.

1. Наши моря и какъ мы ими пользуемся. Шиле	10 к. 12 р.
2. Волга и Поволжье. Турбина.	25 » 30 »
3. Донъ и Донецъ	10 » 15 »
4. Днѣпръ и Приднѣпровье	15 » 20 »
5. Днѣстръ и Приднѣстровье	15 » 20 »

X. Большія иллюстрированныя изданія.

1. Альбомъ Русско-Турецкой войны	— р. 75 к. 1 р.
2. Война въ Европейской Турціи	6 » — » 7 »
3. Война въ Азіатской Турціи	4 » 50 » 5 »

«Досугъ и Дѣло» за 1883 и 1885 года полные экземпляры по 4 р.
съ пересылкою каждый.

Адресъ. Петербургъ, редакція журнала „Досугъ и Дѣло“

Izbrannyya žitija svjatykh pravoslavnoj cerkvi Sost. P. F. Vyšeslavcev [u.
a.]

Bd.: 4

1886

V.ss. 979 x-2/5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11890990-0